

БУЛАТ РАХИМЗЯНОВ

Касимовское
ханство
(1445-1552 гг.).
Очерки истории

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос=Тат)
Р27

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **М.А.Усманов**
доктор исторических наук **Д.М.Исхаков**

Рахимзянов, Б.Р.

Р27   **Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории / Булат Рахимзянов. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2009. — 207 с. ISBN 978-5-298-01721-3**

Монография посвящена Касимовскому ханству («царству») — тюрко-татарскому государству, существовавшему на территории Московской Руси в XV–XVII вв. Жизни этого государственного образования сопутствовало немало дискуссионных вопросов — например, как могло находиться мусульманское государство с мусульманским правителем во главе почти в центре православной России? Было ли это «царство» ханством или княжеством? Спорным представляется и само условие образования Касимовского ханства — насколько добровольной мерой был этот шаг московского правительства; вызвано ли было его образование внутренними потребностями Московского государства или же было продиктовано извне, в силу каких-либо внешних обстоятельств?

Книга предназначена исследователям тюркского мира и историкам России XV–XVI вв., преподавателям и студентам вузов, музейным работникам, всем интересующимся историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос=Тат)

ISBN 978-5-298-01721-3

© Татарское книжное издательство, 2009
© Рахимзянов Б.Р., 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Тексты проблематики	8
§ 1. Первичные тексты	9
Архивная ситуация	9
Договорные и духовные грамоты	10
Дипломатическая документация	11
Разрядные и родословные книги	13
Описи архивов	14
Материалы по хозяйственно-экономической жизни Касимовского ханства	14
Повествовательные тексты	15
§ 2. Вторичные тексты	19
Исследования, касающиеся истории Касимовского ханства косвенно	20
М.Г.Худяков	25
К.В.Базилевич	27
Э.Л.Кинан	30
Труды, специально посвященные Мещерскому юрту и касимовским татарам	40
В.В.Вельяминов-Зернов	40
Изыскания, затрагивающие отдельные аспекты проблематики Касимовского ханства	42
Д.М.Исхаков	44
Глава 2. Образование и устройство ханства	47
§ 1. Спорные вопросы начальной истории	47
Историографическая ситуация	47
Ситуация в Восточной Европе во второй четверти XV в. Москва и Рязань	50
Образование Казанского ханства	52
Суздальская битва 1445 г.	54
«Мирный договор 1445 г.»	56
Выделение Мещеры в управление Касиму	57
Данные договорных грамот	57
Причины неликвидации Касимовского ханства	61
Природа владельческих прав касимовских правителей	63
§ 2. Структура и внутренняя жизнь	65
Административно-политическое устройство	65
Столица Касимовского ханства	78
Институт служилых татар	79
Землевладение касимовских правителей и его характер	82
Этносоциальный состав	84
Хозяйственная жизнь	87
Глава 3. Политическая история Мещерского юрта второй половины XV — первой половины XVI вв.	94
§ 1. Потомки Улуг-Мухаммада	94

Касим. Участие Касима и Якуба в феодальной войне на стороне Василия II	94
Выдвижение Касима претендентом на казанский престол (1467 г.)	106
Данияр	111
§ 2. Гирей в Касимове	118
Нур-Даулет	118
Борьба с Большой Ордой	122
Дипломатическое давление на Крым	124
Сатылган	128
Взаимоотношения с Казанью	131
Джанай	132
§ 3. Представители большеордынской династии в Казани и Мещере	138
Шейх-Аулияр	139
Шах-Али	140
Первое правление Шах-Али в Казани	141
Джан-Али	147
Джан-Али в Казани	149
Шах-Али в Москве	155
Мещера в 1532–1535 гг.	156
Шах-Али в Казани в 1546 г.	158
1551–1552 гг.: в преддверии «Казанского взятия»	160
Заклочение	168
Библиография	171
Список сокращений	192
Приложения	193
№ 1. Генеалогические связи между правителями Касимовского ханства (касимовские династии)	193
№ 2. Хронология основных событий в Касимовском ханстве и постзолотоордынском пространстве Восточной Европы (XV–XVI вв.)	194
№ 3. Список основных разночтений имен касимовских правителей в русских источниках	198
№ 4. Словарь терминов	198

*Памяти профессора
Григория Наумовича Вульфсона*

ВВЕДЕНИЕ

Середина XV века является сложным временем начала ослабления одних государственных союзов и усиления других. Призрак распавшейся Золотой Орды еще долго будет влиять на исторические процессы, происходящие в Восточной Европе. В течение первой половины XV в. идет сложный процесс распада этой некогда могущественной империи. Постепенно из ее состава выделяются новые политические образования — Крымское, Казанское, Астраханское, Сибирское ханства и Ногайская Орда. Почти все они претендуют на то, чтобы занять в геополитическом пространстве Восточной Европы то место, какое в свое время занимал Улус Бату. При этом их фактическое влияние в постзолотоордынском мире было различным.

Московская Русь, входившая в Золотоордынское государство на особых условиях, не осталась в стороне от этих процессов. Она также в некотором роде претендует на «ордынское наследство». Ее отношения с татарскими государствами в некоторых случаях можно определить как сотрудничество, в других же (в большинстве) — как соперничество и военное противостояние.

Казанское ханство, фактически образовавшееся около 1438 года, считает себя легитимным преемником власти Золотой Орды исходя из династических соображений, к тому же еще была сильна военная организация, оставшаяся от Орды и укрепившаяся в Казани. Но уже к середине 60-х годов XV века усиливается другое государственное образование — Московское княжество, завершившее во время правления Ивана III объединение северо-восточных русских земель под своим патронатом и начавшее строительство единого Русского государства. В его внешней политике начинают обозначаться новые акценты. Казанское ханство в начале своего существования военным потенциалом, несомненно, превосходило своего более слабого в то время соседа и заставило его даже платить себе дань, как платила дань Русь Золотой Орде. Однако продуманная и взвешенная политика Ивана III, прозванного потомками Великим, приводит вскоре после его восшествия на престол в 1462 году к тому, что геополитическая ситуация в Восточной Европе начинает постепенно меняться.

В этой сложной исторической обстановке происходит рождение в середине XV века нового этносоциального организма — Касимовского ханства, просуществовавшего на политической карте в совокупности около 250 лет, что, несомненно, является немалым сроком. Жизни этого государственного образования сопутствовало немало дискуссионных вопросов — например, как могло находиться исламское государство с мусульманским правителем во главе почти в центре православной Руси, а также как соотносятся устремления Ивана Великого к централизации русских земель с существованием особого «удела», ведущего, казалось бы, к дроблению территории Русского государства. Спорным представ-

ляется и само условие образования Касимовского ханства — насколько добровольной мерой был этот шаг московского правительства; вызвано ли было его образование внутренними потребностями Московского государства или же было продиктовано извне, в силу каких-либо внешних обстоятельств?

Историческая судьба Касимовского ханства сложилась таким образом, что оно было зависимым от Москвы образованием. В чем же причины этой несамостоятельности, почему Касимовское ханство не развивалось независимо от Москвы? И вообще можно ли его с полной уверенностью назвать государством или это что-то иное? Было ли это «царство» ханством или княжеством? Возможно, его вообще надо рассматривать как обычную административную часть Русского государства под названием Мещера? Говоря о более чем двухсотлетнем существовании данной этнополитической единицы, имеется ли в виду, что она сохранялась в течение своей истории в неизменном виде или же эволюционировала в каком-то направлении?

XV–XVI века — это начальный период формирования такого государства, как Россия. В течение этого времени страна переживает заключительный этап феодальной раздробленности, завершение «собрания земель» в одно целое, начавшегося еще в середине XIV века, борьбу с удельной системой, превращаясь из разрозненных княжеств в единое Русское государство. Как менялось положение Касимовского ханства в связи с этими процессами, его роль и значение в политической жизни того времени? Каково место Касимовского ханства в системе Руси: географической, социальной, политической, национальной и других? Как развивались взаимоотношения Касимовского ханства и Руси?

Относительно наименования изучаемого этнополитического организма отмечу следующее. В русской историографии за ним закрепилось название «Касимовское царство». Я полагаю, что правильнее его называть «Касимовским ханством» (почему — читатель поймет после прочтения текста книги). В то же время ни первый, ни второй историографические термины не употреблялись в изучаемый период. Источники XV–XVI вв. знают определения «Мещера», «Мещерский юрт» по отношению к исследуемому образованию (так же, как нет в источниках XV–XVI вв. «Казанского ханства» или «Астраханского ханства», а есть «Казань», «Казанский юрт» или «Темир-Кутлудев царев юрт», «Намоганский юрт» (Астрахань), поэтому термины «Мещера», и «Мещерский юрт», и «Касимовское ханство» в тексте книги являются синонимами.

Целью книги является попытка выяснить, какое место занимало Касимовское ханство в постзолотоордынском пространстве Восточной Европы второй половины XV — первой половины XVI вв. Отмечу сразу, что книга написана преимущественно на материале русских письменных источников. Круг привлеченной литературы ограничен языковыми возможностями автора, а именно текстами на русском и английском языках.

В историческом развитии Касимовского ханства четко выделяются два периода. Первый — от образования ханства в 1445¹ году и до падения Казанского юрта в 1552 году отличается тем, что Касимовскому ханству придавалось большое значение как династическому противовесу Казани и Крыму, поэтому московское правительство было крайне заинтересовано в существовании этого «питомника ханов», в особенности для казанского престола. Второй период — от

---

¹ Дата образования ханства дана в соответствии с собственной версией возникновения Касимовского ханства (см. гл. 2, § 1).

падения Казани до формальной ликвидации Касимовского ханства в 1681 году характеризуется тем, что это политическое образование постепенно становится анахронизмом, и московское правительство предпринимает планомерные шаги по «растворению» Касимовского ханства в России.

Особый научный интерес вызывает первый период. На этом этапе существования Касимовское ханство отличалось большей автономией в своих внутренних делах. Изменение геополитической ситуации в Восточной Европе в связи с завоеванием Московским государством Казанского и Астраханского ханств приводит к резкому изменению положения Мещерского юрта. Оно приближается к положению удельного княжества, быстро теряет свою территорию и остатки суверенитета.

После завоевания Казани Касимовское ханство, существуя юридически, фактически стало обычной административной частью Русского государства, состоящей из нескольких уездов. Его специфика стремительно исчезала. Фактически оно не являлось более ханством, и изучать его в этот период (1552–1681 гг.) как Касимовское ханство представляется не совсем верным. Смута окончательно превратила Касимов в глухое провинциальное захолустье, и он уже почти не попадал на страницы летописей и разрядов.

Данная книга не увидела бы свет без поддержки моих коллег. Я хотел бы поблагодарить профессора Казанского государственного университета Миркасыма Абдулахатовича Усманова, который первым предложил мне переработать текст кандидатской диссертации в монографию. В дальнейшем его внимательное прочтение и оригинальные мысли помогли мне создать тот продукт, который читатель держит в своих руках.

Дамир Мавляев Исхаков, труды которого были использованы при написании данной работы и немало способствовали ее концептуальному оформлению, помимо этого еще и всячески помогал на длительном пути создания монографии от ее идеи до конечного воплощения в виде напечатанной книги.

Я благодарю Дину Абдулбаровну Мустафину за помощь в научной корректуре некоторых частей текста будущей монографии.

Научный руководитель моей кандидатской диссертации Игорь Петрович Ермолаев был тем человеком, который первым предложил мне разрабатывать эту перспективную проблематику.

За всестороннюю помощь я благодарю Ильдуса Котдусовича Загидуллина, без любезной поддержки которого издание вряд ли было бы осуществлено.

Мой хороший друг и коллега, который являлся моим научным консультантом в Гарварде, доктор Дональд Островски безмерно помог мне сориентироваться в том огромном количестве научной литературы по проблеме, которая содержится в библиотеках Гарвардского университета. Кроме того, неформальные беседы с ним в Кембридже помогли мне осознать всю сложность изучаемого периода. Без его научной и просто дружеской поддержки полгода в США не были бы столь приятными.

Хотелось бы также сказать спасибо тем людям, труды которых помогли мне в формировании моих научных взглядов. Это В.В.Трепавлов, И.В.Зайцев, А.Л.Хорошкевич, С.Ф.Фаизов, Э.Л.Кинан.

ГЛАВА 1 ТЕКСТЫ ПРОБЛЕМАТИКИ

Глава посвящена материалам, с помощью которых производится реконструкция исторической действительности. Традиционно они называются источниками и литературой. На мой взгляд, в свете так называемого «хаоса постмодернизма» правильнее говорить и об источниках и о литературе как о текстах. Поясню почему. При работе над новым историческим нарративом историк опирается на первичные тексты (источники) и вторичные (литература). Предполагается, что первичные тексты более приближены к исторической реальности (то есть через них «лучше видно», что было на самом деле), так как они свободнее от наслоений, связанных с личностью исследователя, его психологией, габитусом и т.д. Совокупность теорий, связанных в основном с лингвистикой (принципы «дискурсивных практик», в целом теория дискурса, постструктуральный анализ и т.д.), привела в последнее время к пониманию того, что любой текст, даже документальный, также зависит от внешних формирующих его условий, как и литература (не говоря уже об источниках повествовательных, например, мемуарах, которые по степени «правдивости» могут соперничать с любой художественной литературой). Поэтому никакой принципиальной разницы между источниками и литературой, на мой взгляд, не существует, и они в главе рассматриваются просто как тексты.

Выделение материала, характеризующего привлеченные к исследованию тексты, в отдельную главу объясняется следующими причинами. Во-первых, специфичностью источниковой основы исследования — многие источники носят косвенный характер по отношению к истории Касимовского ханства, и поэтому круг привлеченных к работе материалов чрезвычайно широк и разнопланов. Во-вторых, «белые пятна», которые в силу объективных причин оставляло источниковое обеспечение работы, нередко приходилось «закрывать» (реконструировать историческую действительность) с помощью большого объема исследовательской литературы, вышедшей в разное время по различным проблемам. Таким образом, список использованной литературы также немалый. Монографии, привлекавшиеся к исследованию, составили три разные группы, каждая из которых требовала индивидуального подхода.

Относительно методологии, на основе которой строилось исследование, замечу следующее. Вышеупомянутый «хаос постмодернизма», надолго поселившийся в умах многих историков (и особенно российских), в последнее время стал понемногу улегаться, и в отно-

шении к текстам стал наблюдаться более взвешенный и спокойный подход. В частности, стало совершенно ясно, что методические приемы, работающие для источников XIX и особенно XX вв., зачастую неприменимы в отношении средневековых текстов по целому ряду причин. Наиболее очевидная из них — это несопоставимые объемы сохранившихся первичных текстов по средним векам и по периоду с начала XIX в. В силу этого историку-медиевисту невозможно «играть» с текстами, привлекая к исследованию черновики, различные прото- и посттексты. В такой ситуации приходится признать, что либо ты в целом доверяешь информации источников, либо отказываешься от попыток исторической реконструкции вообще. Поэтому методологию, на основе которой написана данная книга, автор определяет как неопозитивизм.

§ 1. Первичные тексты

Архивная ситуация. Работа с архивными фондами (РГАДА) выявила, что, во-первых, основная масса источникового материала по изучаемому периоду (1445–1552 гг.) опубликована в различных дореволюционных, советских и постсоветских изданиях²; во-вторых, имеющиеся в РГАДА документы по истории Касимовского ханства в основном относятся ко второму периоду существования ханства (1552–1681 гг.) и отражают именно его специфику³; в-третьих, часть из этих материалов все же может быть экстраполирована на изучаемый хронологический отрезок (вторая половина XV — первая половина XVI вв.), что и было сделано, однако в этом случае работа с каждым документом проводилась отдельно⁴.

Первая группа — комплекс договорных и духовных грамот великих и удельных князей. Вторая группа — дипломатическая документация, включающая в себя грамоты правителей разных государств друг другу, посольские книги (или, как их еще называют, «статейные списки»), записи о переговорах. Третья группа — разрядные и родословные книги. Четвертая группа — описи архивов. Пятая группа — материалы по хозяйственно-экономической жизни Касимовского ханства (приходно-расходные, записные, переписные книги, выписки из отказных и писцовых книг, указные «проезжие» грамоты, отписки, памяти, боярские списки). Шестая группа включает в себя повествовательные тексты — летописи и «сказания иностранцев».

Итак, перейдем к источниковедческой характеристике вышеуказанных групп.

---

² РГАДА, ф.123, оп.1, кн.1–3; РГАДА, ф.127; оп.1, кн. 1–4.

³ РГАДА, ф.112, оп.1, ед. хр.1; РГАДА, ф.131, оп.1, 1621–1677 гг.

⁴ РГАДА, ф.137, оп.1. Касимов, ед. хр.1–4; оп.2, ед. хр.31; РГАДА, ф.131, оп.1, 1614–1621 гг., д.1.

Договорные и духовные грамоты. Договорные грамоты (докончания) между великими князьями, между великими и удельными князьями, а также духовные грамоты великих и удельных князей выделены в одну группу, так как эти документы содержат сведения по единому комплексу вопросов по истории Касимовского ханства.

Эта группа документов начала привлекать исследователей давно, еще в середине XIX века. Первым обратил на нее внимание В.В.Вельяминов-Зернов (причем его работа с этими документами была очень основательной и с научной точки зрения весьма добросовестной). Все последующие историки, так или иначе касавшиеся проблематики Касимовского ханства, также не оставляли эти акты без внимания (М.Г.Худяков, М.Г.Сафаргалиев, А.А.Зимин). Причем интересно, что, в связи с краткостью сведений, содержащихся в грамотах, и возможностью интерпретации их в различных вариантах, каждый исследователь в принципе находил в них то, что было необходимо для подтверждения его собственной концепции.

Использованные публикации договорных и духовных грамот⁵ отличаются высочайшим качеством с археографическо-библиографической точки зрения, вся необходимая для публикации атрибуция выполнена безукоризненно.

Грамоты охватывают хронологически очень обширный период — с 20-х гг. XV века до середины 60-х гг. XVI века. Зачастую для реконструкции сведений, необходимых для выяснения вопросов нашей проблематики, требуется экстраполяция их сведений как на более ранние, так и на более поздние периоды. Нередко для воссоздания исторической обстановки требуется домысливание, «дорисовка» действительности исходя из тех кратких строк, что имеются в текстах грамот. Как уже говорилось, скудость сведений, касающихся касимовских владельцев и простых жителей Касимовского ханства, может приводить к различному пониманию вопросов начальной истории ханства, особенно вопросов его возникновения как политического образования на территории Русского государства. Поэтому, на мой взгляд, становятся нелогичными и бессмысленными ожесточенные споры вокруг различных версий образования Касимовского ханства, так как приверженцы противоположных точек зрения в качестве аргументов приводят зачастую данные одних и тех же источников.

При всем различии трактовок сведений, содержащихся в духовных и договорных грамотах по начальной истории Касимовского ханства, можно выделить некоторые бесспорные данные относительно первых касимовских правителей. Это, во-первых, их особый полити-

---

⁵ См. например: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 10, 16, 19, 25, 33, 47, 53, 69, 70, 72–74, 76, 81–84, 89, 90, 101.

ческий статус, который постоянно оговаривается. Во-вторых, их относительную (конкретное наполнение этого термина уже зависит от мысли исследователя) автономию в структуре тех политических образований, где они находились. В-третьих, грамоты содержат косвенные данные об эволюции политического положения касимовских правителей во времени. В-четвертых, грамоты оговаривают финансовый статус первых касимовских владельцев, что опять-таки косвенно может служить в пользу той или иной версии возникновения Касимовского ханства. Таким образом, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей являются очень важными источниками для понимания прав касимовских владельцев, механизма их существования в Русском государстве во второй половине XV — первой половине XVI вв.

Итак, оценивая источниковедческую ценность данной группы текстов, отмечу, что они в «свернутом» виде содержат информацию практически по всем ключевым вопросам истории Касимовского ханства, особенно по вопросам начальной истории этого государственного образования, возникновению этого «государства в государстве». Без договорных и духовных грамот реконструкция истории Касимовского ханства была бы вряд ли возможна. Суммируя, делаю вывод об исключительной важности этой группы источников, позволяющей ей в данной теме занять одно из первых мест по информационной ценности.

Дипломатическая документация, включающая в себя как целые посольские книги, так и отдельно изданные грамоты правителей разных государств друг к другу, записи о переговорах и т.д., в отличие от первой группы выделенных источников, не была избалована исследовательским вниманием (историками, затрагивавшими проблематику Касимовского ханства). Хотя отдельные документы этой группы и привлекались для исторической реконструкции, но никто не работал с посольскими книгами как цельным комплексом источников по истории Касимовского ханства.

Все использованные публикации дипломатической документации⁶ сделаны на высоком уровне, особенно в «Сборнике Русского исторического общества».

Посольские книги — весьма существенный по объему источник, включающий в себя другие источники, то есть «источники в источниках». Они содержат информацию по самым разным вопросам, от военных действий до внутреннего положения в пограничных с Русью странах. В исследовании этот тип документов помог реконстру-

---

⁶ Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1884. — Т.41. — № 5–10, 13, 17–22, 24, 25–30, 32, 35, 58, 59, 72, 75, 87, 88, 92, 96, 100, 101 и др.; Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1894. — Т.5. — № 5 и др.; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — СПб., 1851. — № 2 и др.; Продолжение древней Российской вивлиофики. — СПб., 1791–1801. — Ч. 7–11; также см.: РГАДА, ф.123, оп.1, кн.8.

ировать военное использование касимовских правителей (вместе с правящей прослойкой Мещерского юрта) — книги содержат очень подробные описания военных походов, буквально každодневное описание всего комплекса мероприятий, связанных с ратными делами. Эти данные очень существенно дополняют (а также и подтверждают) факты, содержащиеся в летописях. Дорисовывая историческую действительность, с помощью посольских книг можно сделать важные выводы о статусе Касимовского ханства.

Дает дипломатическая документация факты и о политическом использовании касимовских правителей в целях московской внешней политики (эта функция Мещерского юрта по документам данной группы прослеживается наиболее ярко и отчетливо). Практически все нюансы и приемы внешней политики Русского государства мы можем проанализировать обращаясь к этим текстам.

Ранее считалось, что посольские книги в Посольском приказе не подвергались какой-либо политической редакции. Дьяки сверяли их с другими источниками информации лишь с точки зрения достоверности информации.

Если присоединиться к этой точке зрения, то ценность информации, содержащейся в статейных списках (посольских книгах), существенно возросла бы по сравнению с другими группами источников по данному периоду. Однако не стоит преувеличивать степень репрезентативности посольских документов. Как показывают новейшие работы, в частности исследование Н.М.Рогожиным посольской книги по связям с Англией 1613–1614 гг., окончательный текст дипломатических документов подвергался значительному редактированию⁷.

Видимо, посольские книги подвергались редактированию и в изучаемое время. И тем не менее, на мой взгляд, «посольства» намного подробнее и обстоятельнее, к примеру, летописей в освещении реальных политической конъюнктуры высших правящих кругов постзолотоордынских государств (включая и Московскую Русь). Упрощая, можно сказать, что с их помощью мы можем выяснить (насколько это вообще возможно), что на самом деле было на уме у правителей и каким образом они пытались реализовывать своей планы (конечно, читая «посольства» с учетом эпохи и особенностей дипломатической культуры XV–XVI вв.). Их знание чрезвычайно важно для правильного понимания политики татарских ханств. По сути «они открывают нам новый мир информации, отражающий не только международные отношения, но и культуру и характер властных

---

⁷ Рогожин Н.М. Посольская книга по связям с Англией 1613–1614 гг. и ее место среди материалов Посольского приказа начала XVII в. // Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг. — М., 1979. — С.26–30; Он же. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVII в.) / Сост. и автор вступ.ст. Н.М. Рогожин. — М., 1990. Он же. Посольские книги России конца XV — начала XVII в. — М., 1994. — С.121–165.

институтов татарских государств»⁸, без чего воссоздание истории Касимовского ханства вряд ли возможно.

Хронологически дипломатическая документация охватывает время с 70-х гг. XV века практически до конца изучаемого периода. Наибольшее количество информации по исследуемой проблеме она содержит примерно с 80-х гг. XV века до первого десятилетия XVI в., чуть меньшую информационную ценность содержат материалы, датируемые 30–50-ми годами XVI в.

Итак, оценивая источниковедческую ценность данной группы текстов, отмечу, что она является чрезвычайно важной для исследования темы, и полноценное изучение некоторых ее аспектов (например, правление крымской династии в Касимове) без дипломатической документации попросту невозможно.

Разрядные и родословные книги. В отдельную группу источников выделены разрядные книги и «Государев родословец»⁹. Качество публикаций этих документов высокое. Выделение этой группы объясняется, во-первых, тем, что хронологически разрядные книги охватывают практически весь интересующий нас период (с 1475 по 1552 г.), то есть они не могут служить для решения какой-то одной из поставленных в исследовании задач, а помогают в освещении всего комплекса вопросов, требующих рассмотрения. Во-вторых, характер сведений, предоставляемый разрядными книгами, позволяет прояснить одну, но очень важную проблему — проблему использования жителей Касимовского ханства в военных акциях Москвы.

Таким образом, разрядные книги являются первостепенным источником по истории пограничных и гарнизонных служб касимовцев. Они содержат сведения о внешней политике Московского государства, знатности принимавших участие в военных походах лиц. С их помощью проверялась достоверность летописных известий. Фактический материал, почерпнутый из разрядных книг, помог в реконструкции той роли, которую играли касимовские владельцы в Московском государстве вообще и в иерархии знатных особ России в частности.

Примером родословной книги является так называемый «Государев родословец». В целом он является слабоинформативным источником по нашей проблематике, однако служит для выяснения

---

⁸ Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.550.

⁹ Из опубликованных книг в работе использованы: Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1977–1989. — Т.1–3; Разрядная книга 1550–1636 гг. — М., 1975; Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — М., 1901; Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. — СПб., 1853–1855. — Т.1–2; Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... — М., 1787. — Ч.1.

некоторых нюансов сложной исторической обстановки, сложившейся вокруг образования Касимовского ханства в 40-е гг. XV века.

Итак, данная группа документов в основном служила для анализа одной, но очень важной для темы проблемы — участия касимовских татар в военных акциях Русского государства. Учитывая, что эта проблема была в ряду ключевых в истории Касимовского ханства, значение разрядных книг трудно переоценить.

Описи архивов. Исключительное значение для раскрытия темы исследования имели описи архивов XVI–XVII вв.¹⁰. Описи дают возможность реконструировать некоторые вопросы при отсутствии подлинных текстов самих документов. Материал, даваемый описями, достаточно краток, что отражено уже в названии документа. Однако в то же время описи предоставляют в наше распоряжение ценнейшие сведения, при отсутствии которых некоторые основополагающие вопросы темы было бы невозможно раскрыть в принципе. На описи архивов как на важный материал по истории Касимовского ханства обратил внимание еще В.В.Вельяминов-Зернов, оценивший значение косвенных документов для реконструкции проблематики. С помощью описи царского архива XVI в., к примеру, была восстановлена точная последовательность смены правителей на касимовском престоле. В ряду фактов, даваемых описями, данные о назначениях отдельных лиц касимовскими царями, о визитах касимовских владельцев в Москву. Хронологически описи архивов содержат материал по всему интересующему нас периоду.

Подводя итоги по описям архивов, отмечу, что факты, извлеченные из них, служили цементирующим каркасом, без которого история Касимовского ханства вряд ли поддалась бы воссозданию.

Материалы по хозяйственно-экономической жизни Касимовского ханства выделены в особую группу и представлены самыми разнообразными документами — это приходно-расходные, записные, переписные книги, выписки из отказных и писцовых книг, указные проезжие грамоты, отписки, памяти, боярские списки. Они опубликованы в самых различных сборниках¹¹. Качество публикаций разное, но в целом хорошее.

---

¹⁰ Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. — М., 1978; Опись архива Посольского Приказа 1673 года. — М., 1990. — Ч. 1–2; Русская историческая библиотека. — СПб., 1907. — Т. 21. — Ч. II. — С. 590, 610.

¹¹ Привожу лишь основные издания: Русская историческая библиотека. — СПб., 1907. — Т. 21; СПб., 1904. — Т. 23; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. — М., 1979. — Ч. 1–2; Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). — М., 1994; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — СПб., 1858–1862. — Т. 5–6; Хилков Г. Сборник князя Хилкова. — СПб., 1879; Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. — М., 1983; Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. — Казань, 1859. — Т. 1; Акты Московского государства,

Данная группа источников практически не изучалась с точки зрения истории Касимовского ханства, и автор, таким образом, выступает в какой-то степени «первопроходцем». Хозяйственно-экономическая жизнь Касимовского ханства вообще мало изучена. Это связано с тем, что во время подготовки работы В.В.Вельяминова-Зернова основная масса этих документов еще не была опубликована, после него же специальных работ, посвященных Касимовскому ханству, не выходило.

Специфика работы с данной группой источников заключалась в следующем: зачастую сведения, сообщаемые документами, относятся к более позднему периоду (XVII в.), нежели интересующий нас (XV–XVI вв.). Однако, учитывая, что хозяйство и экономика Касимовского ханства за это время вряд ли претерпели радикальные изменения, я позволял себе экстраполировать данные за XVII век на более раннее время. Впрочем, делалось это осторожно, в каждом конкретном случае рассматривалось, возможна ли такая экстраполяция.

Отличительной чертой этой группы является также косвенность сообщаемых сведений. Очень часто тот или иной документ относится совершенно к иному вопросу, нежели проблематика Касимовского ханства, но одной-двумя строчками вскользь касается интересующей нас тематики. Ради таких строчек были переработаны груды материалов. Поэтому ни в названиях, ни в текстах документов при беглом просмотре никак не отражена история Касимовского ханства, и может показаться странным, что в этой груде «делает» тот или иной документ. Однако это ложное впечатление.

Помимо хозяйственно-экономической жизни, документы данной группы проливают свет и на внутреннее устройство Касимовского ханства: поместные владения касимовских ханов, процессы постепенного сужения сферы компетенции касимовского хана и перехода его функций к воеводе, разграничение полномочий между местным и центральным управлением в Касимове, его подчиненность центральным властным структурам.

Таким образом, несмотря на скудость и крайнюю разрозненность сведений, сообщаемых источниками данной группы, лишь с помощью этого фактического материала стала возможной реконструкция внутренней жизни Касимовского ханства.

Повествовательные тексты. В отдельную группу были выделены повествовательные тексты, в силу их специфичности как исторического источника. Это летописи и сочинения иностранцев.

изданные Императорскою Академией Наук. — СПб., 1890. — Т.1; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1857. — Т.1; Акты Археографической экспедиции. — СПб., 1836. — Т.3; также см.: РГАДА, ф.131, оп.1, 1614–1621 гг., д.1; 1621 г., д.5,6,13; 1623 г., д.2,6,11; 1624 г., д.1,8; РГАДА, ф.112, оп.1, ед. хр.1; РГАДА, ф.137, оп.1. Касимов, ед. хр.1–4; оп.2, ед. хр.31.

Сложнейшим источником являются русские летописи. Они давно привлекают внимание исследователей¹². Ушло в прошлое мнение, что летописи — это набор фактов, изложенных летописцем так, как они имели место быть в реальности. Доказана политическая пристрастность летописцев, идеологическая зависимость их произведений от места и времени написания текста. В последнее время одним из ведущих исследователей летописных текстов И.Н.Данилевским убедительно доказано, что основным принципом, определявшим создание летописи, были эсхатологические мотивы.

Таким образом, летопись выступает как достаточно «непрозрачный» для понимания современного человека текст, не как сборник фактографических данных, а как цельный по своей концепции источник скорее по ментальности средневекового человека.

Конечно, все это не означает, что совсем нельзя пользоваться фактическими данными летописей. Их использование необходимо, однако при работе с ними нужно обращаться очень осторожно и учитывать все вышеперечисленные факторы. Нужно в каждом конкретном случае добиваться того, чтобы через завесу текста увидеть хотя бы краешек исторической реальности.

При работе над темой были использованы как общерусские (официальные и неофициальные) летописи, так и местные летописания. Из общерусских официальных были использованы Никоновская и Воскресенская летописи, из неофициальных — Ермолинская летопись и некоторые другие. Из местного летописания были использованы Новгородские, Псковские летописи, Тверская летопись, Вологодско-Пермская летопись и некоторые другие. В тех случаях, когда это важно для темы исследования, место и время создания, политико-идеологическая направленность летописей будут указаны непосредственно в конкретно-исторических параграфах. Однако отмечу некоторые общие моменты, обнаруженные при работе с летописями.

Несмотря на то, что все использованные летописи очень разные (по всем критериям), сведения, даваемые ими по теме исследования, различаются слабо; разница лишь в степени подробности изложения. На мой взгляд, это объясняется тем, что фактические данные были заимствованы из какого-то одного первоисточника (возможно, официального), все остальные лишь переписывали их. Определить этот первоисточник я не берусь, это тема отдельного исследования.

Политическая идеология летописей практически не отразилась на сведениях, сообщаемых летописцами о Касимовском ханстве. По всей видимости, это объясняется тем, что авторы летописей все же

---

¹² Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. — М., 1938; Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. — СПб., 1996; Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. — СПб., 1994.

воспринимали касимовских татар скорее как иностранцев, чем как «своих» (здесь корни следует искать в религиозной ментальности средневековья, когда существовало четкое деление на людей своей веры и «неверных»). События же, происходившие в иностранных государствах, у соседей, летописцев интересовали меньше, чем свои собственные политические передраги, поэтому-то они не столь пристрастны в сведениях, даваемых по Касимовскому ханству; эти данные достаточно краткие и не перегружены оценочными суждениями.

Новгородские, Псковские, Софийские, Воскресенская и другие летописи содержат в себе обширный материал по правлению Касима¹³ (в летописи он также фигурирует как Трегуб), Данияра (Алдаяр, Даяр), Нур-Даулета (Нурдовлат, Мердулат), его сына Сатылгана (Салтыган), Шейх-Аулияра (Шавлеяр, Шиховриар, Шиг-Авлеар). Летописцы, отличающиеся субъективностью своих высказываний и оценок, все события пропускают через призму своего мировоззрения, отличительной чертой которого в средние века было объяснение мира и событий в нем с позиций божественного предопределения. В политическом смысле их позиция — на стороне христиан, поэтому и толкование событий идет с точки зрения православия; все остальные для них — «неверные», «бусурмане», «татаровя». Искаженные мировосприятием летописцев, события зачастую выглядят неправдоподобно (при сопоставлении с фактами других источников): Касим прибывает в Московское княжество, «в великое княжение» Василия II, побуждаемый благими намерениями служить Московскому государству; использование Касима как претендента на ханский престол в Казани в 1467 году не что иное, как призыв его казанским правительством «на царство лестию», и так далее, примеров свободного толкования исторических фактов в летописях можно привести бесчисленное множество. Однако основную ценность летописи составляют не из-за своих оценочных характеристик, а из-за набора конкретных фактов, которые в различных летописях часто повторяются и потому дают возможность сравнительно-критического исследования. Такими фактами являются, например, походы на Новгород Данияра вместе с великим князем, его присутствие в последнем таком походе, закончившемся падением Новгородской республики; сообщения о прибытии на Русь Нур-Даулета, об использовании других владельцев Касимова в различных военных акциях московского правительства.

Особое внимание в летописях уделено касимовским правителям, бывшим ханами в Казани. Это Шах-Али и Джан-Али. Подробно описывается, как они получают «из рук великого князя» казанский престол, как они «сажаются» на него, как «сообщают полную покор-

---

¹³ Здесь и далее по всему тексту написание тюркских имен дается по книге: Татарский энциклопедический словарь. — Казань, 1999.

ность великому князю» и изгоняются либо умерщвляются «коварными» казанцами. Достаточно полно описаны военные походы, в которых принимали участие эти ханы.

Обширная Никоновская летопись содержит практически тот же материал, что рассмотрен выше, однако она намного более подробна в освещении событий. Правда, неизвестно, являются ли эти дополнительные сведения «плюсом» или «минусом» — ведь неясно, чего больше в этой подробности — исторического материала либо вымысла автора. Как бы там ни было, но в ней мы встречаемся с материалами, которые в других источниках отсутствуют. Опять очень большое внимание уделено Шах-Али; Джан-Али описан менее подробно.

Отдельное место среди интересующих нас летописных текстов занимает «Казанская история» (или «Казанский летописец») — ярко написанное литературное произведение, художественный рассказ о событиях, связанных с возникновением, развитием и завоеванием Казанского ханства. Памятник создан в 1564–1565 годах, автор его был пленен казанцами примерно в 1532 году и приставлен ко двору казанского хана Сафа-Гирея и, судя по всему, испытал все прелести пребывания в плену у «неверных». Все это наложило отпечаток на степень «объективности» автора. Он смело «переработал» документальный материал для проведения определенной общественно-политической точки зрения, для «заострения» публицистичности произведения¹⁴. Вследствие этой специфики некоторые исследователи вообще отказывали «Казанской истории» в праве считаться источником, полностью относя его к литературному творчеству. Однако именно личные наблюдения автора во время пребывания в казанском плену позволяют видеть в тексте хотя и специфический, но все же исторический источник. Таким образом, «Казанский летописец» — это частный взгляд на исследуемую тему, не избежавший, по-видимому, системы «социальных заказов» со стороны властных структур Русского государства на идеологию. К его данным я подходил очень осторожно, тщательно выверяя и сравнивая находящиеся в нем данные об исторических событиях с данными других текстов. Естественно, он относится большей частью к истории Казанского ханства, но и по теме данного исследования в нем достаточно материала.

Итак, летописи являются очень своеобразным источником, который, тем не менее, зачастую оказывается незаменимым при восстановлении фактографической стороны событий. При работе с ними необходимо учитывать, что их функция была пропагандистской, по-

---

¹⁴ Рахимзянов Б.Р. «Казанский летописец» о правлении касимовских ханов в Казани: идея предопределенности «Казанского взятия» (первая половина XVI в.) // История идей и история общества: Материалы II Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 25–26 марта 2004 г.). — Нижевартовск: Нижеварт. гос. пед. ин-т, 2004. — С.77–79.

этому они довольно искаженно описывают отношения с татарскими государствами и крайне конъюнктурны. Я согласен с Эдвардом Кинаном, что «их можно использовать с большой осторожностью, и только тогда, когда никакие другие дополнительные источники не могут быть привлечены»¹⁵. Таких моментов в истории Касимовского ханства недостаточно.

Так называемые «сказания иностранцев» XV–XVI веков содержат отрывочные сведения, касающиеся темы исследования. При работе с ними приходилось учитывать, что в этих сочинениях масса преувеличений и различного рода ошибок. Имена, названия городов, рек и предметов часто искажены до неузнаваемости. Однако это не помешало воспользоваться сообщениями иностранцев как важным историческим источником, при работе с которым просто необходимо учитывать его специфику.

Амброджо Контарини, посланный с венецианским посольством к персидскому шаху в 1473 году, на обратном пути побывал в Великом княжестве Московском. Его сочинение носит название «Путешествие в Персию»¹⁶. Контарини оставил сведения о положении Данияра и его отношениях с Иваном III.

Посол императора Священной Римской империи германской нации Сигизмунд фон Герберштейн, побывавший на Руси в 1516 и 1526 годах, дает в «Записках о Московии»¹⁷ материал, помогающий уяснить взаимоотношения Шах-Али с московским великим князем, а также другие сведения, относящиеся к личности Шах-Али и времени пребывания его при великокняжеском дворе (1521–1530 гг.).

Подводя итоги по повествовательным текстам, отмечу, что они служили не только «поставщиком» фактических данных, но и источником по ментальности изучаемого периода, без знаний которой любые факты мертвы. Источниковедческая ценность данной группы велика.

§ 2. Вторичные тексты

Особенностью темы с точки зрения историографии является крайне слабая изученность. В самом деле, после издания в 1863–1887 гг. капитального труда В.В.Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» в четырех томах, ни одной специальной работы, посвященной Касимовскому ханству, не было опубликовано. В то же время в отдельных работах, посвященных самым разным проблемам, присутствовала информация по теме исследования. Это

---

¹⁵ Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.549.

¹⁶ Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. — Л., 1971.

¹⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988.

были как сведения, относящиеся к концептуальной истории Касимовского ханства, так и данные по более узким вопросам проблематики. Разноплановость этих сведений привела к мысли о необходимости характеризовать всю массу литературы не в единой хронологической последовательности, а по группам.

Вся масса монографий, использованных в работе, была разделена на три группы: 1) исследования, касающиеся истории Касимовского ханства косвенно; 2) труды, специально посвященные Мещерскому юрту и касимовским татарам; 3) изыскания, затрагивающие отдельные аспекты проблематики Касимовского ханства.

Учитывая, что эволюцию исторической мысли по проблеме Мещерского юрта первых исследователей этой темы, а также общий ход развития концепций можно выяснить исходя из работ, касающихся истории Касимовского ханства косвенно, эта группа будет охарактеризована первой. Работы, специально посвященные Мещерскому юрту, требуют отдельного анализа, а тот факт, что появлению первой из них (В.В.Вельяминова-Зернова) предшествовали некоторые другие публикации, позволяет поставить монографии этой группы вторыми. Исследования, затрагивающие отдельные аспекты проблематики, в силу их специфики (при работе с ними необходимо активно пользоваться методом аналогий и исторической реконструкции), анализируются отдельно.

Исследования, касающиеся истории Касимовского ханства косвенно. Отмечу специфику работы с этой группой. Зачастую монографии, входящие в нее, содержат в русле какой-либо другой большой проблемы и упоминание о Касимовском ханстве. Ценность этого состоит для нас в том, что здесь без ухода в сторону, излишних подробностей непосредственно дается концепция Касимовского государства, как она понимается автором. Таким образом достигается вписанность истории Мещерского юрта в историю Руси в контексте различных нюансов и тенденций. Так мы получаем теоретическую основу для собственного исследования. Несомненно, она складывается не только на основе синтеза пониманий Касимовского ханства различными историками, но учет их мнений, проделанной работы просто необходим. Литература данной группы нередко дает материал по различным смежным вопросам, входящим в нашу проблематику.

Первым затронул историю Мещерского юрта В.Н.Татищев, основная часть труда которого «История Российская» вышла в 60-е годы XVIII века¹⁸. По мнению автора, образование Касимовского ханства было в общем-то случайностью; великий князь Василий II всего лишь дал Касиму «место» за победу над татарами Сеид-Ахмада в 1449 году, и уже сам Касим основал там город. В дальнейшем этим городом «с волостями» жаловались и другие выехавшие из

¹⁸ Татищев В.Н. История Российская. — М.; Л., 1965, 1966. — Т. 5, 6.

соседних государств царевичи, приводившие с собой и свой двор¹⁹. Как видим, дальше простой описательности автор не пошел.

В 60–70-х годах XVIII в. рост собирательства исторических материалов отразился на развитии русской археографии, на широкой публикации источников. Увидели свет публикации «Русской правды» и Судебника 1550 г., к 1767 году относится первое издание летописи по Кёнигсбергскому списку, начинаются публикации частных актов. Источниковедение русского летописания получило новый толчок в связи с работами А.Л.Шлёцера.

Неудивительно, что эти процессы привели к тому, что в последней четверти XVIII века князь М.М.Щербатов в «Истории Российской от древнейших времен» (т.4–7) уже намного более обстоятельно подошел к интересующей нас теме. Значительно пополнился круг привлеченных Щербатовым летописей, а в описании позднейших периодов истории — XVI и начала XVII столетия — широко используется актовый материал. Щербатов впервые ввел в научный оборот такие важнейшие комплексы источников, как духовные и договорные грамоты, дипломатическая переписка, статейные списки послов и др. Автор отмечает, что Касимовское ханство в своей ранней истории являлось «особливым владением»²⁰, акцентируя, таким образом, внимание на специфике этого политического образования. Права владельцев Касимова как своего рода «удельных князей» Щербатов определил как «великие», аргументировав это положение специально приведенным фактическим примером²¹. Вместе с тем зависимое, подчиненное положение касимовских правителей Щербатовым осознавалось вполне отчетливо, и применительно ко второму этапу существования Касимовского ханства автор первым из историков указал на специально назначаемого воеводу в Касимов как представителя параллельной ханской администрации²². Общий же смысл выделения на российской территории уделов татарским царевичам Щербатов понимал как, во-первых, существенную военную помощь с их стороны; во-вторых, удовлетворение тщеславия российского царя иметь в своем подчинении татар, предки которых взимали дань с Руси.

Дальнейшее развитие археографии и источниковедения (издание «Собрания государственных грамот и договоров», организация Археографической экспедиции и дальнейшая ее трансформация в Археографическую комиссию, издание ими «Актов археографической экспедиции» (4 т.), «Актов исторических» (5 т.), «Дополнений к

¹⁹ Татищев В.Н. История Российская. — М.; Л., 1965. — Т. 5. — С. 268; 1966. — Т. 6. — С. 288.

²⁰ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. — СПб., 1783. — Ч. 2. — Т. 4. — С. 9.

²¹ Там же. — С.173.

²² Там же. — СПб., 1790. — Ч.1. — Т. 7. — С. 138.

Актам историческим» (12 т.) и «Актов юридических»; работа по изданию Полного собрания русских летописей) привело к новому витку развития исторической науки.

Н.М.Карамзин²³ определил статус Касимовского ханства как «удел», а первого правителя Касима — как «слуги» московского великого князя²⁴. В то же время автор одним из первых обратил внимание на регулярное поступление дани в Касимов от московских удельных князей и от великого князя. Однако должного значения этому факту Карамзин не придал, расценив его как «необходимость подкупать татар, чтобы располагать их остальными силами в нашу пользу»²⁵. Отмечена Карамзиным и резкая эволюция социально-политического положения Касимовского ханства после падения Казани в 1552 г.; Ураз-Мухаммад (годы правления в Касимовском ханстве 1600—1610) уже назван у него не «служгой» российского царя, а «потешным царем»²⁶. Отметим, что «История...» Карамзина значительно превосходит труды Татищева, Щербатова своей источниковедческой основой, и именно это позволило автору сделать новые выводы, в том числе и по проблеме Касимовского ханства.

Н.А.Полевой в работе «История русского народа»²⁷, вышедшей во второй четверти XIX века, рассматривая положение Касимовского ханства, так же, как и Карамзин, причисляет его статус к удельному²⁸. Касимов, по мнению Полевого, выполнял как функции пограничной крепости, так и «пристанища всех недовольных из Орды, Казани, Крыма»²⁹. Основная цель существования Касимовского ханства для московского правительства — «питомник ханов» для казанского престола. Таким образом, касимовских владельцев автор воспринимает как одну из опор власти московского великого князя.

В «Истории России с древнейших времен» С.М.Соловьева Касимовское ханство в принципе не обойдено вниманием³⁰, но отличительной чертой его работы является то, что, ничего нового он по исследуемой проблеме не дает (по сравнению с предшественниками) и оригинальных концептуальных воззрений по теме нет. На мой взгляд, подобное положение дел объясняется тем, что признавая национальную основу процесса образования Русского государства, понятие «народ» Соловьев сводил только к русскому народу и лишь его

²³ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 4 кн. — Ростов н/Д, 1994. — Кн.2. — Т. 5–6; Кн. 3. — Т.9; Кн. 4. — Т. 10–12.

²⁴ Там же. — Кн.2. — Т. 6. — С. 387.

²⁵ Там же. — С.474.

²⁶ Там же. — Кн.4. — Т.12. — С.375.

²⁷ Полевой Н.А. История русского народа. — М., 1997. — Кн. 5–6. — Т. 3.

²⁸ Там же. — С.190.

²⁹ Там же.

³⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: В 18 кн. — М., 1989. — Кн. 3. — Т.5. — С. 224, 265; М., 1989. — Кн.3. — Т.6. — С. 582, 586, 589; М., 1989. — Кн. 4. — Т. 7. — С. 262.

отождествлял с государством, не оставляя тем самым самостоятельного места в истории России другим народам. В данном контексте история Мещерского юрта не представляла интерес для автора.

Вместе с работой С.М.Соловьева заканчивается первый этап изучения истории Касимовского ханства. Условно обозначим его как период, в течение которого вырабатываются первые подходы к проблеме. Четкого понимания сущности социально-политического организма, образовавшегося около середины XV века в районе Мещеры, у авторов не прослеживается; вместе с тем попытки выявить его характер предпринимаются (Щербатов, Карамзин, Полевой). Характерно, что на данном этапе никто из исследователей не говорит об интересующей нас этносоциальной единице как о Касимовском ханстве («царстве»). Такая постановка вопроса появилась лишь с выходом в свет работы Вельяминова-Зернова.

Многочисленные публикации исторических источников и обозначившийся в исследованиях интерес к проблеме приводит к выходу в 1863 году первого тома монографии Вельяминова-Зернова (1863–1887 гг.), специально избранной объектом рассмотрения Касимовское ханство («царство»)³¹. Это стало возможным исключительно из-за расширившейся источниковой базы, позволяющей сосредоточиться на отдельных вопросах, входящих в историю России.

Работа Вельяминова-Зернова открывает второй этап изучения истории Касимовского ханства, продлившийся до Октябрьской революции 1917 года. Он характеризуется тем, что теперь практически все исследователи, затрагивая историю Касимовского ханства, находят под влиянием концепции Вельяминова-Зернова (Иловайский, Лилеев, Ключевский). И хотя не всегда это придавало заключениям авторов стройность (Бестужев-Рюмин; видимо, сказывалась «внимательность» прочтения книги Вельяминова-Зернова), отрицать значение Вельяминова-Зернова для дальнейшего изучения истории Касимовского ханства невозможно.

Проследим все нюансы второго этапа подробнее.

К.Н.Бестужев-Рюмин³² останавливается лишь на вопросах возникновения Касимовского ханства. Автор считает, что после отпуска Василия II из татарского плена с ним выехало много татар, которым он раздал поместья, «чтобы противопоставить их татарам»³³. Общего представления о природе и статусе этого политического образования в его произведении не прослеживается.

В «Истории России» Д.И.Иловайского³⁴, вышедшей в последней четверти XIX века, автор не обошел вниманием и историю Касимов-

---

³¹ Анализ работы см. ниже, среди монографий второй группы.

³² Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. — СПб., 1872–1885. — Т.1–2.

³³ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. — СПб., 1872. — Т.1. — С.412–413.

³⁴ Иловайский Д.И. История России. — М., 1884 — 1905. — Т.2–5.

ского ханства. Эта тема затрагивается им и в других сочинениях³⁵. Касимовских правителей автор включает в общую «систему служебных Москве татарских князей и царевичей», противопоставляемых как Казанскому ханству, так и Большой Орде³⁶. Касимовское ханство Иловайским понималось как «образец» «служебных или вассальных княжеств»³⁷. Относительно причин возникновения ханства Иловайский повторяет мысли Вельяминова-Зернова³⁸.

С конца XIX века история Мещерского юрта начинает затрагиваться не только в глобальных «историях России», но и в работах, посвященных более узким вопросам. Пример тому работа Н.В.Лилеева «Симеон Бекбулатович, хан Касимовский...», вышедшая в Твери в 1891 году. Автор выдвигает свою интересную гипотезу причин частых в XV–XVI веках переходов татарских лиц царского происхождения на московскую службу³⁹. Также выдвигается версия причин «аномального», по выражению автора, существования особого удела — Касимовского ханства на территории стремившегося к ликвидации удельной системы Российского государства (имеется в виду время правления Ивана Грозного)⁴⁰. По мнению автора, Касимовское ханство выполняло роль буферного от татарских набегов государства.

В этом вопросе Лилеев не был пионером. С потерей этого значения произошло и изменение положения касимовского хана в иерархии Московского государства.

В.О.Ключевский⁴¹ не рассматривал пожалование Касима (Касимовское ханство) как государственность. Он полагал, что царевичу Касиму и его дружине в середине XV в. был просто отдан «Мещерский городок на Оке с уездом», где «среди иноверцев мещеры и мордвы верст на 200 вокруг Касимова ... была помещена дружина Касима»⁴².

Пролетарская революция в октябре 1917 года открыла новые горизонты в исторической науке, поэтому работа Г.Газиза (Газиза Салиховича Губайдуллина) «История татар», вышедшая в свет в Казани впервые в 1919 г.⁴³, открывает новую страницу в историогра-

---

³⁵ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества // Соч. — М., 1884. — С.1–223.

³⁶ Иловайский Д.И. История России. — М., 1884. — Т.2. — С.261.

³⁷ Там же.

³⁸ Анализ работы Вельяминова-Зернова см. ниже.

³⁹ Лилеев Н.В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь Всея Руси, впоследствии Великий князь Тверской. 1567–1616 гг. — Тверь, 1891. — С.3–4.

⁴⁰ Там же. — С.7–10.

⁴¹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: В 9 т. — М., 1987. — Т.2. — Ч.2.

⁴² Там же. — С.192.

⁴³ В дальнейшем были осуществлены переиздания книги, самое последнее и полное из которых вышло в 1925 г. (Оно, в свою очередь, было переиздано на русском языке в 1994 г.).

фии Касимовского ханства. Время выхода этой книги было временем всплеска интереса к национальной истории, истории отдельных народов, недостаточно разрабатывавшейся в дореволюционное время. Люди старались отмежеваться от имперской концепции истории, доминировавшей ранее. Несомненно, все эти явления совпали с новыми взглядами, веяниями в исторической науке, связанными с марксистским подходом к толкованию исторических событий.

Все это хорошо видно при рассмотрении книги Губайдуллина. В главе «Период феодализма у татар» есть параграф «Борьба московского торгового капитала и татарского феодализма», в нем уделено место и Касимовскому ханству. Как видно, самый примитивный, гипертрофированный формационный подход сказывается уже в названиях. В отношении возникновения Мещерского юрта автор высказывает новую точку зрения, состоящую в том, что он был образован в соответствии с договором после победы Улуг-Мухаммада над Василием II. Однако до конца разобраться в этом вопросе ему не удалось, присутствует путаница в фактах и цифрах. Само ханство автор рассматривает как марионеточное государство, которое по первому требованию русского правительства предоставляло свои военные силы в интересах Москвы. По мнению автора, Касимовское ханство представляло собой «питомник ханов, использовавшийся и для отвода глаз Турции»⁴⁴. Интересно, что существование Мещерского юрта автор связывает не столько с Казанью, сколько с Турцией. Автор считает, что после того как Казань и Астрахань были покорены Россией, Москва, по мере собственного усиления, «перестала бояться Турции», и необходимости в существовании Касимовского ханства не стало.

М.Г.Худяков, автор «Очерков по истории Казанского ханства» (впервые вышли в Казани в 1923 году), развил концепцию Касимовского ханства. Слова об исторической обстановке в стране, сказанные применительно к Губайдуллину, в полной мере применимы и к Худякову⁴⁵.

Исследование выделяется ярко выраженной личной позицией автора. Фактический материал его работы не может не заслуживать уважения. Худяковым были привлечены многие источники — русские летописи, разрядные книги, свидетельства иностранцев, дипломатическая переписка московского правительства с ногайским, крымским и турецким дворами и некоторые другие. Работа с ними была проведена тщательно.

---

⁴⁴ Газиз Г. История татар. — М., 1994. — С. 101.

⁴⁵ Об истории создания работы Худякова см.: Рахимзянов Б.Р. Концептуальные воззрения М.Г.Худякова в 1930-е гг. // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г.Худякова (Казань, 22–25 марта 2004 г.). — Казань, 2004. — С. 62–70.

Относительно истории возникновения Касимовского ханства автор придерживается версии, выдвинутой Губайдуллиным, однако не останавливается на ней, развивая и дополняя ее. Путаницы в исторических фактах у Худякова значительно меньше. При изучении вопроса возникновения Касимовского ханства особый акцент Худяков делает на том, что ханство было создано Москвой отнюдь не добровольно⁴⁶.

В пользу этой точки зрения автор приводит убедительные доводы. Подробно описывается историческая обстановка, возникающая по мере утверждения касимовских владельцев на казанском престоле. Автор подробно анализирует участие Шах-Али в многочисленных походах московских войск против Казани. Таким образом, исследование М.Г.Худякова существенно помогло и моей работе.

Таким образом, работы Губайдуллина и Худякова представляют собой третий этап изучения истории Касимовского ханства, хронологически составляющий 20-е годы XX века. Они полностью порывают с предшествующей историографической традицией и выдвигают смелые гипотезы относительно истории Касимова.

Примечательно, что появившиеся новые точки зрения по проблеме не являлись результатом публикации источниковых комплексов и привлечения новых видов исторических источников. Выводы зачастую делались либо умозрительно, либо на основе пересмотра уже введенных в оборот текстов. Как бы то ни было, данный этап является важной вехой изучения Касимовского ханства.

Георгий Владимирович Вернадский, работавший в разные периоды своей жизни в России, Европе и США⁴⁷ и оказавший сильное влияние на так называемые «Russian Studies»⁴⁸ в мире в целом, в своем труде «Начертание русской истории» датирует окончание монгольского владычества не 1480 годом, а годом образования Касимовского ханства — 1452⁴⁹. Эта оригинальная мысль была многократно повторена в трудах наших зарубежных коллег.

В книге М.К.Любавского «Образование основной государственной территории Великорусской народности: Заселение и объединение центра» Касимовскому ханству посвящен отдельный параграф «Возникновение Касимовского царства»⁵⁰. Можно признать, что фактически это был шаг назад в освещении возникновения Касимовско-

⁴⁶ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С.28.

⁴⁷ Подробнее о жизни и творчестве этого выдающегося историка см.: Halperin Ch. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review. — 1982. — Vol.41. — № 3. — P.477–493; Halperin Ch. Russia and the Steppe: G.Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. — 1985. — V.36. — P.55–193.

⁴⁸ Изучение истории России.

⁴⁹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. — Прага, 1927. — Т.1. — С.67–111.

⁵⁰ Любавский М.К. Образование основной государственной территории Великорусской народности: Заселение и объединение центра. — Л., 1929. — С.110–111.

го ханства. Автор вновь воскрешает мнение Вельяминова-Зернова. Положительным моментом является упоминание о «своего рода выходе» (или дани), платившемся Касиму и его преемникам как московским великим князем, так и рязанским⁵¹. Автор считает, что царевич Касим и пришедшие с ним татары «нашли более выгодным для себя кормиться на счет Руси не случайною добычею, а регулярною получкою дани и ясака с инородцев, отданных им во владение»⁵². Несомненно, эта точка зрения весьма оригинальна, однако далеко не бесспорна.

В «Материалах к теме «Создание русского национального государства», вышедших под редакцией А.В.Шестакова, Касимовское ханство рассматривается как один из осколков Золотой Орды, в совокупности с Крымским и Казанским ханствами и Ногайской Ордой⁵³. Интересно, что ни слова не говорится о его вассальной зависимости от Москвы, авторами оно понимается как вполне самостоятельное образование. Это первое в историографии упоминание о Касимовском ханстве как об одном из наследников Золотой Орды. В последнее время это направление стало приоритетным среди татарстанских историков.

В работе В.В.Мавродина «Образование Русского национального государства» Касимовское ханство рассматривается как одна из составляющих многонациональности Московского государства; отмечается, что многие татарские феодалы в дальнейшем приняли православие, обрусели и вошли в состав русской феодальной знати⁵⁴.

К.В.Базилевич, рассматривая содержание ярлыка Ахмад-хана Ивану III, отмечает, что задачей касимовских татар была охрана подступов к нижнему течению Оки, чему в сильной степени помогало выгодное положение Касимова⁵⁵. В дальнейшем Базилевич продолжил разработку интересующей нас проблематики в работе «Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века»⁵⁶. Автором был привлечен широкий круг источников, в числе которых были и ранее не вводившиеся в научный оборот материалы. Это летописи, договорные грамоты, дипломатическая переписка, послания одних лиц к другим, родословные записи.

Каковы же основные вопросы, касающиеся нашей проблематики? Во-первых, автор анализирует ситуацию в Русском государстве после суздальского поражения 1445 года и выдвигает свои гипотезы

⁵¹ Там же. — С.110.

⁵² Там же. — С.111.

⁵³ Материалы к теме «Создание русского национального государства» / под ред. А.В. Шестакова. — Смоленск, 1938. — С.10.

⁵⁴ Мавродин В.В. Образование Русского национального государства. — Л., 1941. — С.168.

⁵⁵ Базилевич К.В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник МГУ. — 1948. — № 1. — С.29–46.

⁵⁶ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. — М., 1952. — С.543.

относительно условий освобождения Василия II Улут-Мухаммадом⁵⁷. Во-вторых, затрагивается вопрос платежа «выхода» после событий того же 1445 года⁵⁸. Существует гипотеза, что «выход» платился и Касимову в указанный период (1445–1462 гг.). Интересны рассуждения автора относительно различий «выхода» и «проторов»⁵⁹. Это тоже очень важно для раскрытия проблемы возникновения Касимовского ханства. В-третьих, автор отмечает, что новым в правлении Василия II являлось широкое использование татарских царевичей с людьми в войсках великого князя и несение ими пограничной службы⁶⁰. В-четвертых, автор выдвинул новые гипотезы фактографического характера (относительно предоставления Касиму и Якубу городов в «удел», годов жизни Нур-Даулета и сроков пребывания на касимовском престоле Сатылгана)⁶¹. В-пятых, автор рассматривает Касимовское ханство как средство предъявления династических претензий не только на казанский престол, но и на крымский тоже⁶². Итак, несмотря на некоторые новые подходы, работу Базилевича все же нельзя считать этапной, так как в концептуальном плане она не является новаторской.

50–60-е гг. XX в. характеризуются тем, что в это время к изучению проблем феодализма обратилась группа советских исследователей: М.Н.Тихомиров, И.Б.Греков, А.А.Зимин, В.И.Буганов, А.А.Преображенский, Ю.А.Тихонов, Я.Е.Водарский и другие. В ходе разработки целостной концепции развития феодализма в России была затронута и история Касимовского ханства.

Зарубежная историческая наука в течение 1940–2000-х гг. проявляла значительный интерес к теме территориального расширения Российского государства. Пристальное внимание данная проблематика получила в США и Великобритании. Во второй половине XX в. это внимание во многом было связано с тем интересом, который Запад проявлял к Советскому Союзу как противостоящей ему на мировой арене державе. Особо актуальной признавалась проблема восточной политики Московского государства в середине XVI в., в рамках которой получила освещение и история Касимовского ханства⁶³.

⁵⁷ Базилевич К.В. Внешняя политика... — С.55.

⁵⁸ Там же. — С.56–57.

⁵⁹ Там же. — С.57.

⁶⁰ Там же. — С.58.

⁶¹ Там же. — С.58, 186, 190.

⁶² Там же. — С.185–190.

⁶³ Я хотел бы выразить благодарность программе «Фулбрайт», в рамках гранта которой (Fulbright Senior Visiting Scholar Program Grant) я смог провести очень плодотворные полгода (сентябрь 2006 — март 2007 гг.) в Гарвардском университете. Это позволило мне в полной мере ознакомиться с творчеством моих зарубежных коллег. Я благодарю Гарвардский университет и его Дейвисовский центр русских и евразийских исследований за радушный прием в США и возможность пользования их ресурсами. Кроме того, дружелюбный штат Дейвис центра постоянно поддерживал мое настроение на самой высокой планке. Отдельное спасибо дирекции центра Тимоти Колтону и Лиз Тарлоу.

Английский историк М.Флоринский в вышедшей в 1953 году в Нью-Йорке монографии «Россия. История и интерпретация» справедливо замечает по поводу образования Касимовского ханства: «Среди новшеств Василия было создание на Нижней Волге полузависимого государства для Касима, сына Улу-Махмета. Нюансы образования нового государства, известного как Касимовское царство, так же как и точная дата его образования, остаются неясными. Возможно, образование этого государства было одним из смутных обязательств, принятых Василием как цена за его освобождение. Летопись по этому вопросу хранит молчание... Касимовское царство, как нам кажется, служило своего рода барьером против растущей мощи Казани...»⁶⁴. Впрочем, данный подход не блещет оригинальностью, базируясь на монографии Вельяминова-Зернова.

Американский исследователь О.Бакус в своей статье «Была ли Московская Русь империалистичной?» вслед за Г.Вернадским отмечает: «В 1452 году Москва избавила себя от зависимости от Золотой Орды, если не де-юре, то хотя бы фактически, образовав вассальное татарское Касимовское царство в районе, ранее контролирувавшемся Ордой. С этого момента начинается длительный подъем Москвы и ее экспансия»⁶⁵.

Важно отметить, что для наших зарубежных коллег весьма характерно затрагивание истории Касимовского ханства именно в русле имперской экспансии Российского государства. На их взгляд, образование Касимовского ханства стало одним из шагов в этом направлении.

М.Г.Сафаргалиев в вышедшей в 1960 году в Саранске работе «Распад Золотой Орды»⁶⁶ в основном уделил внимание вопросам образования Касимовского ханства⁶⁷. Отметим, что автор характеризуется упорным (несмотря на данные источников) нежеланием признать вассальный характер этого государственного образования.

Англичанин С.Зенковски в вышедшей в 1960 году в издательстве Гарвардского университета работе «Пантюркизм и ислам в России» рассматривает Касимовское ханство как «первое тюркское меньшинство (minority group) в Русском государстве»⁶⁸. Данный подход интересен в плане перспективных исследований тюркских групп в России.

Английский историк Дж.Кларксон в обзорной работе «История России» в следующих выражениях говорит об образовании Каси-

---

⁶⁴ Florinsky M. Russia. A History and an Interpretation. — N.Y.: The Macmillan Company, 1953. — Vol.1. — P.68.

⁶⁵ Backus O. Was Muscovite Russia Imperialistic? // American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13. № 4. P. 523.

⁶⁶ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — 276 с.

⁶⁷ Подробнее об этом см. § 1 главы 2.

⁶⁸ Zenkovsky S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia. — Cambridge: Harvard University Press, 1960. — P.13.

мовского ханства: «Василий II был захвачен в плен и ослеплен своими родственниками (1446) — с этих пор он известен как «Темный», — но татарские отряды сыграли важную роль в окончательной победе Василия. Один из их лидеров был награжден — он был признан «царем» буферного Касимовского ханства, вассального княжества Москвы (1452)»⁶⁹. Здесь, так же как и во многих других работах, широкий хронологический охват не способствует оригинальности мыслей автора в отношении Касимовского ханства.

В монографии М.Н.Тихомирова «Россия в XVI столетии» Касимовское ханство рассмотрено вместе с уделами других татарских царевичей, уделено внимание природе их владельческих прав⁷⁰.

Английский историк Дж.Феннел в своей книге «Иван Великий Московии» концентрированно повторяет мысли В.В.Вельяминова-Зернова⁷¹.

И.Б.Греков в работе «Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв.» представляет Касимовское государство как «специальный центр для содержания татарских царевичей-эмигрантов»⁷². Автор отмечает, что организации подобного центра должна была предшествовать длительная практика укрытия в пределах Московского государства «политических эмигрантов» из «татарского» мира.

В вышедшей впервые в 1963 году обзорной работе «История России» американский историк Николас Рязановский, ссылаясь на Г.Вернадского, так трактует образование Касимовского ханства в рамках взаимоотношений Руси с монголами: «1452 год обозначил новое достижение: монгольский князь, принадлежащий к правящему дому, принял сюзеренитет великого князя; так было образовано Касимовское княжество... Образование этого монгольского княжества, зависимого от московского великого князя, было всего лишь одним из показателей упадка мощи монголов... Рассуждая практически, Москва может рассматриваться как независимая от монголов начиная по крайней мере с 1452 года»⁷³. Здесь, на мой взгляд, важна акцентация на принадлежности Касима к правящему дому Джучи.

Э.Л.Кинан, долгое время проработавший деканом и профессором в Гарварде, затрагивает историю Касимовского ханства в своей докторской (Ph.D.) диссертации «Московия и Казань, 1445–1552 гг.:

⁶⁹ Clarkson J. A History of Russia. — N.Y.: Random House, 1961. — P.80–81.

⁷⁰ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С.42–46.

⁷¹ Fennel J. Ivan the Great of Moscow. — L.: Macmillan; N.Y.: St. Martin's Press, 1963. — P.14.

⁷² Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. — М., 1963. — С.121.

⁷³ Riasanovsky N. A History of Russia. — N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2005. — Vol.1. — P.94.

исследование степной политики»⁷⁴. Она была защищена в Гарварде в 1965 году. К сожалению, этот фундаментальный труд, показывающий недюжинную эрудицию и провокационный ум автора, а также глубокое знание им источников, так и не был полностью опубликован. Правда, отдельные моменты были доступны читателям в виде статей.

Касаюсь образования Касимовского ханства⁷⁵, автор называет этот вопрос критическим для понимания властных взаимоотношений того времени. Высказаны интересные (но не всегда подтвержденные источниками данными) мысли по поводу хронологии образования Касимовского ханства, а также о проблеме «выхода» в Касимов.

Говоря в целом о Касимове, автор отмечает: «Место» в Касимове в начале своей истории не было ни татарским аванпостом, ни московским орудием против Казани, но резиденцией и экономической базой казанских сил, возглавляемых сыновьями хана [Улуг-Мухаммада. — *Б.Р.*], которые были отданы в распоряжение Василия II во время борьбы против Шемяки. Мамутеку [Махмуду, второму хану Казани. — *Б.Р.*] было выгодно, чтобы его младшие братья, потенциальные очаги оппозиции, были «расквартированы» и «трудоустроены» вне его центральных территорий [имеется в виду территория Казанского ханства. — *Б.Р.*], как и в целом существование между двумя государствами [Казанью и Москвой. — *Б.Р.*] земель, принадлежавших Василию, но обращенных в средство поддержки Касима и Якуба и их свиты, обеспечивающих удобный буфер»⁷⁶.

Неизвестно, насколько изменились взгляды автора на данные вопросы к настоящему моменту (прошло более 40 лет). Возможно, это имело место быть⁷⁷.

В большой дискуссии, развернувшейся в 1967 году на страницах американского журнала «Славянское обозрение» («*Slavic Review*») по поводу взаимоотношений Москвы и Казани в средние века, американский исследователь Омелян Прицак высказал интересные и крайне важные, на мой взгляд, наблюдения по поводу изменения политического положения Касимова. Он считает, что вассальный статус Касимовского ханства приобрело не сразу при его образовании в середине XV века, а только после смены представителей династии Гиреев на потомков Ахмада: «Поворотным пунктом во взаимоотношениях между Москвой и Казанью был не 1487 год... а 1512... Я всего лишь хочу подчеркнуть, что с данного момента казанско-крымская династия оставила Касимов. Юрт в Мещерской земле от-

---

⁷⁴ Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics / by Edward Louis Keenan, Jr. 1965. 429 leaves.

⁷⁵ Ibid. — P.136–140.

⁷⁶ Ibid. — P.140–141.

⁷⁷ К сожалению, при моей личной встрече с г-ном Кинаном в Гарварде в октябре 2006 года времени выяснить это не хватило.

ныне был передан членам династии бывшего хана Золотой Орды, Ахмеда, с одобрения Москвы. Только теперь касимовские Чингисиды стали марионетками в руках Москвы...»⁷⁸. Автор справедливо отмечает, что прежнее мнение о Касимове как о «творении Московии» неверно, как отметил еще М.Г. Сафаргалиев. Говорится о «выходе» в Касимов (ссылка на ДДГ).

Автором большинства статей, посвященных Касимовскому ханству в различных энциклопедиях, является Ш.Ф. Мухамедьяров⁷⁹. Касимовское ханство трактуется им как «удельное княжество, созданное московскими князьями для татарских ханов, перешедших к ним на службу». Автор отмечает, что «цари» и «царевичи» Касимовского ханства назначались по усмотрению московского правительства из числа татарской знати, принявшей русское подданство. Отмечается особое значение Касимовского ханства в период борьбы с Казанским ханством. Важным является тезис о том, что с присоединением Казани стратегическое значение Касимовского ханства падает. Это положение отчетливо осознано впервые именно Мухамедьяровым.

История Касимовского ханства была затронута в связи с историей Казанского ханства в различных изданиях «Истории Татарской АССР». Н.Ф. Калинин являлся автором строк, посвященных Касимовскому ханству, в изданиях 1951 г. и 1955 г.⁸⁰ Ханство оценивается им как «серьезное препятствие для агрессивной политики Махмута», вассальное Русскому государству. По его мнению, «Касимовское царство стало буфером против Казанского ханства».

«История Татарской АССР», вышедшая в Казани в 1968 году, специально не останавливается на проблеме Касимовского ханства. Упоминается лишь о передаче Касиму около 1452 года Мещерского городка, а также о статусе Касима — «служилый царевич»⁸¹. Главу написал Ш.Ф. Мухамедьяров. Издания 1973 г. и 1980 г. (они идентичны), где автором являлся А.Х. Халиков, практически дублируют издание 1968 года, лишь сократив его⁸².

Как видим, никакой эволюции изучения Касимовского ханства на основе этих обзорных трудов проследить невозможно, они полностью базируются на исследовании Вельяминова-Зернова. По всей

---

⁷⁸ Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // Slavic Review. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.579–580.

⁷⁹ Советская историческая энциклопедия. — М., 1965. — Т.7. — Стб.85; Большая Советская энциклопедия. — М., 1973. — Т.11. — С.496; Отечественная история: Энциклопедия: В 5 т. — М., 1996. — Т.2. — С.517–518.

⁸⁰ История Татарской АССР. — Казань, 1951. — Т.1. — С.160, 161; История Татарской АССР. — Казань, 1955. — Т.1. — С.126, 127.

⁸¹ История Татарской АССР. — Казань, 1968. — С.85.

⁸² История Татарской АССР. — Казань, 1973. — С.33; История Татарской АССР. — Казань, 1980. — С.33.

видимости, невнимание к Касимовскому ханству объясняется тем, что географически территория, на которой оно находилось, не составляет на данный момент часть Татарстана.

Американец Марк Раефф в своей статье «Модели российской имперской политики относительно национальностей», вышедшей в 1971 году, рассматривает Касимовское ханство как «пятую колонию» по отношению к другим татарским ханствам⁸³. Данный подход не лишен логики.

Историк Дж.Харрисон в книге «Распространение Российской империи в Азии и Америке» (уже по названию можно судить об идеологической заданности работы) по проблеме истории Касимовского ханства дает информацию с множеством фактических ошибок и непонятных причинно-следственных связей, причем без ссылок на источники⁸⁴. Иногда такое характерно и для российских исследователей в трудах со слишком широким проблемно-географическим охватом.

Английский исследователь Н.Чировски в своем труде «История Российской империи» так оценивает факт образования Касимовского ханства: «Исторически создание этого княжества может быть рассмотрено как практическое освобождение Московии — России от монгольского владычества. Оно означало, что с данного момента и в течение последней декады своего правления Василий был полностью независим от какого-то ни было татарского владычества»⁸⁵. Как видим, здесь вновь повторена мысль Г.Вернадского.

Английские исследователи Дж.Лантзев и Р.Пирс в своей работе «На восток к империи. Исследования и завоевания на российской открытой границе до 1750 г.» оценивают Касимов как «действительную пограничную точку (*true frontier mark*), управляемую татарами на русской службе»⁸⁶. Ссылки даются на работы Вернадского и Вельяминова-Зернова.

Английский автор М. Ривкин в своей статье «Российская колониальная экспансия до Ивана Грозного: обзор основных тенденций», опубликованной в журнале «Русское обозрение» («*Russian Review*») в 1973 году, рассматривая события 1445–1446 гг., справедливо говорит о Касиме: «Неясно, был ли он изначально московским агентом

---

⁸³ Raeff M. Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities // Allworth E. Soviet Nationality Problems. — N.Y.; L.: Columbia University Press, 1971. — P.27.

⁸⁴ Harrison J.A. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. — Coral Gables (Florida): University of Miami Press, 1971. — P.48, 50.

⁸⁵ Chirovsky N. A History of Russian Empire. — N.Y.: Philosophical Library, 1973. — Vol.1. — P.226.

⁸⁶ Lantzeff G., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. — Montreal; L.: McGill — Queen's University Press, 1973. — P.54.

или нет». Вслед за О.Прицаком исследователь отмечает, что только в 1512 году Касимовское ханство стало московским протекторатом. Рассматриваются вопросы, связанные с управлением Касимовским ханством, в том числе и русской администрацией: «Ранний прототип первого российского «колониального офиса» *Мещерский двор*, или *Приказ*, был основан чуть позже [1512 года. — Б.Р.]. После взятия Казани, в 1553 году, он был поглощен Приказом Казанского дворца. К сожалению, о Мещерском приказе, его структуре и властных полномочиях почти ничего не известно»⁸⁷. Как видим, вновь рассмотрение истории Касимова идет в русле российской имперской экспансии.

Книга А.Х.Халикова «Происхождение татар Поволжья и Приуралья», вышедшая в 1978 году, содержит некоторый материал по исследуемой проблематике. Касимовское ханство рассматривается автором как один из центров формирования татаро-мишарской народности⁸⁸. Исторический очерк о ханстве у автора практически полностью составлен на основе монографии Вельяминова-Зернова.

Ценность работы Халикова для раскрытия темы нашего исследования в том, что автором на основе многих данных, в том числе и археологических, сделана попытка показать внутреннюю жизнь Касимовского ханства, промыслы, занятия, ремесла, элементы культуры (архитектура)⁸⁹.

Исследование А.А.Зиминой «Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории»⁹⁰ важно для нас тем, что, во-первых, упоминается о финансовой поддержке (ясаке) татарских царевичей со стороны московского правительства⁹¹. Этот вопрос вызывает много споров в современной исторической науке, и голоса «за» или «против» очень важны как для историографии, так и для истории как таковой. Данная проблема важна для анализа причин возникновения Касимовского ханства. Во-вторых, автор отмечает чрезвычайно высокое положение татарских царевичей на сословно-иерархической лестнице феодальной знати Русского государства⁹². В-третьих, основной исторической миссией Мещерского юрта Зимин считает его роль в подготовке присоединения Казани⁹³.

Ю.А.Кизилов в учебном пособии «Земли и народы России в XIII–XV вв.»⁹⁴ затрагивает и проблему Касимовского ханства. Ханство,

⁸⁷ Rywkin M. Russian Colonial Expansion before Ivan the Dread: A Survey of Basic Trends // Russian Review. — 1973. — Vol.32. — № 3. — P.293.

⁸⁸ Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань, 1978. — С.133–135.

⁸⁹ Там же. — С.146.

⁹⁰ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. — М., 1982. — С.333.

⁹¹ Там же. — С.234.

⁹² Там же. — С.234–235.

⁹³ Там же. — С.235.

⁹⁴ Кизилов Ю.А. Земли и народы России в XIII–XV вв. — М., 1984. — 160 с.

как считает автор, служило примером строительства устойчивых взаимоотношений «великорусского центра с разноразличными народами окраин»⁹⁵.

Отметим, что этот очень интересный тезис у Кизилова ничем не подкреплен и не развит. Однако я полагаю, что такой подход к проблеме является вполне обоснованным и нуждается в дальнейшей разработке. Особенно это касается второго этапа развития ханства (1552–1681 гг.).

Один из ведущих американских исследователей взаимоотношений Московии и тюркского мира в средние века Чарльз Гальперин касается истории Касимовского ханства в работах «Россия и Золотая Орда. Монгольское влияние на средневековую историю России» (1985 г.) и «Татарское иго» (1986 г.). Касимовское ханство рассматривается им как одно из государств, образовавшихся в результате распада Золотой Орды, вместе с Казанским, Астраханским, Крымским, Сибирским ханствами, Ногайской и Большой Ордами⁹⁶. Отмечается, что Касимов получал от Московии дань наряду с другими наследниками Золотой Орды⁹⁷.

Отмечая, что хронология образования Касимовского ханства спорна, автор пишет: «...возможно, образование Мещерского юрта испугало московское население и способствовало возвышению Шемяки, но это всего лишь предположение, так как летописи никогда не отмечали образование этого вассального государства»⁹⁸. Последний тезис весьма важен для понимания политической ситуации середины XV века. Автор ссылается на российских и советских историков, Г.Вернадского.

Интересные мысли по поводу Касимова можно обнаружить в работе исследовательницы А.Рорлих «Волжские татары: очерк национальной устойчивости». Отмечая, что 1445 год явился годом образования не одного, а двух татарских ханств — Казанского и Касимовского, она считает причиной образования ханства не «изначальную идею», а случай (по всей видимости, имеется в виду битва 1445 года под Суздаlem, пленение Василия II и выкуп за него). По ее мнению, данный факт «оставил свой след как на внутренних делах ханства, так и на его структуре». Оно отличалось от других ханств, образовавшихся после распада Золотой Орды, отсутствием собственной правящей династии. Как следствие этого Касимовское ханство существовало как зависимое государство и часто служило в роли «станции ожидания» для изгнанных из Казани ханов или новых

---

⁹⁵ Там же. — С.132.

⁹⁶ Halperin Ch. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. — Bloomington: Indiana University Press, 1985. — P.29.

⁹⁷ Ibid. — P.60.

⁹⁸ Halperin Ch. The Tatar Yoke. — Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1986. — P.145.

претендентов на казанский престол⁹⁹. Подход автора базируется на материалах работы Вельяминова-Зернова и штудиях турецких исследователей, на которые и даются ссылки.

Английский исследователь Роберт Крамми в своей книге «Формирование Московского государства, 1304–1613 гг.», в главе «Победа Москвы, 1380–1462 гг.», так оценивает положение Касимовского ханства: «В 1452 или 1453 году он [Касим. — *Б.Р.*] обосновался в Городце Мещерском на реке Ока и образовал свое собственное княжество. Здесь он и его преемники заняли стратегическую позицию между Москвой и Казанью. Правители Касимовского ханства — под этим именем оно стало позднее известно — постепенно стали зависимыми от московских князей и помогали им играть активную и информированную роль в политической и дипломатической жизни татарского мира Степи»¹⁰⁰.

В 1991 году в Москве вышла монография А.А.Зиминой «Витязь на распутье», написанная еще в 70-е годы. В ней затронута и ранняя история Мещерского юрта, причем в связи с событиями феодальной войны в России во второй четверти XV века. Заострение внимания на связи возникновения Касимовского ханства и политической борьбы на Руси в указанный период является несомненным плюсом и новаторством работы, так как фактически это первая попытка обстоятельно разобраться в клубке политических противоречий второй половины XV века во всей их полноте. Особое внимание уделено вопросу образования Касимовского ханства¹⁰¹. Концептуально Мещерский юрт для Зиминой представляется как «щит»... «в обороне Руси как от Казани, так и от Орды Кучук-Мухаммада»¹⁰², а по статусу — как «вассальное» образование¹⁰³.

Книга А.М.Орлова «Мещера, мещеряки, мишаре»¹⁰⁴ в основном освещает малоизвестную историю Мещерского края, занимавшего, по мнению автора, в XV–XVII веках особое место в отношениях русских княжеств с населением этого региона. Касимовскому ханству в работе также уделено внимание. Автор считает, что оно было призвано объединить местные тюркоязычные племена, переселившиеся в Мещеру из прилегающих к ней земель. В целом работа Орлова содержит мало нового в освещении проблемы Касимовского ханства.

⁹⁹ Rorlich A. The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. — Stanford: Hoover Institution Press, 1986. — P.25–26.

¹⁰⁰ Crumme R.O. The Formation of Muscovy, 1304-1613. — L.; N.Y.: Longman, 1987. — P. 76.

¹⁰¹ Подробнее см. § 1 главы 2.

¹⁰² Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. — М., 1991. — С.172.

¹⁰³ Там же. — С.196.

¹⁰⁴ Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. — Казань, 1992. — С.112.

Крейг Кеннеди затрагивает историю касимовских династов в своей докторской (Ph.D.) диссертации «Джучиды Московии: изучение персональных связей между знатными татарскими эмигрантами и московскими великими князьями в XV–XVI веках»¹⁰⁵. Она была защищена в Гарварде в 1994 году. Насколько я понимаю, научным консультантом являлся Эдвард Л. Кинан. Его научное влияние постоянно ощущается в работе. Как и диссертация Кинана, этот серьезный труд, показывающий глубокое знание автором русских (и не только) источников, так и не был опубликован.

Кеннеди относит образование Касимовского ханства к 1456 году (вслед за Зиминным, по всей видимости)¹⁰⁶. Отмечается, что соглашение об образовании ханства как постоянного лагеря в Мещере, равно как и соглашение о получении татарами оброков и пошлин с ясачных людей, было закреплено письменным договором, который, правда, не сохранился. Данный тезис (о существовании именно письменного договора), надо отметить, не бесспорен.

В целом труд весьма полезен читателям при комплексном изучении геополитической и социокультурной ситуации в Евразии в указанный период.

С.Х.Алишев проанализировал вопросы истории Среднего Поволжья, предшествовавшие образованию Казанского ханства¹⁰⁷. Это помогло разобраться в исторической преемственности Золотая Орда — татарские государства XV–XVII вв.

Американская исследовательница профессор университета Майами Дж.Мартин в своей большой монографии «Средневековая Россия, 980–1584 гг.» постоянно касается истории Касимова во взаимосвязи с историей Казанского ханства да и других наследников Золотой Орды. Образование Мещерского юрта она расценивает как поворотный момент во взаимоотношениях Москвы с татарским миром: «Это событие явилось также одним из индикаторов сдвига в раскладе сил «Московия — татары»; Касим и все последующие ханы Касимова являлись уже не сюзеренами Василия [кем они могли быть по праву рождения — они были Чингисидами. — *Б.Р.*], но слугами великого князя Московского»¹⁰⁸. Мысли автора в основном базируются на взглядах Георгия Вернадского, но творчески развиты. В то же время чуть ниже г-жа Мартин рассматривает Касимовское ханство как полноправную сторону среди действующих сил постзолото-

---

¹⁰⁵ Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between emigre Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / by Craig Gayen Kennedy. 1994. 238 leaves.

¹⁰⁶ Ibid. — P.39.

¹⁰⁷ Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. — Казань, 1995. — 160 с.

¹⁰⁸ Martin J. Medieval Russia, 980–1584. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — P.315.

ордынской международной сцены: рассуждая по поводу воцарения Шах-Али в Казани в 1519 г., она говорит: «Поддержав кандидатуру представителя астраханской династии на казанский трон, Василий III создал новую коалицию для доминирования в Степи. Эта коалиция включала Москву, Казанское и Астраханское ханства и, конечно, Касимов»¹⁰⁹. Также автор касается истории Касимовского ханства в своей статье «Мультиэтничность в Московии: размышления по поводу татар-христиан и татар-мусульман в 1550–1580-х гг.»¹¹⁰.

Профессор Иезуитского университета в Чикаго Михаил Ходарковский рассматривает процессы инкорпорации нерусских элит в состав русского дворянства в работе «Не словом единым»: Миссионерская политика и религиозное обращение в России раннего Нового времени». Касаясь плюсов присоединения к российскому правящему классу, он пишет: «Более великодушные дары ожидали нерусские элиты, присоединившиеся к русскому двору начиная с XVI века и далее, причем во все возрастающем количестве, в поисках защиты и привилегий. Большинство этой знати пришло с Юга и Юго-Востока, где расширяющееся Русское государство предлагало новые возможности для местных элит. После завоевания Казани в 1552 году, различные представители Чингисидской династии из Астрахани, Крыма, Казани, Сибири и Касимова обратились в христианство. Один из наиболее известных примеров такого рода — крещение касимовского хана Саин-Булата в 1573 году. Более известный как Симеон Бекбулатович, он был посажен на московский трон Иваном IV для правления Россией на протяжении почти года»¹¹¹. Также М. Ходарковский касается истории Касимова в своих работах «Приручая Дикую Степь: южная граница Московского государства, 1480–1600 гг.»¹¹², «Степная граница России: создание колониальной империи, 1500–1800 гг.»¹¹³. Автора отмечает скрупулезная работа с источниками.

Исследователь Лео де Хартог в работе «Россия и монгольское иго: история русских княжеств и Золотой Орды, 1221–1502 гг.» рассматривает Касимовское ханство как «военную колонию» («*military colony*»). Он считает, что образование этого ханства привело к значительному повышению престижа Московии: «Осознание того, что

¹⁰⁹ Ibid. — P.324.

¹¹⁰ Martin J. Multiethnicity in Muscovy: a Consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1550s–1580s. // Journal of Early Modern History. — 2001. — Vol.5. — № 1. — P.1–23.

¹¹¹ Khodarkovsky M. «Not by Word Alone»: Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. — 1996. — Vol.38. — № 2. — P.274–275.

¹¹² Khodarkovsky M. Taming the 'Wild Steppe': Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // Russian History/Histoire Russe. — 1999. — Vol.26. — № 3. — P.241–297.

¹¹³ Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800. — Bloomington: Indiana University Press, 2002. — 290 p.

татары уже были когда-то приняты на службу Московского государства, способствовало переходу под патронат великого князя Московского многочисленного числа татар, предпочетших оставить собственные ханства. Эта ситуация обозначила начало конца эры монгольского доминирования и начало новой эпохи для России»¹¹⁴. Как видим, это вновь переложение старой мысли Г. Вернадского.

Историк Дональд Островски, работающий в Гарвардском университете, в 1998 году опубликовал провокационную монографию «Московия и монголы: межкультурные влияния на степной границе, 1304–1589 гг.»¹¹⁵, концептуальные построения которой были приняты далеко не всеми исследователями, работающими на поле средневековой истории России. Написанная на хорошем источниковом материале и предлагающая альтернативные взгляды на многие проблемы, она в числе прочих рассматривает и вопросы, связанные с Касимовским ханством. Автор неоднократно упоминает его как одного из наследников Кипчакского ханства (так Островски именуется Золотую Орду), в общем ряду с Крымским, Казанским, Астраханским ханствами и Ногайской Ордой.

Таким образом, можно выделить последний, четвертый, этап изучения истории Касимовского ханства, охватывающий период с конца 20-х гг. XX в. до наших дней. На мой взгляд, он характеризуется практически полным отсутствием эволюции изучения Касимовского ханства советскими историками и в то же время началом с 1950-х гг. научных штудий зарубежными (преимущественно американскими и английскими) исследователями. Несмотря на некоторые попытки новых подходов, в целом большинство советских авторов, прочитав исследование Вельяминова-Зернова, кратко излагало его мысли в своих собственных работах, касаясь истории ханства. Даже вышедшие в 20-х гг. работы Худякова и Губайдуллина не оказали, по сути, никакого влияния на советскую историческую науку в отношении освещения истории Касимовского ханства. Не повлияли на ход исторической науки в этом контексте и неоднократно предпринимавшиеся в течение советского периода публикации исторических источников.

Американские и английские исследователи рассматривали историю Касимова преимущественно в контексте российской имперской и колониальной экспансии, которую они начинают с завоевания Казани и Астрахани в середине XVI века, в некоторых трудах — с аннексии Новгорода в 1478 году. На формирование подходов зарубежных коллег к истории Касимовского ханства большое влияние

---

¹¹⁴ Hartog L. *Russia and the Mongol yoke: the history of the Russian principalities and the Golden Horde, 1221–1502*. L.; N. Y.: British Academic Press, 1996. — P.133.

¹¹⁵ Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — XVI, 329 p.

оказали мысли Георгия Вернадского, высказанные им еще в 1927 году, а также национальных татарских историков.

Итак, на этом заканчивается анализ первой группы литературы. Как видим, эта группа предоставила в научное распоряжение весь спектр мнений, появившихся относительно Касимовского ханства, начиная с первой половины XVIII века и до наших дней. Их учет необходим в собственном конкретно-историческом исследовании, а также для историографии проблемы.

Труды, специально посвященные Мещерскому юрту и касимовским татарам. Это исследование В.В.Вельяминова-Зернова (в 4 т.) и компилятивная работа Н.И.Шишкина; обе вышли в XIX веке. Они непосредственно затрагивают проблему Касимовского ханства. Работа Ф.Л.Шарифуллиной посвящена касимовским татарам, что также напрямую относится к нашей проблематике. Эти три исследования, написанные в разное время и в разных местах, тем не менее служили для автора книги историографической основой, на которую он опирался. Это во многом облегчило работу как с другой литературой по проблеме, так и с источниками.

В.В.Вельяминов-Зернов. В 1863 году в Санкт-Петербурге выходит в свет первая часть четырехтомного труда профессора В.В.Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах». В дальнейшем вышли вторая (1864), третья (1866) и четвертая (1887) части этой работы¹¹⁶. Труд является фундаментальным исследованием по теме. Автор досконально исследует жизнь касимовских правителей как до, так и во время управления ханством; зачастую попутно разрабатываются проблемы, не относящиеся непосредственно к теме его работы, но являющиеся очень важными для понимания процессов, происходивших вокруг Касимовского ханства. Объективный свод фактических справок и материалов делают его работу актуальной по некоторым вопросам и в наши дни. Автор с исчерпывающей полнотой приводит сведения о касимовских владельцах, останавливаясь не только на периодах управления ими Касимовом. Работа с историческими источниками, проверенная по мере собственного исследования, является очень скрупулезной и точной, все ссылки сделаны без малейшей погрешности. Таким образом, фактический материал, собранный Вельяминовым-Зерновым, может служить отправной точкой в дальнейшей разработке проблемы.

Однако уровень исторической науки того времени был таким, что некоторые вопросы, связанные с Мещерским юртом, автором не могли быть рассмотрены. Совсем не рассматривается внутренняя жизнь ханства, жизнь не касимовских правителей, а простых крестьян, служилых татар, то есть жизнь народа Касимовского ханства. Эта про-

---

¹¹⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1863–1887. — Ч.1–4. — Ч.1. — 558 с.; Ч.2. — 498 с.; Ч.3. — 502 с.; — Ч.4. — 178 с.

блема частично была разработана в наше время, в связи с проводившимися историко-этнографическими и археологическими исследованиями. Автор и сам понимал некоторую узость своей монографии, оттого и названа она была «Исследование о касимовских царях и царевичах». Источниками для автора служили русские летописи, договорные грамоты, разрядные книги, записки иностранцев, частично иностранные источники (например, крымские). Наиболее слабым местом исследования является разработка проблемы возникновения Касимовского ханства, здесь автор слепо доверяет русским летописям и практически не рассматривает общую историческую обстановку на территории будущего Русского государства в 40-х годах XV столетия, без анализа которой трудно понять причину возникновения Касимовского ханства.

Делая выводы по исследованию Вельяминова-Зернова, можно отметить, что концепция автора состоит в том, что Касимовское ханство — буферное государство, созданное на карте искусственно для защиты границ формирующегося Русского государства от набегов кочевых орд¹¹⁷. Его возникновение было связано со стечением обстоятельств, которые удачно использовал в своих целях Василий II. Также оно было необходимо московским князьям для предъявления династических претензий на казанский престол. При всех недостатках, связанных, как уже говорилось выше, в основном с развитием исторической науки того времени (не надо забывать, что это середина и вторая половина XIX века), работа Вельяминова-Зернова является крупнейшим фундаментальным исследованием по проблеме Касимовского ханства.

В 1891 году выходит работа Н.И.Шишкина «История города Касимова с древнейших времен»¹¹⁸. По сути это научно-популярное переложение монографии Вельяминова-Зернова.

В 1991 году в Казани выходит книга этнографа Ф.Л.Шарифуллина «Касимовские татары»¹¹⁹. Работа представляет собой историко-этнографическое исследование материальной культуры касимовских татар. В вопросе исторического формирования (в нем, разумеется, затронута и история Касимовского ханства) автор сделала компиляцию трудов своих предшественников. Большое внимание уделено этногенезу касимовских татар. Источники, привлекавшиеся автором для работы, носят в основном этнографический характер (отдельно выделены вещественные материалы), что связано со специ-

---

¹¹⁷ Рахимзянов Б.Р. Концепции Касимовского ханства в работах российских историков XIX в. // Россия в новое время: единство и многообразие в историческом развитии: Материалы Российской межвузовской научной конференции 28–29 апреля 2000 г. — М., 2000. — С.122.

¹¹⁸ Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. — Рязань, 1891. — 206 с.

¹¹⁹ Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. — Казань, 1991. — 127 с.

фикой исследования. Из архивных материалов были использованы как документы, хранящиеся в центральных архивах (РГАДА, РГИА), так и в местных музеях — Касимовском краеведческом, Рязанском областном краеведческом.

Итак, можно отметить, что работ, специально посвященных Касимовскому ханству и касимовским татарам, немного — всего три. Две из них вышли в XIX веке и имеют в основном фактографический характер, то есть зачастую описательный. Однако в этом ракурсе (сбор фактографического материала) работа Вельяминова-Зернова носит фундаментальный характер, что подчеркивается ее внушительным объемом (четыре больших тома). Работа Шарифуллиной носит этнографический характер; она содержит материал по внутренней жизни и хозяйственной деятельности касимовских татар, что на данном этапе развития науки, когда нередко важнейшие открытия делаются на стыке разных дисциплин, является для темы исследования лучшим подспорьем.

Изыскания, затрагивающие отдельные аспекты проблематики Касимовского ханства. Данная группа также имеет свою специфику. Работы, собранные в ней, зачастую напрямую не затрагивают историю Касимовского ханства. Однако это нисколько не умаляет их значения. Специфика исследования такова, что зачастую узость источниковой основы приходится компенсировать работой с широким кругом литературы. Она большей частью входит как раз в третью группу. Здесь приходится нередко пользоваться методом аналогий (когда сходные с происходившими в Касимовском ханстве явления имели место где-то еще и это получило хорошее освещение в исследовательской литературе; либо когда процессы, происходившие в Касимовском ханстве, имели общероссийский характер и получили освещение в общих трудах по указанной проблематике). Использовать этот метод надо крайне осторожно, тщательно проработав источниковый материал и будучи хорошо осведомленным в истории России XV–XVI веков. Имеет место здесь и домысел историка (однако ни в коем случае не вымысел), гипотеза. То или иное явление, которое исследователь собирает реконструировать, рассматривается и изучается не только с помощью литературы третьей группы, но и с помощью косвенных источников. Синтез сведений, содержащихся в косвенных источниках и литературе данной группы, и приводит к воссозданию того или иного явления, процесса, факта, тенденции, относящихся к истории Касимовского ханства.

Итак, авторы третьей группы рассматривают отдельные аспекты нашей проблематики. Это Н.П. Загоскин (причины пополнения служилого сословия Русского государства в XIV–XVI вв.)¹²⁰,

---

¹²⁰ Загоскин Н.П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. — Казань, 1875. — С.126, 165.

Г.В.Перетяткович (проблема татарских царевичей на русской службе)¹²¹, А.Лаппо-Данилевский (вопрос дани и ее разновидности)¹²², С.В.Рождественский (положение татарских царевичей среди служилой аристократии, природа их земельных пожалований)¹²³, В.Панков (сравнительный анализ положения татарских царевичей и удельных князей русского происхождения)¹²⁴, Ю.В.Готье (сущность земельных владений ордынских выходцев, вопрос службы с поместий)¹²⁵, Н.И.Привалова (финансово-экономическая сторона быта Касимова)¹²⁶, И.А.Коротков (положение Касимова как составной части второй линии укрепленных городов по Оке)¹²⁷, А.В.Чернов (военная функция служилых татар)¹²⁸, Ш.Ф.Мухамедьяров (внутренняя структура татарских ханств)¹²⁹, М.А.Усманов (особенности терминологии тюркских терминов)¹³⁰, Г.А.Федоров-Давыдов (внутреннее устройство Золотой Орды)¹³¹, О.А.Шватченко (вопросы землевладения касимовских царевичей)¹³², А.А.Горский (источниковедческий анализ ярлыка Ахмада Ивану III)¹³³.

Некоторые исследователи подспудно касались и истории Касимовского ханства. Так, Р.Н.Степанов в статье «К вопросу о служилых и ясачных татарах»¹³⁴ выдвигает версию политического долголетия Касимовского ханства¹³⁵. Во-вторых, он касается круга обя-

¹²¹ Перетяткович Г.В. Поволжье в XV и XVI веках: Очерки из истории края и его колонизации. — М., 1877. — С.148–151.

¹²² Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. — СПб., 1890. — С.13–18, 45–46.

¹²³ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. — СПб., 1897. — С.215–217.

¹²⁴ Панков В. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение. — СПб., 1911. — С.114–116.

¹²⁵ Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. — Сергиев Посад, 1915. — С.38, 52–53.

¹²⁶ Привалова Н.И. Торги гор. Касимова в середине XVII в. // Исторические записки. — М., 1947. — Т.21. — С.105–133.

¹²⁷ Коротков И.А. Иван Грозный: Военная деятельность. — М., 1952. — С.72–76.

¹²⁸ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. — М., 1954. — С.94–95, 161–169.

¹²⁹ Мухамедьяров Ш.Ф. Народы Среднего Поволжья // Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV в. — начало XVII в.) / Под ред. А.Н. Насонова и др. — М., 1955. — С.660–674.

¹³⁰ Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-Наме», «Таварих-и Булгария», татарские шаджара. — Казань, 1972. — 223 с.

¹³¹ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973. — 180 с.

¹³² Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). — М., 1996. — 286 с.

¹³³ Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2000. — С.175–177.

¹³⁴ Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ КГУ. Право. История. Филология. — Казань, 1964. — С.52–70.

¹³⁵ Там же. — С.57.

занностей служилых татар, коими являлись и касимовские татары¹³⁶. В третьих, автор делает попытку объяснить причины существования прослойки служилых татар в социально-военной иерархии Московского государства¹³⁷. Все эти гипотезы были синтезированы в моем исследовании.

Д.М.Исхаков. В последнее время углубленно занимается разработкой этнической истории татарского народа казанский ученый Д.М.Исхаков. Им опубликовано немало работ по этой проблематике¹³⁸. Автор уделяет существенное внимание социальной роли сеидов в Касимовском ханстве¹³⁹. Отмечены особенности службы касимовских сеидов, данные о семейно-брачных связях социальной прослойки, права сеидов, материалы о связях касимовских сеидов с сеидами других татарских ханств.

Наиболее интересной для темы исследования мне представляется работа Д.М.Исхакова «От средневековых татар к татарам нового времени»¹⁴⁰. Одна из ее глав посвящена выяснению сложнейших проблем составляющих государственности на территории так называемой Мещеры в указанный период. Существенное место уделено населению Мещеры, этническим компонентам этой местности.

Автором выдвигаются интересные гипотезы. К примеру, это гипотеза о существовании на территории Мещеры отдельных княжеств еще до прихода дружины Касима (то есть до 1445 года), по аналогии с государственной преемственностью Волжская Булгария — Казанское ханство (ареал формирования казанских татар). Это и гипотеза о схожести административно-политического устройства Казанского, Касимовского и Крымского ханств и об управлении отдельными территориями, составляющими эти ханства («княжествами», по терминологии Д.М.Исхакова), феодальными кланами знати. Мещера понимается автором как полусамостоятельное государственное образование, существовавшее как до, так и после испомещения Касима с его людьми в Мещерском Городке. Исхаков проводит и этносоциальную стратификацию общества Мещерского юрта.

Исследование Исхакова во многом новаторское. Материалы, изложенные в его работе, оказались очень полезными и важными для собственного труда.

¹³⁶ Там же. — С.62–63.

¹³⁷ Там же. — С.63–64.

¹³⁸ Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. — Казань, 1993; Он же. Татары: Популярный очерк этнической истории и демографии // Исхаков Д.М. Татары; Закиров А. «Темные закоулки» российской истории. — Набережные Челны: КамАЗ, 1993. — С.3–50; Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. — Казань, 1997.

¹³⁹ Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. — Казань, 1997. — С.14–22.

¹⁴⁰ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. — Казань, 1998. — 276 с.

В новой работе А.Л.Хорошкевич «Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV в. — начало XVI в.» рассмотрены вопросы службы крымских выходцев на Руси, а также в целом их судьба¹⁴¹. К сожалению, для автора оказалась недоступной моя статья, опубликованная в 2000 году (видимо, в силу малого тиража издания)¹⁴². Она рассматривала практически те же сюжеты, хотя и больше в ракурсе истории Касимовского ханства, а не Крыма, что, несомненно, придало работе определенный уклон.

Целый ряд статей и монографий английских и американских коллег, не всегда касаясь непосредственно истории Касимовского ханства, помог более наглядно представить нюансы геополитической ситуации в Восточной Европе в XV–XVI веках. Это Л.Коллинс «По поводу утверждаемого «разгрома» Большой Орды в 1502 году»¹⁴³; Р.Кроски «Дипломатические формы взаимоотношений Ивана III с крымским ханом»¹⁴⁴; его же монография «Московская дипломатическая практика в правление Ивана III»¹⁴⁵; многие статьи Эдварда Л. Кинана, в частности «Политические нравы Московии»¹⁴⁶, «Московия и Казань: некоторые вводимые замечания в паттерны степной дипломатии»¹⁴⁸; Дж.Мартин «Взаимоотношения Московии с Казанским и Крымским ханствами (1460–1521 гг.)»¹⁴⁹; И. Шевченко «Завоевание Московией Казани: примирение двух взглядов»¹⁵⁰; К.Кеннеди «Отцы, сыновья и братья: связи метафорического родства между московскими великими князьями и татарской элитой»¹⁵¹.

---

¹⁴¹ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV в. — начало XVI в. — М., 2001. — 336 с.

¹⁴² Рахимзянов Б.Р. Крымская династия в Касимовском царстве // Точка зрения: Сборник научно-исследовательских статей. — Казань, 2000. — Вып.3. — С.69–88.

¹⁴³ Collins L. On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502 // *Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571* / Ed. by A. Bryer and M. Ursinus. — Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1991. — P.361–399.

¹⁴⁴ Croskey R. The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // *Slavic Review*. — 1984. — Vol.43. — № 2. — P.257–269.

¹⁴⁵ Croskey R. *Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III*. — N.Y.; L.: Garland, 1987. — VIII, 332 p.

¹⁴⁶ Keenan E. *Muscovite Political Folkways* // *Russian Review*. — 1986. — Vol.45. — № 2. — P.115–181.

¹⁴⁷ Паттерн (англ.) — образец, модель, пример, шаблон.

¹⁴⁸ Keenan E. *Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy* // *Slavic Review*. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.548–558.

¹⁴⁹ Martin J. *Muscovite Relations with the Khanates of Kazan' and the Crimea (1460s to 1521)* // *Canadian-American Slavic Studies*. — 1983. — Vol.17. — № 4. — P.435–453.

¹⁵⁰ Sevchenko I. *Muscovy's Conquest of Kazan: Two Views Reconciled* // *Slavic Review*. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.541–547.

¹⁵¹ Kennedy C. *Fathers, Sons and Brothers: Ties of Metaphorical Kinship Between the Muscovite Grand Princes and the Tatar Elite* // *Harvard Ukrainian Studies*. — 1995. — Vol.19. — P.292–301.

Таким образом, подводя итоги по всей третьей группе литературы, можно отметить, что в основной своей массе эта литература не является готовым подбором фактов, явлений, процессов и тенденций, относящихся непосредственно к Касимовскому ханству. Однако зачастую она рассматривает процессы, сходные с происходившими в нем. На основе имеющихся либо прямых, либо косвенных источников и в результате изучения третьей группы литературы автор приходил к собственным версиям, гипотезам. Эти труды служили скорее пищей к размышлению, на основании которого он и пытался внести нечто новое в историческую науку. Этим-то и ценна эта группа исследований.

Источниковое обеспечение работы состояло прежде всего в текстах русского происхождения (за некоторыми исключениями). Причиной такого положения является практически полное отсутствие документов, создававшихся непосредственно при дворе касимовских правителей¹⁵². Это способствовало приданию освещаемым событиям определенного ракурса. Единственным фундаментальным исследованием, созданным по проблематике Касимовского ханства предшественниками, является четырехтомная монография В.В.Вельяминова-Зернова, вышедшая во второй половине XIX века.

---

¹⁵² В изучаемый период (1445–1552 гг.). «Сборник летописей» Кадыр-Али бека (1602 г.) хронологически выходит за его рамки.

ГЛАВА 2

ОБРАЗОВАНИЕ И УСТРОЙСТВО ХАНСТВА

§ 1. Спорные вопросы начальной истории

Историографическая ситуация. По мнению В.В.Вельяминова-Зернова, Касимовское ханство было основано в 1452 году, когда великий князь московский Василий II пожаловал в удел Касиму, прибывшему из Орды в 1446 году к нему на службу, Городок Мещерский на Оке. Точную дату Вельяминов-Зернов (1452) выводит из следующих умозаключений. В договорной грамоте Ивана III с рязанским князем Иваном Васильевичем, датированной 9 июня 1483 года, содержится информация, позволяющая говорить о том, что уже в 1456 году Касим владел Мещерским Городком¹⁵³. До 1452 года Касим и его брат Якуб часто упоминаются летописями как участники различных военных действий на стороне Василия II; после 1452 года упоминания о Якубе прекращаются вообще, о Касиме же говорится только применительно к 1467 году. Вельяминов-Зернов делает вывод, что вследствие вышеперечисленного Городок Мещерский был пожалован Касиму именно в 1452 году, поэтому после этого события он осел в нем и стал значительно реже принимать участие в военных операциях Василия Темного. До 1452 года, считает Вельяминов-Зернов, царевичи находились на русской службе без земельного обеспечения¹⁵⁴. В целом возникновение Касимовского ханства Вельяминов-Зернов приписывает воле и желанию московского великого князя, его дальновидности.

Отмечу, что версия Вельяминова-Зернова вписывается в общую канву дореволюционной историографии, когда история рассматривалась с позиций мудрости великих князей и царей Русского государства, их дальновидности и непогрешимости. Русское государство (которое оформилось только к концу XV — началу XVI в.) предстает перед нами в своем всемогуществе и политической мощи применительно и к середине XV века. В действительности же Русь тогда еще не до конца оправилась от ордынского гнета и частых нападений наследников Золотой Орды, и ее политико-военный потенциал не только не был до конца осознан, но и вообще был для совре-

¹⁵³ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 76. — С.284.

¹⁵⁴ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.26–27.

менников середины XV в. под большим вопросом. Однако для историографии второй половины XIX века все эти вопросы не были столь существенны.

По мнению М.Г.Худякова, Касимовское ханство было образовано около 1445 года, причем его образование являлось одним из пунктов мирного договора между Улуг-Мухаммадом и Василием II, заключенного после поражения московского великого князя от сыновей татарского хана 7 июля 1445 года в битве под Суздалем. По этому договору, считает Худяков, великий князь обязался дать огромный выкуп за себя, в русские города были назначены казанские представители «для сбора налога», и в обеспечение контрибуции казанцы получили доходы с некоторых городов в виде кормлений¹⁵⁵.

Одним из таких городов был Городок Мещерский, будущий Касимов, который достался сыну Улуг-Мухаммада Касиму. На образование этого «удела» (Касимовского ханства) нельзя смотреть как на добровольную меру русского правительства, считает Худяков; напротив, оно явилось одним из главнейших результатов одержанной Улуг-Мухаммадом победы и первой попыткой ханов вступить в непосредственное управление на русской земле в качестве удельных князей.

В пользу этой трактовки вопроса Худяков приводит данные различных договорных грамот¹⁵⁶. Правда, здесь автор смешал вместе сведения разных грамот (различаются как по хронологии, так и по сути содержащегося в них исторического материала), не особо вникая в детали. Он отбирал их данные по принципу «ключевых слов», выдергивая цитаты из контекста, поэтому его метод работы с историческим источником (коим являются договорные грамоты) не является безупречным и не может похвастаться той скрупулезностью, которая отличает Вельяминова-Зернова.

В то же время тот факт, что Касим и Якуб действовали после 1445 года всегда на стороне Василия II (зачастую участвуя в военных действиях против его соперника Шемяки), Худяков использует как еще одно доказательство в пользу своей версии (правда, совершенно не ссылаясь на источники, — этим вообще грешит его работа). Нельзя не признать, что это выглядит вполне логично, — Василию II после его возвращения в 1445 году из татарского плена особенно много проблем создавало то, что «татар привел на Русскую землю»¹⁵⁷; этим были недовольны многие соотечественники Василия II, и этим так активно пользовался Дмитрий Шемяка. Вообще Василий II по источникам прослеживается как личность, благоволившая в политическом плане к ордынцам. Соответственно царевичи, которые с

¹⁵⁵ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С.27.

¹⁵⁶ Там же. — С.28.

¹⁵⁷ ПСРЛ. — Л., 1925. — Ч.1. — Т.4. — С.443.

Василием договорились о выделении им уделов на Руси, были заинтересованы в том, чтобы именно он, а не кто-либо другой (например, Шемяка, очень не любивший татар) был великим князем московским.

Худяков преувеличивает степень татарского влияния на Русь после 1445 года — по его мнению, восстановление в 1447 году Василия Темного на великокняжеском престоле произошло только благодаря выступлению Касима и Якуба с их дружиной в поддержку Василия. Вообще автор не вникает в тонкости феодальной войны второй четверти XV века, по его мнению, она сводится к борьбе поддерживавших Василия II татар со всеми несогласными с этой политикой.

Главным минусом версии возникновения Касимовского ханства у Худякова является сам «мирный договор 1445 года» между Улуг-Мухаммадом и Василием II. (Мы не имеем этого документа в юридически оформленном виде.)

При всех недостатках версия Худякова являлась новым взглядом на старую проблему.

Версию М.Г.Худякова в 1960 году попытался развить М.Г.Сафаргалиев. Он связывает создание ханства с «выходами» с Городца, которые упомянуты в договорной грамоте 1445 года. «Выходы», по его мнению, установлены именно этим договором, а само Касимовское ханство обязано своим возникновением не инициативе великого князя московского для борьбы с Казанским ханством, а «именно инициативе казанских ханов, использовавших благоприятно сложившуюся для них конъюнктуру»¹⁵⁸.

Однако в этих размышлениях есть ряд слабых звеньев. Сама договорная грамота, о которой идет речь, датируется в настоящее время не 1445 годом, а 15 декабря 1448 — 22 июля 1449 гг. В ней говорится: «А з Городца, с твоее вотчины, чем ты есмь пожаловал, имати ми у тебе во царев выход по описи по людям»¹⁵⁹.

Скорее всего здесь речь идет не о Городце Мещерском (будущем Касимове), а о Городце, который находился на Волге (это совершенно другой город). Соответственно в данном случае говорится об обычном «выходе» в одно (либо не в одно, а сразу в несколько) из государств-наследников Золотой Орды, который должен был платиться городецким князем. Наиболее вероятно, что это была Большая Орда, но этим наследником могло быть также и Казанское ханство. К тому же, применительно к середине XV века, ни Касим, ни Якуб никак не могли называться «царями», так как они были султанами (царевичами). Таким образом, данная договорная грамота к Городцу Мещерскому не имеет никакого отношения, и ссылка на нее абсолютно несо-

---

¹⁵⁸ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С.256–257.

¹⁵⁹ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 52. — С.157.

стоятельна. Автор, специально не занимавшийся Касимовским ханством, не разобрался в нюансах географии. Версии М.Г.Худякова и М.Г.Сафаргалиева в последнее время придерживается В.В.Трепавлов¹⁶⁰.

В 1991 году вышла монография А.А.Зимины, посвященная феодальной войне в России во второй четверти XV века, — «Витязь на распутье». Версия возникновения Касимовского ханства Зимина такова. Касим, прибывший служить Василию II в 1446 году, видимо, вскоре после прибытия получил во владение Звенигород. Так как, по данным договорных грамот, около 1454–1455 гг. Звенигород был передан князю Василию Ярославичу, очевидно, вскоре после этого Касим получил Мещерский Городок, когда и было создано Касимовское ханство¹⁶¹. Оно должно было, по мнению Зимина, стать щитом в обороне Руси как от Казани, так и от Орды Кучук-Мухаммада. Таким образом, инициатива в создании ханства отдается все же великому князю московскому Василию II Темному. Как видим, точка зрения Зимина является разработанной и дополненной версией Вельяминова-Зернова. Точки зрения Зимина придерживается А.А.Горский¹⁶².

Чтобы разобраться, кто из ученых ближе всего находится к исторической реальности, перейдем к конкретно-исторической части нашего исследования.

Ситуация в Восточной Европе во второй четверти XV в. Москва и Рязань. Международная обстановка в Восточной Европе в 30 — 50-х годах XV века имела следующие особенности. Золотая Орда, некогда чрезвычайно сильное и могущественное государство, доживает в своем прежнем статусе последние годы, постепенно распадаясь на ряд самостоятельных государств. После ухода беклярибека Идигея (являлся фактическим правителем в Орде с 1396 по 1410 гг.) Золотая Орда уже не могла играть прежней значительной роли в Восточной Европе и Азии. После 1410 года правильнее употреблять термин «Большая Орда», которая явилась основным в династическо-территориальном плане наследником Золотой Орды (до 1502 г.). На территории Джучиева Улуса, которой являлась и территория Среднего Поволжья, центробежные тенденции проявились особенно явственно. Здесь в 30–40-е гг. XV в. образовывается один из «осколков» Золотой Орды — Казанское ханство.

Обратим внимание на территорию русских земель. Применительно к середине XV века говорить о Русском государстве нельзя, этот

---

¹⁶⁰ Трепавлов В.В. Статус «белого царя»: Москва и татарские ханства в XV–XVI веках // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. — М., 1993. — Ч.1. — С.304; Он же. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. — № 2. — С.55.

¹⁶¹ Зимин А.А. Витязь на распутье. — М., 1991. — С.171.

¹⁶² Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2000. — С.148–149.

термин относительно этого периода не более чем абстракция. Русского государства не существовало ни юридически, ни фактически. На территории будущего (!) Русского государства находились следующие независимые княжества: Московское, Ярославское, Ростовское, Рязанское, Тверское; Псковская и Новгородская земли также сохраняли независимость. Усилившееся Московское княжество претендовало на господство над остальными северо-восточными русскими землями, однако процесс вовлечения их в орбиту московской политики еще не был завершен.

Учитывая специфику темы, заострим наше внимание на отношениях Москвы и Рязанского княжества. Великий князь рязанский Иван Федорович (правил в Рязани в 1427–1456 гг.) в начале своего правления ориентировался не на Москву, а на Литву в лице Витовта (Витаутас, Витольд). По договору с ним рязанский князь признает над собой покровительство Витовта и обещает только в том случае помогать Москве, если этого захочет Витовт¹⁶³. Однако ситуация изменилась после смерти Витовта в 1430 г. Рязань стала прочно ориентироваться на Москву, признавая ее старшинство. Во время борьбы Василия II и Юрия Дмитриевича рязанский князь колебался между тем и другим¹⁶⁴; в 1447 году Иван Федорович заключил договор с Василием II, по которому Темный обещает ему защиту от Литвы¹⁶⁵. Зависимость Рязани от Москвы видна из договора Василия II с Казимиром¹⁶⁶.

Причем отмечу следующее. Мещерский Городок и прилегающая к нему территория (будущее Касимовское ханство) располагались в той части Рязанского княжества, которая носила название «Мещерские места», «Мещера». Ее статус в договорных грамотах оговаривался особо: «...А что Мещерскаа места, что будет поупил князь велики, дед твой, Олег Иванович [великий князь рязанский в 1350–1402 гг. — *Б.Р.*], или отец твой, князь Велики Федор Олгович [великий князь рязанский в 1402–1427 гг. — *Б.Р.*], или вы [великий князь рязанский Иван Федорович, 1427–1456 гг. — *Б.Р.*], или ваши бояре, и в та места тебе, великому князю Ивану, не вступатися, ни твоим бояром, знати ти свое серебро и твоим бояром. А земля к Мещере по давному. А порубежье Мещерским землям, как было при великом князи Иване Яровлавиче, и при князе Александре Уковиче»¹⁶⁷.

Как видим, несмотря на то, что «Мещерские места» в свое время были приобретены рязанскими князьями, к моменту договора (1447 г.) эти места являлись собственностью московского великого князя, и

¹⁶³ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 25. — С.67–68.

¹⁶⁴ См. его договор с Юрием Дмитриевичем: ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 33. — С.83–87.

¹⁶⁵ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 47. — С.142–145.

¹⁶⁶ Там же. — № 53. — С.160–163.

¹⁶⁷ Там же. — № 47. — С.144.

рязанскому великому князю и его боярам запрещено было «вступаться» туда. Поэтому если «князи мещерские [предводители местных племен — мещеры и мордвы. — *Б.Р.*] не учнут мне, великому князю [Василию II. — *Б.Р.*] правити, и тебе [рязанскому великому князю Ивану Федоровичу. — *Б.Р.*] их не приимати, ни в вотчине своей их не держати, ни твоим бояром, а добывати ти их мне без хитрости по тому целованью»¹⁶⁸.

Таким образом, «Мещерские места» являлись собственностью Москвы. Об этом говорит и договорная грамота Василия II с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV (1449 г.)¹⁶⁹, а также договорная грамота Ивана III с великим князем литовским Александром Казимировичем¹⁷⁰. Подтверждают это и более ранние документы¹⁷¹, самый первый из которых относился к 1382 г.¹⁷². Итак, Мещера была собственностью Москвы никак не позднее 1382 года.

В 1456 году Иван Федорович скончался, завещав Василию II попечительство над своим восьмилетним сыном Василием Ивановичем. Ребенок остался в Москве, где и воспитывался, а в городах и волостях Рязанского княжества сидели московские наместники.

В 1464 году Василий Иванович отправился на княжение в Рязань, женившись на сестре Ивана III Анне, которая стала проводником московской политики в Рязани. Таким образом, уже в 40–50-х годах XV века (а тем более позже) Рязань была прочно привязана к колеснице московской политики.

Итак, можно отметить, что к середине 40-х годов XV века Золотая Орда была уже ослаблена центробежными тенденциями, но еще осознавалась в понимании современников (как ордынцев, так и русских людей) как единое целое (хотя фактически таковой уже не являлась). Московское княжество, ввергнутое в кровопролитную феодальную войну, было еще недостаточно сильно, чтобы задумываться о будущем своей внешней политики и международного положения. Казанское ханство как независимое политическое образование еще не оформилось, но уже заявило о себе как об агрессивном и сильном соседе русских земель, зачастую использовавшем благоприятно складывающуюся для него конъюнктуру в своих целях.

Образование Казанского ханства. В 1437 г. в Золотой Орде произошел очередной переворот: Улуг-Мухаммад был лишен престола Кучук-Мухаммадом. Одновременно в западной части Орды (к западу от Днепра) хозяином стал хан Сеид-Ахмад¹⁷³.

¹⁶⁸ ДДГ. — № 47. — С. 144.

¹⁶⁹ Там же. — № 53. — С. 162.

¹⁷⁰ Там же. — № 83. — С. 330.

¹⁷¹ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 16. — С. 44; № 19. — С. 54; № 33. — С. 85.

¹⁷² ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 10. — С. 29.

¹⁷³ Барбаро и Контарини о России. — М., 1971. — С. 117–118, 126, 140–141, 150; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 242–244, 258–260.

На образовании Казанского ханства остановимся чуть подробнее, так как это имеет принципиальное значение для темы. Я склонен поддержать точку зрения М.Г.Худякова, что ханство фактически было образовано в 1437–1438 гг. Улуг-Мухаммадом¹⁷⁴. Вельяминов-Зернов считает годом возникновения ханства 1445 и первым ханом, соответственно, сына Улуг-Мухаммада Махмуда¹⁷⁵. При этом он опирается на данные Воскресенской летописи, которая сообщает, что осенью 1445 г. Махмуд, взяв Казань, убил князя Либея (Алим-Бека)¹⁷⁶. Никоновская летопись добавляет к этому: «И оттоле нача царство быти Казаньское»¹⁷⁷. «По Государеву родословцу» также «Момотьякъ ... первый царь на Казани»¹⁷⁸. Однако, как правильно отмечает А.А.Зимин, все эти тексты позднего происхождения (не ранее XVI в.) и противоречат другим источникам, сообщающим, что первым казанским ханом был Улуг-Мухаммад¹⁷⁹.

В пользу версии занятия Улуг-Мухаммадом в районе 1437–1438 гг. именно Казани, а не какого-либо из русских городов (Белева, Нижнего Новгорода, Муром, как полагают некоторые современные исследователи) говорит вся внутренняя логика распада Золотой Орды. В данном случае непродуктивно слепо следовать вслед за русскими летописцами, фиксировавшими события 30–50-х гг. XV в. крайне тенденциозно и зачастую просто путано. Русские земли являлись частью Золотой Орды, но на особых условиях. Они были «государством в государстве». Этого нельзя сказать о территории бывшей Волжской Болгарии, где монгольские завоеватели правили после событий 1236 г. сами, без помощи местных династий, как в случае с Северо-Восточной Русью. Поэтому ханы-изгои, лишившиеся сарайского престола, оседали на периферии Улуг Улуса, где местные домонгольские династии давно были ликвидированы. Примеров тому множество — Хаджи-Гирей осел в Крыму, Махмуд, потерпевший неудачу в борьбе со своим братом Ахмадом, занял Астрахань.

Вторгаться с целью постоянного оседания на территорию Руси, где была достаточно сильна собственная система управления, да и военная организация, и к тому же население которой исповедовало христианство, а не ислам, было и нелогично, и слишком сложно, и попросту опасно. Вообще, по всей видимости, образование Казанского ханства было достаточно длительным процессом, начавшимся со времени изгнания Улуг-Мухаммада из Сарая в 1437 г. и закончившимся в 1445 г.

¹⁷⁴ Худяков М.Г. Очерки... — С.22–32.

¹⁷⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.5–7.

¹⁷⁶ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.114.

¹⁷⁷ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.251.

¹⁷⁸ Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... — М., 1787. — Ч.1. — С.26.

¹⁷⁹ Зимин А.А. Витязь на распутье. — М., 1991. — С.105.

Утвердившись в Казани, Улуг-Мухаммад намеревался, как и в 20-е гг., бороться за возвращение себе общеордынского (сарайского) престола. Он начал свои походы на русские земли уже с 1439 года, когда был предпринят первый поход. Целью которых, по всей видимости, было восстановление прежних отношений «сюзерен-вассал» между царем — Улуг-Мухаммадом и его вассалом, получившим ярлык из его рук, — Василием II (в том числе и выплата «выхода»). Особенно он активизировал свои действия к середине 40-х годов XV века¹⁸⁰.

Зимой 1444 года Улуг-Мухаммад не только вошел в «старый» Нижний Новгород, но и взял Муром, затем «седе в Муроме»¹⁸¹. Василий II, будучи в это время московским великим князем, решил выйти из повиновения сюзерену, которому был обязан ярлыком, и выдворить хана за пределы Московского великого княжества. Его поход против Улуг-Мухаммада закончился успешно, и 26 марта 1445 года Василий II вернулся в Москву¹⁸².

Суздальская битва 1445 г. Весной 1445 года внешнеполитическая ситуация на востоке осложняется — Улуг-Мухаммад посылает на Русь своих сыновей Махмуда и Якуба¹⁸³.

6 июля 1445 г. русские войска вышли к реке Калинке и остановились у Спасо-Евфимиева монастыря, в непосредственной близости от Суздаля¹⁸⁴.

Как отмечают многие летописи, вечером этого дня у великого князя была продолжительная пирушка. По всей видимости, физическое состояние войска и великого князя на следующий день 7 июля оставляло желать лучшего. В битве с сыновьями Улуг-Мухаммада русское войско было полностью разгромлено, а сам Василий II, его двоюродный брат князь Михаил Андреевич Верейский и множество других князей, бояр и детей боярских попало в татарский плен¹⁸⁵. Все они были отведены в Нижний Новгород к Улуг-Мухаммаду.

В Москве, после того как было получено известие о пленении Василия II, великокняжеская власть перешла к его сопернику Дмитрию Юрьевичу Шемяке. Он стал на Руси старшим в роду Калиты и до тех пор, пока Василий II находился в плену, обладал великокня-

¹⁸⁰ ПСРЛ. — СПб., 1901. — Т.12. — С.62.

¹⁸¹ Там же. — Т.23. — С.151; М.; Л., 1959. — Т.26. — С.196–197; СПб., 1901. — Т.12. — С.64.

¹⁸² ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.197; Л., 1925. — Т.4. — Ч.1. — С.454.

¹⁸³ ПСРЛ. — М.; Л., 1949. — Т.25. — С.395; СПб., 1910. — Т.23. — С.151; М.; Л., 1963. — Т.28. — С.103; М.; Л., 1962. — Т.27. — С.109; М.; Л., 1959. — Т.26. — С.197.

¹⁸⁴ Об этом свидетельствует то, что 6 июля 1445 г. Василий II выдал жалованную грамоту Спасо-Евфимиеву монастырю (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. — М., 1958. — № 447. — С.488).

¹⁸⁵ ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т.15. — Стб.492; М., 1965. — Т.30. — С.134; Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — С.426.

жеским престолом согласно традиционным представлениям о порядке наследования.

Василий II находился в плену достаточно длительное время — с 7 июля по 1 октября 1445 года¹⁸⁶. По всей видимости, в это время у Василия установились неплохие отношения с младшими сыновьями Улуг-Мухаммада — Касимом и Якубом, так как в дальнейшем, в 1446 году, татары из войска этих султанов говорили, что «много бо добра его было до нас»¹⁸⁷. Султан же Махмуд (по косвенным данным, имеющимся в летописях, можно сделать вывод о том, что он являлся старшим сыном Улуг-Мухаммада — например, он всегда упоминается первым после Улуг-Мухаммада, постоянно присутствует рядом с отцом и принимает вместе с ним решения; сказать же это о Касиме и Якубе нельзя; к тому же Махмуда прямо называет старшим сыном «Казанский летописец»¹⁸⁸), напротив, выступает в летописях как непримиримый противник русских; будучи вторым казанским ханом, он проводил по отношению к Руси жесткую политику.

После недоразумения с послом Бегичем (наиболее дорого оно стоило ему самому — он поплатился жизнью) Улуг-Мухаммад отпустил Василия II и других пленников в Москву¹⁸⁹. При этом, по материалам русских летописей, Улуг-Мухаммад обязал Василия II выплатить ему большой выкуп, в оценке размеров которого летописцы расходятся. Выкуп являлся, по всей видимости, своеобразной компенсацией за неповиновение ему как сюзерену. Кроме того, Василий II возвращался в сопровождении значительного татарского отряда.

Московские летописцы 70-х годов XV в. тактично умалчивали о размерах выкупа Василия Васильевича и татарах, писали только, что великий князь отпущен был с ордынцами с обещанием дать им «окуп... сколько может»¹⁹⁰. При этом, по новгородским данным, выкуп составлял 200 000 руб., «а иное Бог весть да они»¹⁹¹. Псковские летописи сообщают, что Василий II только пообещал татарам 25 000 руб. (соответственно, мог ничего им и не дать), хотя также отмечают, что он привел с собой 500 татар¹⁹². Тверской летописец записал, что с Василием II пришли «татарове дани имати великие, с себе окуп давати татаром»¹⁹³.

---

¹⁸⁶ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.199; СПб., 1910. — Т.23. — С.151 — 152.

¹⁸⁷ ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т.6. — С.177; СПб., 1859. — Т.8. — С.120; М.; Л., 1959. — Т.26. — С.206.

¹⁸⁸ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т.19. — С.20.

¹⁸⁹ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.199; СПб., 1910. — Т.23. — С.151–152.

¹⁹⁰ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.199.

¹⁹¹ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — С.426.

¹⁹² Псковские летописи. — М.; Л., 1941. — Вып.1. — С.47.

¹⁹³ ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т.15. — Стб.492.

Таким образом, можно отметить, что выкуп за освобождение Василия II и прибытие с ним на Русь татар фиксируют практически все доступные исследователю русского средневековья источники. Трудно допустить мысль, что почти все русские летописи сообщают о том, чего на самом деле не было.

«Мирный договор 1445 г.». Худяков считал, что при отпуске Василия II из плена Улуг-Мухаммад составил с ним мирный договор (условия освобождения великого князя). Однако он (да и другие исследователи) недоумевал по поводу юридической неоформленности в письменном виде этого большого по значению «межгосударственного» акта.

На самом деле здесь нет ничего странного. Ларчик открывается довольно просто, если рассматривать ситуацию, имея в виду особенности международных правовых норм той эпохи, когда ордынские ханы были общепризнанными сюзеренами, а московские великие князья являлись их беспорными вассалами. Василий II при вступлении на великокняжеский престол (в 1432 г.) получил из рук хана («царя») Улуг-Мухаммада ярлык на правление в Москве.

После изгнания Улуг-Мухаммада из Сарая и Крыма Василий решил показать покорность своему новому сарайскому сюзерену. Однако, потерпев в 1445 г. сокрушительное поражение от войск Улуг-Мухаммада, оказавшись в плену, надо полагать, покаялся и признал законность, а может быть, даже «незыблемость» своей вассальной зависимости от Улуг-Мухаммада. Поэтому юридически не было никакой надобности создавать подобный договор. Никакой новый «межгосударственный» акт не требовался, происходило лишь подтверждение прежних порядков. Ярлык Улуг-Мухаммада, выданный им Василию II на великое княжение, сохранил свою силу.

Таким образом, для Василия II Улуг-Мухаммад был, и оставался в 1445 г., как и прежде, ордынским ханом, а не только казанским правителем.

Казань в то время для Василия II не являлась центром самостоятельного государства, а продолжала оставаться частью Золотой Орды. Такое положение было выгодно как для Василия II при его длительной борьбе за власть с Дмитрием Шемякой, так и для Улуг-Мухаммада, считавшего себя законным правителем всей Золотой Орды и мечтавшего, согласно элементарной логике, возвратить утраченные владения. Иначе говоря, признание Казани центром суверенного государства, а Улуг-Мухаммада — главою этого нового ханства автоматически сделало бы великое княжение Василия II нелегитимным. Вот почему московские политики и отражающие их взгляды и устремления русские летописцы вели себя по отношению к фактическому основателю казанской династии, то есть ханства, очень корректно, не изображая его правителем лишь небольшой части великой империи. Поэтому-то договора 1445 г. и не было, а была лишь, по всей видимости, устная договоренность (возможно, в форме при-

каза, как и обещались всегда ордынские «цари» с нижестоящими русскими князьями) о передаче некоторых русских городов «в кормление» татарам и о выкупе за отпуск великого князя.

Вопрос относительно загадочного «отсутствия» письменного договора 1445 г., следовательно, надо решать не в плане локальных проблем, в частности проблем взаимоотношений Москвы с Касимом, даже с Казанью. На него получаем полноценный ответ лишь при рассмотрении его в контексте более крупных явлений, а именно ордынско-русских взаимоотношений в целом.

Выделение Мещеры в управление Касиму. Я считаю, что одним из пунктов этой устной договоренности между Улуг-Мухаммадом и Василием была раздача русских городов «в кормление» татарам. Об этом говорят и более поздние данные: после «поимания» Василия II Шемякой в феврале 1446 года и его ослепления ему вменялось в вину то, что он привел на Русь татар (сведения эти содержат новгородские летописи, не заинтересованные в приукрашивании московского великого князя и московской политики вообще): «Чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им, и волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, и злато и серебро и имение даешь татаром»¹⁹⁴.

В упреке о раздаче татарам городов и волостей в кормление речь скорее всего шла о татарских султанах (царевичах).

На мой взгляд, одним из этих султанов был Касим — средний сын Улуг-Мухаммада. Ему достался в своеобразный «удел» Мещерский Городок на Оке (территория Рязанского княжества), основанный еще в 1152 году¹⁹⁵. В дальнейшем за этим городом закрепилось название имени его первого владельца.

Таким образом, первоначальное выделение Касиму Городца (так тоже назывался «Городец Мещерский», в будущем город Касимов) не являлось добровольной мерой московского руководства. Ни о каких далеко идущих планах оно в 40–50-х гг. XV в. не думало. В мыслях Василия II были не стратегические планы по завоеванию Казанского ханства, а желание откупиться от Улуг-Мухаммада.

Данные договорных грамот. В пользу данной версии образования Касимовского ханства на политической карте Восточной Европы говорят и материалы более позднего источника — договорных грамот. Одной из наиболее важных является договорная грамота Ивана III с рязанским великим князем Иваном Васильевичем (датованная 9 июня 1483 года).

¹⁹⁴ ПСРЛ. — Л., 1925. — Ч.1. — Т.4. — С.443.

¹⁹⁵ Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. — Рязань, 1891. — С.2–3.

Рассмотрим вначале интересующую нас часть текста грамоты, а затем детально проанализируем ее: «...А со царевичем с Данияром¹⁹⁶, или кто будет иныи царевич на том месте, не канчивати ти с ними, ни съсылатися на наше лихо. А жити ти с ними по нашему докончанью. А что шло царевичю Касыму и сыну его Данияру царевичю с вашии земли при твоём деде, при великом князи Иване Федоровиче, и при твоём отце, при великом князи Василье Ивановиче, и что царевичевым князем шло, и их казначеем, и дарагам¹⁹⁷, а то тебе давати с своею землю царевичю Данияру, или кто иной царевич будет на том месте, и их князем, и княжим казначеем, и дарагам по тем запишем, как отец мои, князь велики Василей Васильевич, за твоего отца, за великого князя Василья Ивановича, кончал со царевичевыми с Касимовыми князми, с Кобяком са Аидаровым сыном да с — Ысаком с Ахматовым сыномъ»¹⁹⁸.

Приступим к анализу. Как видим, традиция установления особых отношений с касимовскими татарами возводится к временам рязанского великого князя Ивана Федоровича, умершего в 1456 году. Следовательно, к 1456 году Касимовское ханство уже точно существовало. Рязанский великий князь Иван Васильевич обязывался платить то, что «шло царевичю Касыму...при великом князи Иване Федоровиче... и что царевичевым князем шло, и их казначеем и дарагам».

В начале текста говорится: «...А со царевичем с Данияром, или кто будет иныи царевич на том месте, не канчивати ти с ними, ни съсылатися на наше лихо».

Все, что говорится применительно к Данияру, сыну Касима, может быть отнесено и к нему самому. Запрет на установление контактов («ни съсылатися») и заключение договоров («не канчивати») с Касимом ясно говорит о том, что московское правительство видело в Касиме какую-то силу, раз не разрешало своему вассалу — рязанскому князю «съсылатися» с ним. В отношении Касима явно чувствуются опасения со стороны Москвы, недоверие и крайняя осторожность. Вряд ли такое отношение могло быть к царевичу, которому Василий II, исходя из своей воли, пожаловал город на русской земле. Такой опасный жилец на Руси мог появиться только в силу невыгодных для Москвы обстоятельств, когда выбора у московского правительства просто не было (такая ситуация и наблюдалась в 1445 году, при отпуске Василия II из татарского плена).

Далее в грамоте говорится: «...А что шло царевичю Касыму и сыну его Данияру царевичю с вашии [рязанской. — Б.Р.] земли при

¹⁹⁶ Данияр — сын Касима; второй правитель Касимовского ханства (1469–1486).

¹⁹⁷ Дараги (даруги) — во внутренней иерархии государств-наследников Золотой Орды сборщики дани для своих правителей.

¹⁹⁸ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 76. — С.284.

твоим деде, при великом князе Иване Федоровиче, и при твоим отце, при великом князе Василье Ивановиче...». Как видим, в тексте грамоты говорится о каких-то денежных выплатах Касиму рязанской стороной, причем договаривался о порядке этих выплат московский великий князь Василий II, а не рязанский великий князь Василий Иванович (Василий II договаривался «за великого князя Василия Ивановича», то есть вместо него). Из данной договорной грамоты неясен характер этих выплат; однако этот вопрос проясняют другие договорные и некоторые духовные грамоты.

В завещании вологодского удельного князя Андрея Васильевича (духовная грамота, датированная не позднее марта 1481 года), говорится: «...Дати ми своему господину, своему брату старейшему, великому князю Ивану Васильевичю, тритцать тысяч рублей, что за меня в Орды давал, и в Казань, и в Городок царевичю, и что есми у него собе имал»¹⁹⁹.

Из текста становится ясно, что Иван III платил какое-то время «выход» Касимову вместо Андрея Васильевича, и последний отдает ему долг. Итак, «выход» в Касимов платился, вне всякого сомнения.

В договорной грамоте великого князя Василия Ивановича (будущий Василий III) с князем Юрием Ивановичем (16 июня 1504 года) читаем: «...А Орды ведати и знати мне, великому князю. А тебе Орд не знати. А в выходы ти в ордынские, и в Крым, и в Асторохонь, и в Казань, и во Царевичев городок [так тоже в XV–XVI вв. назывался Касимов. — Б.Р.], и в ыные цари и во царевичи, которые будут у меня в земле, или у моего сына, у великого князя, и во все татарские проторы давати ти мне и моему сыну, великому князю, со всеи своеи отчины по тому, как отец наш, князь велики, в своеи духовной грамоте написал. А коли мы в выходы в ординские и в татарские проторы не дадим, и нам и у тебя не взяти»²⁰⁰.

Из документа становится ясно, что за выплаты производились Касиму и следующим за ним касимовским владельцам, — это был «выход», то есть дань, которая платилась Касимову со стороны как Московского княжества, так и Рязанского. Дань Касимову платилась наравне с данью Крыму, Астрахани, Казани, как раньше платила Русь ненавистную дань Золотой Орде. В данном случае отношение Москвы к касимовскому царевичу может быть сравнимо с отношением Москвы к наследникам Золотой Орды, так как любые сношения с ними также особо оговаривались и московские правители зорко следили за тем, чтобы вассальные им князья не имели контактов с этими государствами.

Вне всяких оговорок, дань не может платиться слуге, каковыми часто историки представляют касимовских ханов и султанов. Ко-

¹⁹⁹ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 74. — С.275.

²⁰⁰ Там же. — № 90. — С.367.

нечно, относительно 1504 года можно сказать, что касимовские правители уже являлись «слугами» московского великого князя в полной мере; однако дань им платилась по-прежнему, видимо, в силу устоявшейся традиции. А эта традиция восходит к 1445 году, когда выделение Касиму Мещерского городка и выплата ему дани легли тяжелым бременем на Василия II, и Касим был далеко не слугой Василия, а, напротив, сыном могущественного Улуг-Мухаммада, который направил своего сына в формирующееся Русское государство для укрепления своего международного влияния и получения от Москвы огромных денежных средств за «отпуск» великого князя из плена.

Таким образом, из текста данной грамоты Касимовское ханство выступает как еще один наследник Золотой Орды, в совокупности с Большой Ордой, Крымским, Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами.

Юрий Иванович, со своей стороны, подтвердил свои обязательства по выплате дани Касимову²⁰¹.

В завещании Ивана III (духовная грамота, датированная ранее 16 июня 1504 года) мы находим подтверждение информации предыдущего источника о выплате дани Касимову²⁰². Еще одно подтверждение содержится в договорной грамоте Василия III с дмитровским князем Юрием Ивановичем (датирована 24 августа 1531 года)²⁰³, а также в договоре между Владимиром Андреевичем Старицким и царем Иваном IV (датирована 12 марта 1553 года)²⁰⁴. Таким образом, дань Касимову платилась всю первую половину XVI века! Такова была сила традиции.

По поводу денег, шедших Касиму, Вельяминов-Зернов с удивлением замечает: «Оказывается, что в Царевичев Городок (Касимов), в пользу управляющего им царевича, действительно шел от великого князя Московского «выход», и что выход этот принимали в расчет при распределении между великим князем и удельными князьями денег, следовавших на «татарские проторы [расходы, издержки. — Б.Р.]»²⁰⁵. Однако должных выводов из этого автор не сделал.

Относительно выплаты дани замечу следующее. Видимо, требования Улуг-Мухаммада после суздальской победы не ограничивались получением большого «окупа» за возвращение свободы великому князю, а касались более постоянных даннических обязательств — исправного платежа «выхода»²⁰⁶. Факт систематического сбора дани

²⁰¹ ДДГ. — № 90. — С.369.

²⁰² Там же. — № 89. — С.362.

²⁰³ Там же. — № 101. — С.417, 419.

²⁰⁴ СГД. — М., 1813. — Ч.1. — № 167. — С.461.

²⁰⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.155.

²⁰⁶ Базилевич К.В. Внешняя политика... — М., 1952. — С.55.

с земель великого княжества для отсылки в Орду не подлежит сомнению; вопрос о платеже «выхода» включался во все договорные грамоты великого князя с удельными князьями этого времени, как мы видели выше. Труднее установить, в какую Орду вносился этот «выход». Как видим, в некоторых грамотах в числе тех, кто являлся получателем дани, наряду с Казанским, Крымским, Астраханским ханствами и Большой Ордой названо и Касимовское ханство.

Следовательно, в начале своего пребывания в русских землях, с 1445 года, Касим не мог быть пешкой в руках московского великого князя и получил Мещерский Городок по невыгодным для Москвы условиям устной договоренности 1445 года между Улуг-Мухаммадом и Василием II. Однако в дальнейшем, по мере прогрессирующего усиления Московского княжества и образования единого Русского государства и укрепления его международного положения, статус Касима и других следовавших за ним правителей Касимова изменился.

Причины неликвидации Касимовского ханства. Изменение это не было внешним — владельцы, стоявшие во главе Касимовского ханства после Касима, все так же получали «выход», официально являлись царями и царевичами в ханстве. Это изменение было в том, что зависимость формирующегося Русского государства от Казанского ханства, обусловленная ситуацией 1445 года, с усилением Русского государства прекратилась, теперь не могло быть и речи о какой-либо зависимости и от касимовских ханов и султанов как своеобразных «кормленщиков», помещенных в Русь по условиям 1445 года.

Однако московское правительство не упразднило Касимовское ханство. Этот шаг являлся крайне дальновидным и политически продуманным. Причины, по которым московский великий князь счел дальнейшее существование Касимовского ханства на территории русского княжества возможным, мне представляются следующим образом.

Во-первых, это использование касимовских правителей как претендентов на казанский престол. Руководитель Русского государства, имея в своем распоряжении султана, который являлся родственником казанского хана, мог воспользоваться им как марионеткой на казанском ханском престоле, юридически не неся за его действия никакой ответственности. Если бы царевич оказался на престоле в Казани (а на это у Касима были династические основания), тогда великий князь с его помощью мог бы проводить промосковскую политику в Казанском ханстве.

Решение любых вопросов с Казанью было бы значительно облегчено, будь там ханом бывший касимовский владелец. К тому же с помощью Касима (как уже говорилось, у него были династические основания для претензий на казанский престол) можно было бы поддерживать различные распри и беспорядки внутри Казанского ханства, ослабляя его изнутри, так как там, как и во всех татарских государствах, права на престол не были строго определены.

Во-вторых, географическое положение Касимова было также очень выгодно для московской политики. Касимовское ханство в этом отношении было как бы «буферным государством» между Москвой и Казанью. При наступлении казанских войск на Москву первый удар приходился на Касимов, касимовские татары давали отпор казанцам. Рязанская земля, занимавшая среднее течение реки Оки, была защищена с востока и с юга полосой лесов и больших рек²⁰⁷. На востоке эти леса уходили далеко к Волге. Притоки Дона были препятствием для нападения на Рязанскую землю с юга и с запада. Еще недоступней для татар была Мещера, расположенная к северу от Оки. Там стояли сплошной стеной большие непроходимые леса. Поэтому на «казанской Украине» и на Волге сторожевую службу и «поручили» касимовским татарам («городецким казакам»), то есть отрядам касимовских султанов, стоявших в Городец (Касимове)²⁰⁸. «Городецкие казаки» не только охраняли границу и перехватывали посольства из Казани в Крым и обратно, но и сами предпринимали нападения на татарские «улусы».

Третьей причиной можно назвать нежелание московского правительства напрямую управлять «инородческим» населением (мордва, мещера, которые еще были язычниками), которое жило на Мещерской земле; для этих целей и использовался касимовский правитель. Американская исследовательница А. Рорлих придает факту мультиэтничности населения Касимовского ханства большое значение, отмечая: «...из таких городов, как Серпухов, Звенигород, Кашира, Юрьев, Суражик, только Касимов стал центром ханства, так как его население, в отличие от населения других подобных территорий, было нерусским: татары и финно-угры поселились здесь задолго до того, как он стал дарственным владением татарских князей»²⁰⁹.

Наконец, Москва стала основным политическим наследником Золотой Орды, чары, образ, пример которой был тем своеобразным маяком, к которому стремилась Москва. Русские князья воссоздавали ту систему, структуру, модель Золотоордынского государства, на роль которой претендовала Московская Русь. В Золотой Орде тюркоязычное население было объединено на одних условиях, а русские земли имели особый статус. Они были частью Орды, но государством в государстве. Такую же участь Василий II и Иван III уготовили и Касимовскому ханству, да и не только ему. К тому же стратификация дворянства в Русском государстве определилась в последней трети XV века, принцип же территориально-уездной корпорации «работал», и менять что-либо в социальном, материальном, орга-

²⁰⁷ Каргалов В.В. На степной границе. — М., 1974. — С.37.

²⁰⁸ Там же. — С.75.

²⁰⁹ Rorlich A. The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. Stanford: Hoover Institution Press, 1986. — P.25.

низационном устройстве дворянства из-за постоянных войн было просто некогда.

Отметим, что к 1480 году Москва окончательно осознала все плюсы нахождения у себя на службе представителей золотоордынских династий как удобных пешек в своей гибкой политической игре. Об этом свидетельствует грамота Ивана III крымскому хану Менгли-Гирею, где русский государь предлагает в случае каких-либо неприятностей на родине хана убежище в Московском государстве²¹⁰.

Природа владельческих прав касимовских правителей. Рассматривая историю возникновения Касимовского ханства, нельзя не коснуться данного вопроса. По этой проблеме имеются различные точки зрения. В.В.Вельяминов-Зернов называет владения касимовских царей и царевичей уделом²¹¹. Недостаточно различая тонкости официальной терминологии XVI в., Вельяминов-Зернов тут же смешивает понятия удела и кормления²¹².

По этому поводу П.П.Смирнов, автор работы «Города Московского государства в первой половине XVII века», правильно замечает, что формулировка «в удел или в кормление» едва ли является удачной. Но и сам ученый не дает достаточно ясного определения, в чем же заключались различия между уделом и кормлением. Видимо, таким различием являлось временное или потомственное право на землю, так как земли, поступавшие в кормления, в некоторых случаях фактически давали их владельцам права удельных князей, несмотря на временность и условность владения землей. Ведь крупные земельные пожалования, передаваемые во временное владение, переходили к новым держателям вместе со всеми феодальными правами. Фактически кормленщик делался на определенное время феодальным собственником и в качестве такового выдавал жалованные грамоты с иммунитетными правами, которые впоследствии считались достаточным обоснованием для того, чтобы они были признаны царской властью вполне законными пожалованиями. Конечно, нельзя забывать глубокого различия в положении татарских султанов и мурз и удельных князей русского происхождения²¹³.

В этой связи отмечу, что политическая связь между уделами и великим княжеством была менее прочной, чем между великим княжеством и Касимовским ханством. Удельный князь во внутреннем управлении своим княжеством был в целом независим и относительно бесконтролен со стороны великого князя; в политическом отношении он был также более независим, так как давал ограниченные

---

²¹⁰ СГГД. — М., 1894. — Ч.5. — № 3. — С.2.

²¹¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.4.

²¹² Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С.45.

²¹³ Подробнее см.: Смирнов П.П. Города Московского государства в 1 половине XVII века. — Киев, 1917. — Вып.1. — Т.1. — С.78 — 144.

обязательства, нашедшие отражение в договорных грамотах между великими и удельными князьями; касимовский же правитель давал московскому государю шертную грамоту, в которой в полной мере определялись права касимовского владельца и его отношение к русскому царю²¹⁴.

Сходство с удельными князьями русского происхождения служилых татарских царевичей состояло в том, что обложение подвластного населения данью и податями было в полной компетенции как первых, так и вторых. Управление своими землями было прерогативой удельного русского князя²¹⁵; татарские служилые царевичи в своих «царствах» управляли только подчиненными им татарами в полной мере, по отношению же к русским крестьянам они оставались своего рода кормленщиками. То же самое, по всей вероятности, можно сказать и о независимости суда татарских царевичей.

Во внешнеполитическом отношении как удельные князья русского происхождения²¹⁶, так и служилые татарские царевичи полностью подчинялись Москве. Они были лишены права самостоятельной дипломатической переписки и ведения без ведома московского великого князя переговоров с кем-либо. Как русские удельные князья, так и служилые татарские царевичи обязаны были или сами участвовать в военных акциях великого князя, или посылать своих людей. Иван III, привлекая удельных князей к участию в общегосударственных делах²¹⁷, даже в мыслях не имел подобные действия в отношении татарских служилых царевичей (исключение составляет Шах-Али). Если удельные князья платили в великокняжескую казну «выход» (ордынский), то первые касимовские правители — Касим, Данияр, наоборот, его получали и от московского правительства, и от тех же удельных князей.

П. П. Смирнов совершенно прав, когда пишет, что пожалования во владение татарским царевичам не обращали посады в вотчину и поместную собственность их новых владельцев, а лишь передавали им право собирать для себя некоторые доходы, в том числе и поземельные.

Сказанное выше относительно посадского населения Касимова справедливо по отношению к русским горожанам и крестьянам, отданным под власть татарских князей. Однако по отношению к подчиненным им татарам касимовские цари были настоящими феодальными государями²¹⁸. Касимовские цари и царевичи жили своим дво-

²¹⁴ Лилеев Н.В. Симеон Бекбулатович... — Тверь, 1891. — С.12.

²¹⁵ Панков В. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение. — СПб., 1911. — С.115.

²¹⁶ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. — М., 1982. — С.237.

²¹⁷ Там же. — С.238.

²¹⁸ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С.45.

ром, по своим татарским обычаям, по своей мусульманской вере. Таким образом, оставаясь кормленщиками по отношению к русским крестьянам, цари и царевичи были в то же время своего рода удельными государями для служилых татар. Мне представляется, что определение Вельяминова-Зернова, как и некоторых других историков, касимовских правителей как вассалов московских великих князей и царей с некоторыми ограничениями представляется правильным.

* * *

Итак, говоря о всей второй половине XV века, можно сделать вывод о том, что распад Золотой Орды выразился не только в отрыве от нее наиболее культурных областей и образования из них самостоятельных ханств, но и в появлении на территории формирующегося Русского государства специальных татарских вассальных образований.

§ 2. Структура и внутренняя жизнь

Административно-политическое устройство. Этнополитический организм, существовавший в Мещере в 1445–1552 гг. (в историографии «Касимовское царство»), представлял собой государственное образование, близкое к ханству. Я понимаю термин «ханство» как государство, образовавшееся в процессе распада Золотой Орды и управлявшееся ханом-Чингисидом (в большинстве рассматриваемых нами случаев Джучидом). В отличие от «Орды», которая в историографии позиционируется как предгосударственное образование с рядом признаков государства, ханство является государством в традиционном понимании этого термина. Татарские ханства (Крымское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Касимовское) преемственно сохранили традиционные государственные институты Золотой Орды — ханский диван, состоящий из четырех карачи, основные правящие роды (Аргын, Барын, Кыпчак, Ширин, позднее к ним добавился род Мангыт), административно-территориальное деление (улу-сы, даруги и др.), сословное деление на уланов, беков, мурз и «черных людей» («кара халык») и т.п. В них сформировались основные группы татарского народа (крымские, казанские, астраханские, сибирские, касимовские татары, мишари).

Спецификой Касимовского ханства являлась зависимость с начала формирования от Московского великого княжества, позже — от Русского государства, «Великого княжества всея Руси». Наиболее точным определением Касимовского ханства была бы его квалификация как вассального ханства.

Отмечу, что реальный политический статус этого образования менялся со временем — с завоеванием Казанского и Астраханского ханств Касимовское ханство невозможно считать ханством — этот

этнополитический организм скорее всего был ближе к удельному княжеству, к тому же быстро теряющему свою территорию и остатки суверенитета²¹⁹. Даже такое забавное явление, как смена обозначения правителя Касимова с 1570-х гг. (ранее — «царевич» («султан»), теперь — «царь» («хан»), свидетельствует не о повышении статуса данной территории, а, наоборот, о его понижении. После завоевания поволжских ханств Иван IV, «как царь Московии и хан Казани и Астрахани, теперь мог легитимно осуществлять свое право на назначение зависимого хана в пределах своего государства»²²⁰.

Географически Касимовское ханство располагалось на территории так называемой Мещеры, находившейся в смежных районах Московского и Рязанского княжеств, где-то между «Мордвой» и «Муромой»²²¹. В первой половине XVI века в Мещере появляются городские поселения, и зачастую это происходило на основе старых городских поселений. Это города Андреев, Кадом, Темников, Елатма. В 1553 г. в Мещере был построен город Шацк²²². По гипотезе, предложенной Д.М.Исхаковым, в начале XV в. центр Мещеры находился в районе города Кадома²²³. Я поддерживаю данную версию.

Приход султана Касима привел к возникновению нового столичного центра Мещеры — Мещерского Городка (будущего г. Касимова), при сохранении старой столицы как городского поселения.

В XVI в. под Мещерой следует понимать ту территорию, которая «тянула» к отмеченным выше городам. Такое понимание географических границ Касимовского ханства (для XVI в.) предложил Д.М.Исхаков²²⁴.

Проанализировав имеющийся в нашем распоряжении источниковый материал, я склонен поддержать эту точку зрения. На мой взгляд, эти границы были характерны именно для изучаемого периода — второй половины XV — первой половины XVI вв.

Границы Касимовского ханства начала XVII в. были также проанализированы Д.М.Исхаковым²²⁵. По его гипотезе территорию Мещеры в это время составляли следующие уезды: Касимовский, Темниковский, Кадомский, Шацкий, частично Елатомский. Вообще понятие «Мещера» («Касимовского царства» в российской историографической традиции) для каждого периода требует конкретного

²¹⁹ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. — Казань, 1998. — С.198.

²²⁰ Kennedy С. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between emigre Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / by Craig Gayen Kennedy. 1994. — L.150.

²²¹ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 10. — С.29; № 16. — С.44.

²²² Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. — Казань, 1998. — С.185.

²²³ Там же. — С.186.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же. — С.186–189.

анализа, так как Мещера являлась сложным и меняющимся во времени административно-территориальным образованием.

Начавшаяся во второй половине XVI в. дифференциация этого некогда целостного этнополитического организма на ряд новых административных единиц — уездов была связана не столько с формированием на территории Мещеры новых городов, сколько с изменением политической ситуации после завоевания Русским государством Казанского ханства и других позднезолотоордынских государств. В целом же административные границы ханства были условными и зависели, видимо, от границ владений служилых татар.

Итак, Касимовское ханство было вассальным государством с ограниченными правами их владельцев. По своему общественному строю оно, с моей точки зрения, было во многом сходно с Крымским и, особенно, с Казанским ханством. Данную гипотезу подтверждают следующие доводы. Во-первых, Касимовское ханство, так же как и Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, являлось одним из продуктов распада Золотой Орды, ее наследником в плане преемственности династий и государственных институтов. Все эти государства во многом дублировали по своему внутреннему строю Золотую Орду. Само Казанское ханство по своему социальному и политическому устройству во многом напоминало Золотую Орду. Да и сами основатели Казанского и Касимовского ханств — Махмуд и Касим являлись родными братьями и оба были сыновьями Улуг-Мухаммада. Это тоже говорит в пользу того, что устройство этих государств во многом должно быть схожим. Во-вторых, немногие источниковые данные, имеющиеся по внутреннему устройству Касимовского ханства, дают нам те же названия должностных светских и военных лиц, а также лиц духовных, что имелись и в Казанском ханстве. Все это, по моему мнению, дает нам право в тех случаях, когда источниковый материал по какому-либо вопросу внутренней структуры Касимовского ханства отсутствует либо недостаточно ясно освещает проблему, воспользоваться методом исторической реконструкции и прибегнуть к аналогиям с Казанским ханством, а иногда и с Крымом.

Земля в ханстве находилась в руках феодалов, среди которых крупнейшими были касимовские ханы (цари) и султаны (царевичи). Часть земель принадлежала, по всей видимости, крестьянам-общинникам, обложенным различными повинностями. Этими крестьянами (ясачными людьми) являлись местные языческие племена, издавна жившие на данной территории, — мещера и мордва. Они жили общинами, которые управлялись старейшинами, аксакалами и абызами, но фактически подчинялись чиновникам касимовского владельца и местным феодалам. Для крестьянской земельной общины характерно было нераздельное пользование лесами, пастбищами и другими угодьями и индивидуальное владение пахотными земельными участками отдельными крестьянами под наблюдением общины. Этот

факт был характерен для большинства ясачных народов как Поволжья, так и других территорий²²⁶.

Верховным собственником земли на территории Касимовского ханства являлось Русское государство в лице великого князя московского, а позднее царя. Касимовский хан или султан взимал через подчиненных ему и его бекам (князьям) светских должностных лиц (даруги) с крестьян, обрабатывавших землю, разнообразные подати.

Кроме ясачного населения, среди крестьян Касимовского ханства выделялись крепостные и зависимые люди татарских феодалов. Причем даже на втором этапе существования ханства, в период его угасания, в числе крепостных у татар были и русские крестьяне²²⁷. Об этом, в частности, свидетельствует выписка из отказной книги, выданная из Казанского наместнического правления мурзе Умряску Бибарсову о передаче ему земли и пахотных угодий в Темниковском, Кадомском и Шацком уездах, ранее принадлежавших дочери темниковского мурзы Арслана Джаухар-солтан (30 сентября 1666 г.). В выписке совершенно определенно говорится о том, что в принадлежавшей Джаухар-солтан деревне Азарацино в числе ее крепостных были «крестьян Тимошка Фатеев, у него детей Шомка, да Ивашка, да Ермилка; крестьянин Федка Петров, у него сын Олешка...»²²⁸.

В Касимовском ханстве было и некоторое количество рабов, они были главным образом из военнопленных. Посаженные на землю, эти военнопленные рабы становились такими же феодально-зависимыми крестьянами, какими были местные земледельцы²²⁹.

В татарском феодальном обществе наблюдалось совершенно четкое разграничение феодально-зависимых людей от свободных — «азад адам». Отпуск людей на волю совершался посредством специальных грамот «азад хатлари»²³⁰.

Главной формой эксплуатации феодально-зависимого населения была, по всей видимости, как и в Казанском ханстве, рента продуктами. Наряду с ней, вероятно, существовали отработочная рента и денежные оброки. Сбор ясака производился натурой и деньгами и составлял важную статью доходов касимовского владельца и его

---

²²⁶ Мухамедьяров Ш.Ф. Народы Среднего Поволжья // Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV в. — начало XVII в.). — М., 1955. — С.661.

²²⁷ Перепись живущих у касимовских князей и мурз Руских обоего пола людям (3 марта 1624 года). — РГАДА, ф.131, оп.1, 1624 г., д.1, 12 л.

²²⁸ Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. — Казань, 1859. — Т.1. — № XL. — С.72–74.

²²⁹ Шиманский М. Рязанский уезд в конце XVI — начале XVII в. по писцовым книгам. — Рязань, 1911. — С.38.

²³⁰ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование ... — СПб., 1866. — Ч.3. — С.235.

князей. Основные подати в Касимовском ханстве, по всей вероятности, дублировали аналогичные в Казанском ханстве.

Эксплуатация феодально-зависимого населения в различных формах (сбор ясака, пошлин и т.д.), управление (суд, «ведение»), организация воинских контингентов требовали такой административно-территориальной организации, которая явно выходила за рамки обычной для Русского государства волостной системы.

Первая составная социальной структуры населения Касимовского ханства — золотоордынская правящая прослойка имела свою иерархию. Это хан (царь) или султан (царевич) и его приближенные: светские лица — уланы, карачибеки, беки, мурзы, даруги, казначеи; духовенство — сеиды, имамы, муллы, абызы, данишменды.

Верховный правитель в Касимовском ханстве имел два обозначения — хан («царь») и султан («царевич»). Ханом в Касимовском ханстве, как и в других позднезолотоордынских государствах, считался потомок Чингисхана, а точнее, глава одной из основных чингисидских ветвей — потомок Джучи. Султаном называли как действующего главу ханства, так и наследника престола и вообще сыновей правителя. Это обязательно был Чингисид. Термины «хан» и «султан», таким образом, не являются в нашем случае синонимами. Управление Касимовским ханством не давало право на ханский (царский) титул; владельцы города, будучи султанами до пожалования им городка, так и оставались султанами (Касим, Данияр); ханами же звались те лица, которые до вступления в должность являлись в каком-либо позднезолотоордынском государстве фактическими правителями (ханами; например, Нур-Даулет). По всей видимости, это один из нюансов вассального положения Касимовского ханства. В других татарских ханствах это явление не прослеживается.

Уланы (огланы) имелись как в Касимовском, так и в Крымском²³¹, и в Казанском ханствах²³². Согласно определению турецкого исследователя постзолотоордынской ситуации в Восточной Европе Халиля Инальчика, уланы, бывшие членами правящей династии — Чингисидами, обычно командовали своими военными подразделениями. По крайней мере так обстояло дело в Крымском ханстве. Да и в Мещерском юрте уланы (огланы) отмечаются в связи с военными действиями²³³. Их отличие от султанов состояло в том, что они являлись потомками боковых ветвей правящей династии, которым джучидский трон никогда не принадлежал. Их можно сравнить с рус-

---

²³¹ Исхаков Д.М. От средневековых татар... — Казань, 1998. — С.192.

²³² Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С.204–205.

²³³ Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыму Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки ООИД. — Одесса, 1863. — Т.5. — Л.214 об.; Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 13. — С.46.

скими князьями-изгоями. По источниковым данным, уланы прослеживаются в Мещере с 1474 г.²³⁴.

Как и схожие с ним по социально-политическому устройству Казанское и Крымское ханства, Касимовское ханство управлялось четырьмя одинаковыми кланами (Ширины, Барыны, Аргыны, Кыпчаки), среди которых верховенство имел клан Ширинов (беклярибеки — «князи князей» в русских источниках были из их ряда). Позже в эту четырехклановую систему вошли Мангыты²³⁵. Главы этих кланов являлись карачибекками. На территории Касимовского ханства существовали отдельные княжества, во главе которых стояли представители этих кланов. Вполне вероятно, что и «Сеитов полк», и «Царев двор» (о них подробнее будет сказано ниже) набирались первоначально каждый со своего отдельного княжества (в начальный период истории как Крымского, так и Казанского ханств там отмечается именно по два князя²³⁶). В дальнейшем это явление стало анахронизмом, однако просуществовало вплоть до середины XVII в.²³⁷. Хан (царь) или султан (царевич) являлся верховным правителем, так же как и великий князь или царь являлся верховным правителем удельных князей в Русском государстве.

Власть хана или султана несколько ограничивалась советом (диваном), состоявшим, так же как и в Казанском и Крымском ханствах, из представителей вышеупомянутых четырех кланов — карачибекков²³⁸ (улусбеков). Карачибекки являлись феодальной знатью, занимавшей наиболее видное политическое положение. Сибирские документы переводят слово «карачи» как «думный», сопоставляя ханский совет с Боярской думой²³⁹. Польский историк Броневский называет крымских карачи «consiliarii», т.е. советниками²⁴⁰. Совет карачи имел значение законосовещательного органа, но фактически размеры его влияния варьировались широко и находились в тесной зависимости от личного состава совета, политических обстоятельств, личного характера хана или султана и т.д. Несменяемость, пожизненность и наследственность высших административных чинов являются важнейшей особенностью политического строя Касимовско-

²³⁴ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 1. — С.8–9.

²³⁵ Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. — Казань, 1997. — С.244.

²³⁶ Исхаков Д.М. От средневековых татар... — Казань, 1998. — С.195.

²³⁷ См., напр.: Имянной список касимовским князьям мурзам, Царева Арасланова двора татарам и Сейтова полку по разбору князя Ивана Федоровича Хованского и дьяка Василья Юдина с показанием поместных их окладов (28 нояб. 1623 г.). — РГАДА, ф.131, оп.1, 1623 г., д.11, 30 л.

²³⁸ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С.189.

²³⁹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1864. — Ч.2. — С.97 — 102.

²⁴⁰ См.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1864. — Ч.2. — С.423.

го ханства. Несменяемость и наследственность карачибекоев обуславливала постоянный состав правительства в Касимовском ханстве, так же как и в других поздnezолотоордынских государствах (Казанском и Крымском ханствах).

Традиционно Золотая Орда и ее преемники делились на «крылья». Такое видоизмененное членение государства на две части наблюдается и в Касимовском ханстве (но не в территориальном плане, а в военном, мобилизационном отношении). В нем прослеживаются «Царев двор» и «Сеитов полк» («Сеитов двор»), о которых подробнее скажу позже. Главой левого «крыла» в Золотой Орде был сам хан, а главой правого «крыла» являлся беклярибек.

Должность беклярибека («амир-ал-умар» — «князь князей» в русских источниках), первого из карачибекоев (по сути в Золотой Орде и некоторых поздnezолотоордынских государствах он являлся вторым лицом после хана), которую после Идигея «оккупировали» представители клана Мангыт, в Касимовском ханстве по источниковым данным не прослеживается. По всей видимости, беклярибека в Мещере функционально замещал сеид. Хотя, возможно, формально беклярибек в Касимове и присутствовал, но никакой существенной роли не играл, являясь номинальной должностью.

Беки (эмиры) (в русских источниках «князья») традиционно определяются как для Золотой Орды, так и для поздnezолотоордынских государств как назначенные ханом военачальники, получившие за военную службу удел — улус. Они могли также являться и представителями служилого слоя аристократии при дворе хана²⁴¹. Бек, в отличие от мурзы, — это должностное звание со значением «правитель» (как современное «канцлер», «премьер-министр», «министр»)²⁴². В летописном сообщении от 1450 г. говорится о «царевичах» (Касим и Якуб) и «всех князьях их»²⁴³. Под более поздней датой — 1471 г. появляются «князи царевичевы Даныяровы»²⁴⁴. В письме крымского хана Менгли-Гирея московскому великому князю от 1480 г. речь идет о «царевичах» с «улары и князьями»²⁴⁵. «Царевичевы князи» встречаются в договорной грамоте 1483 г.²⁴⁶, однако исходя из текста следует, что они существовали уже при Касиме (1445–1469 гг.), то

²⁴¹ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973. — С.46–47.

²⁴² Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. — Казань, 1972. — С.92–93.

²⁴³ ПСРЛ. — М., 1965. — Т.11–12. — С.75.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыму Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки ООИД. — Одесса, 1863. — Т.5. — Л.216.

²⁴⁶ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 76. — С.284.

есть с самого основания Касимовского ханства. «Царевичевы Касымовы» князья названы в договорной грамоте 1483 г. по именам — «Кобяк», «Аидаров сын» и «Ысак» (Исхак), «Ахматов сын». У этих «царевичевых» князей имелись «их казначеи и дараги»²⁴⁷. В конце XV — первой половине XVI вв. и вплоть до начала XVII в. князья правителей Мещерского городка в документах появляются довольно часто.

В то же время источники знают и так называемых «Мещерских князей», находившихся на территории Мещеры и до появления там основателя ханства султана Касима. Впервые они упоминаются в 1434 г.²⁴⁸. Они были в подчинении у московского великого князя, что видно из формулы «правити», использованной в договорных грамотах Москвы с Рязанью²⁴⁹. Однако в первой половине XV в. эти князья еще сохраняли какую-то свободу действий по отношению к своему сюзеру — в договорных грамотах за 1434 и 1447 гг. обсуждается вариант действий в том случае, если «князи Мещерские не учнут правити» московскому великому князю²⁵⁰. По всей видимости, под «Мещерскими князьями» значились также золотоордынские феодалы²⁵¹. Тем не менее «Мещерские князья» появились в Касимовском ханстве несколько раньше другой группы феодалов, пришедшей с султаном Касимом. Приход в середине XV века в Мещеру сына первого казанского хана Удуг-Мухаммада — султана Касима привел к усложнению социальной структуры местного общества.

Младшие сыновья бека имели титул «мурза» — слово, составленное из персидских «эмир» (князь) и «задэ» (сын), т.е. сын князя. Мурзы принадлежали к военной прослойке господствующего класса. Как было сказано выше, мурза не был должностным лицом, это, по всей видимости, наследственный титул с приблизительным значением «князь»²⁵². Такое узкое значение он имел в Золотой Орде и позднезолотоордынских государствах.

Помимо титулованной знати — уланов, беков и мурз, в Касимовском ханстве имелся довольно значительный разряд привилегированных лиц, обладавших земельной собственностью и освобожденных от податей и всякого рода повинностей. Эти лица назывались тарханами. Они пользовались охраной со стороны власти и освобождались от разного рода налогов, податей и повинностей (приблизительно 9 видов налогов и податей), натуральных повинностей по доставке продовольствия и фуража.

²⁴⁷ ДДГ. — № 76. — С.284.

²⁴⁸ Там же. — № 33. — С.86.

²⁴⁹ Там же. — № 33. — С.86; № 47. — С.144.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Исхаков Д.М. От средневековых татар... — Казань, 1998. — С.190.

²⁵² См.: Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. — Казань, 1972. — С.92–93.

Должность даруги²⁵³ — институт, унаследованный от Золотой Орды. Там в функцию даруги входила перепись населения, сбор податей (дани) и доставка их хану, устройство почтовых сообщений и набор войска²⁵⁴. По мнению М.А.Усманова, в период татарских ханств даруги — это территориальные администраторы вообще²⁵⁵. По всей видимости, в Касимовском ханстве даругами назывались сборщики дани для хана и его князей. Казначей, вероятно, были связаны с финансовой сферой и ведали казной. Даруги и казначей впервые упоминаются в вышеупомянутом документе 1483 г.²⁵⁶, однако они, так же как и князья, существовали уже при Касиме.

Тюркское население Мещеры, в лице прежде всего представителей крупных мусульманских феодальных кланов со своими людьми, до ликвидации ближайших татарских государств и упрочения границ Русского государства обладало правом свободного отъезда. Правда, при этом ясачное население оставалось на месте — им, по всей видимости, распоряжался верховный сюзерен в лице московского великого князя²⁵⁷.

В 1474 г. Иван III говорил о касимовском султани: «...а уланов, и князей, и казаков у него много: как к нему приезжают люди многие на службу, так от него отъезжают люди многие»²⁵⁸.

В 1504 г. крымский улан Али уехал в Касимов, разгневавшись на старшего брата²⁵⁹. В этом же году его старший брат, улан Берю, умер. «И иные слуги его и ясачники его порожи стоят», — писал Менгли-Гирей Ивану III и просил отпустить из Касимова Али: «...а он бы слуги свои взял и малой свой ясак ел, да тем бы жил»²⁶⁰.

Живший в Касимове представитель клана Аргын князь Мардан потом переехал в Крым. Право Мардана на отъезд не вызывало сомнений: «Похоchet Мардан князь к тебе ехати, — писал Менгли-Гирею Иван III, — и мы его к тебе отпустим»²⁶¹.

Выехавший из Крыма в Касимов сын мурзы Удема (представитель клана Мангыт) позже снова думал вернуться в Крым: «Мангыт Удемов мырзин сын в Городок поехал, и нынеча сюды [т.е. в

²⁵³ От монгольского *daru* — давить, подавлять, производным от которого является *darugaci* — правитель, губернатор.

²⁵⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973. — С.30–31.

²⁵⁵ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. — Казань, 1979. — С.206–210.

²⁵⁶ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 76. — С.284.

²⁵⁷ Исаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. — Казань, 1998. — С.197.

²⁵⁸ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 1. — С.8–9; 1895. — Т.95. — № 21. — С.377.

²⁵⁹ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 73. — С.352; № 87. — С.451; № 100. — С.545.

²⁶⁰ Там же. — № 100. — С.545.

²⁶¹ Там же. — № 34. — С.138.

Крым. — *Б.Р.*] ехати мыслит... И ты [Иван III. — *Б.Р.*] бы Удемова сына, которой в Городке живет, с тем с моим слугою с Суунчеем прилешь, то мое слово и прошение инаково не учини, Удемова сына пришли», — просил (или требовал?) крымский хан Менгли-Гирей Ивана III в 1502 г.²⁶².

Заступаясь в 1517 г. за клан Ширин, который устроил набег на Касимов в связи со сменой династии Гиреев на представителей большеордынской династии — потомков хана Ахмада, крымский хан Мухаммад-Гирей вопрошал: «...коли наш род был на Мещере, тольды наших смел ли кто смотреть [т.е. думать о нападении. — *Б.Р.*] на Мещеру? Ано из Мещеры люди шли к нам служити, а от нас в Мещеру»²⁶³. Так постоянно шел отъезд и приезд высшей прослойки населения позднезолотоордынских государств из одного в другое.

Есть некоторые опосредованные данные о наличии права отъезда и у самих касимовских правителей. Обещая в 1515 г. «опочив» для крымского султана Ахмад-Гирея на Руси, Василий III обещал принять Ахмада с детьми и со всеми людьми, обещая ему и свободный отъезд в случае его желанья: «А приехати тебе к нам и твоему сыну и всем твоим людем и отъехати от нас добровольно без всякие зацепки»²⁶⁴. В 1515 г. место «опочива» не оговаривалось, но в декабре 1517 г. Ахмаду была обещана Мещера²⁶⁵.

Мусульманскому духовенству принадлежало почетное место в государстве. На должность главы духовенства всегда избиралось лицо, принадлежавшее к числу сеидов, т.е. потомков пророка Мухаммада. Сеидов в Касимовском ханстве могло быть одновременно несколько человек, тогда как глава духовенства был только один. Глава духовенства считался после хана вторым лицом в государстве. Остановимся на сеидах поподробнее, в силу их особой роли и места в ханстве.

Касимовские сеиды в начале XVII века в русских документах назывались «служилыми», «придворными» сеидами, иногда «царевича приказными людьми»²⁶⁶. Особой разновидностью службы касимовских сеидов было их участие в военных походах. Так, имеется летописное сообщение о том, что при походе русских войск на Казань в 1552 году около реки Пьяны к ним присоединился «Ак сеит Черевсеев со всеми Городецкими князьями и мурзами и татарами»²⁶⁷. Под 1555 годом отмечается, что «с Городецкими князьями и мурзами и казаками Ф.А.Сисеев князь, да Ак сеит мурза»²⁶⁸.

²⁶² Там же. — СПб., 1895. — Т.95. — № 83. — С.421.

²⁶³ Там же. — № 21. — С.377.

²⁶⁴ Там же. — № 12. — С.211–212.

²⁶⁵ Там же. — № 23. — С.419–420.

²⁶⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1866. — Ч.3. — С.64 — 65, 82, 146.

²⁶⁷ ПСРЛ. — М., 1965. — Т.11–12. — С.228; Т.27. — С.290; Т.28. — С.158.

²⁶⁸ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.410.

Возможно, что одним из сеидов, ходивших в военные походы, был и Кашка (Кошкой) сеид, так как именно про него в грамоте Б.Ф.Годунова за 1587 год говорится: «...всех князей, и мурз, и казаков, да Городецких татар, служилых князей и мурз и казаков, которые хаживали с Кошкой сеитом... А им впредь наши всякие службы ... служить»²⁶⁹. Такая же довольно необычная обязанность у сеидов существовала и в Казанском ханстве: в 1492 г., например, у казанского хана Мухаммад-Амина отмечается двое воевод — Абаш-улан и Бураш-сеид²⁷⁰.

В связи с участием касимовских сеидов в военных походах, Вельяминов-Зернов высказывал мнение, что Кашка-сеид имел «свой двор или полк»²⁷¹.

Действительно, за 1579 год имеется информация о «Цареве дворе» и «Сеитове дворе»²⁷². Да и в разрядных книгах за 1616 год можно прочитать о том, что «в походе ... быти Касимовским татарам Царева двора и Сеитова полку»²⁷³. В этих же книгах за 1628–1629 годы опять упоминаются «касимовские князья, мурзы и татары», разделенные на «Царев двор» и «Сеитов полк»²⁷⁴. В жалованных грамотах Михаила Федоровича 1621 и 1622 годов также фигурируют «касимовские князья, и мурзы и татары Царева двора и Сеитова полку»²⁷⁵. Очевидно, «двор» или «полк» касимовского сеида был каким-то устойчивым формированием, возможно, связанным с делением на два «крыла» (вторым «крылом» в таком случае оказывается «Царев двор») ²⁷⁶.

Определение касимовских сеидов в первой четверти XVII века как «придворных сеитов» как будто предполагает за ними ограниченные функции. Однако такой вывод был бы неверным. Само выражение «сеитов двор» (или «полк») намекает на какую-то организационную структуру во главе с сеидом. В Касимовском ханстве существовала целая группа духовенства, состоявшая из разных ответвлений.

Точных данных о связях касимовских сеидов с сеидами других татарских государств не сохранилось, однако есть данные, позволяющие говорить о контактах сеидов Касимовского и Крымского

---

²⁶⁹ Цит. по: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1864. — Ч.2. — С.93–94.

²⁷⁰ ПСРЛ. — М., 1965. — Т.11–12. — С.199.

²⁷¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1864. — Ч.2. — С.443.

²⁷² Там же. — С.81.

²⁷³ Там же. — СПб., 1866. — Ч.3. — С.25.

²⁷⁴ Там же. — С.222–223.

²⁷⁵ Там же. — С.34; Шишкин Н.И. История г. Касимова с древнейших времен. — Рязань, 1891. — С.51.

²⁷⁶ Исхаков Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. — Казань, 1997. — С.18.

ханств²⁷⁷. Наличие сеидов в структуре знати сближает Мещерский юрт с другими позднесолотоордынскими государствами.

К числу лиц духовного звания принадлежали муллы, имамы, абызы, данишменды²⁷⁸. Муллы — учителя религиозной школы, грамотные люди, служители культа. Имамы — главы мусульманских общин, руководители общей молитвы в мечети, предстоятели. Абызы (хафизы) — грамотные, ученые люди, знающие наизусть Коран («Коран хафиз»). Данишменды — наставники в медресе, учителя (мударрисы).

Ислам являлся основной составляющей ментальности населения, поэтому в Касимовском ханстве было значительное число людей, тесно связанных с религией, но непосредственно к духовенству не относящихся. Это шейхи, дервиши, хаджи, а также шейх-задэ и мулла-задэ.

Шейх — знаток богословско-правового комплекса (фикха), богослов-законовед. Шейхи не занимались профессиональной проповедью. Шейхом мог стать и воин, и ремесленник, и земледелец. Знание фикха не давало человеку какие-то социальные гарантии и привилегии. Это подвижник.

Любой, кто добровольно жил в бедности, довольствовался малым, — это дервиш; это синоним понятия «суфий». Дервишей к духовенству следует относить с большими оговорками и то лишь определенную часть.

Хаджи мог стать любой человек, совершивший паломничество в Мекку. Это почетный титул мусульманина, но не духовного лица. Шейх-задэ и мулла-задэ — сыновья и ученики шейхов и мулл.

Вероятно, в Касимовском ханстве присутствовал и институт вакуфа (вакф). Это имущество, переданное владельцем на религиозные или благотворительные нужды мусульманской общине, государству или частному лицу. Вакуфом могли быть школы, мечети, земли, движимое имущество. Вакуф в татарском обществе служил важным источником существования культовых учреждений, учебных заведений и мусульманского духовенства.

Вторым составным социальной структуры населения Касимовского ханства являлись «черные люди». Эта страта явно состояла из двух групп, различающихся по социальному положению²⁷⁹.

²⁷⁷ Исаков Д.М. Сеиды... — С.21.

²⁷⁸ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т.19. — С.391. Учитывая, как уже говорилось выше, что социальная стратификация знати в Касимовском ханстве в целом идентична соответствующей стратификации Казанского ханства, в реконструкции лиц духовного звания я апеллировал к «Казанскому летописцу», на который и дана ссылка. Отмечу, что отрывочные источниковые данные, содержащие сведения по этому вопросу непосредственно по Касимовскому ханству («Сборник летописей» Кадыр-Али бека и некоторые другие), подтверждают данную гипотезу.

²⁷⁹ Исаков Д.М. От средневековых татар... — Казань, 1998. — С.193.

К первой из них можно отнести «черных людей» султана Данияра и его эмиров, упоминаемых в договорной грамоте 1483 г.²⁸⁰. Представители этой группы были известны и как «ясачные» в связи с тем, что с них в пользу феодальной верхушки Мещеры взимались «оброки» (ясак) и пошлыны²⁸¹. Ясачное население существовало в Мещере уже в первой половине XV в.²⁸².

По-видимому, при описании пожалования в 1600 г. Борисом Годуновым Ураз-Мухаммада городом Касимовом и «тянувшей» к нему территорией, в «Сборнике летописей» Кадыр-Али бека появляется другая группа «черных людей»: «... Несколькo дней он [Ураз-Мухаммад. — *Б.Р.*] жил при Государе, пока явились туда Керманские [касимовские. — *Б.Р.*] беки, Мирзы и черный народ — двести человек»²⁸³. По всей видимости, здесь под «черным народом» имеются в виду не ясачники, а «казаки».

Группа казаков, жившая в Мещере, многократно упоминается в документах XV–XVI вв.²⁸⁴. Основной их функцией была военная и почтово-дипломатическая служба. Это был низший из военнообязанных слоев, лишенный привилегий уланов, беков, мурз. По всей видимости, казаки источником своих доходов имели лишь долю от военной добычи, не участвуя в эксплуатации первой группы ясачных Касимовского ханства. Иногда в источниках XV–XVI вв. их называли и татарами. Но последнее наименование в русскоязычных документах за этой группой окончательно закрепилось лишь в начале XVII в.²⁸⁵. Рядовые татары — казаки, являясь промежуточным слоем между феодалами (беки и мурзы) и ясачниками, сами не выплачивали ясак, хотя и находились под юрисдикцией татарской знати, господствовавшей в Касимовском ханстве. Их подконтрольность описывается формулой «судить и ведать»²⁸⁶. Аналогичное право «суда и расправы» над рядовыми татарами в пределах отдельных бейликов (княжеств) существовало и у татарских феодалов в Крымском ханстве. Важно то, что сама формула, применяемая в Крыму для описания этого права, была идентична формуле, используемой применительно к территории Мещеры в XVI — начале XVII вв. (ср. крымское выражение «суд и расправа» и касимовское «судить и ведать»)²⁸⁷.

²⁸⁰ ДДГ. — М.: Л., 1950. — № 76. — С.284–285.

²⁸¹ Там же. — № 84. — С.333, 338.

²⁸² Там же. — № 76. — С.284–285.

²⁸³ Березин И.Н. Татарский летописец. Современник Бориса Федоровича Годунова // Московитянин. — 1851. — Кн.2. — № 24. — С.550.

²⁸⁴ Подробнее см. материалы главы 3.

²⁸⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1866. — Ч.3. — С.220–231.

²⁸⁶ Исхаков Д.М. От средневековых татар... — Казань, 1998. — С.194.

²⁸⁷ Там же.

Столица Касимовского ханства — город Касимов (он же Городец Мещерский, Мещерский Городок, по-татарски Хан-Кирман)²⁸⁸ в XVII столетии разделялся на три части: удел касимовских царей и царевичей (Татарская слобода и Старый посад); Ямская слобода (находилась в непосредственном подчинении Москвы); остальная часть города (в том числе и Марфина слобода), которая управлялась касимовским воеводой. Ямская слобода пользовалась самоуправлением на основе жалованной грамоты Ивана IV (от 27 марта 1567 года²⁸⁹), которая освобождала население слободы от налогов и сборов за несение государственной повинности.

На мой взгляд, такого трехчленного деления во второй половине XV — первой половине XVI вв. не существовало (воевода в Касимов начал назначаться, с моей точки зрения, начиная со второй половины XVI в.; первый документально подтвержденный год назначения — 1602²⁹⁰). Касимов управлялся только мусульманской администрацией во главе с ханом или султаном. По отношению к русским горожанам и крестьянам, жившим на жалованной земле, касимовские владельцы оставались кормленщиками, а по отношению к подчиненным им татарам были настоящими феодальными государями²⁹¹.

В городе Касимове ханам и султанам был пожалован Старый посад («Иске йорт») с каменным дворцом²⁹². По поводу пожалования Касимовом сибирскому султану Арслан-Али записная беспшлинная книга (12 августа 1613 г. — позднее 19 августа 1615 г.) из архива Печатного приказа сообщает, что 6 июня 1614 года ему была выдана жалованная грамота на город Касимов «и на посад, и на таможную пошлину, и на кабаки, и на перевозы, и на рыбные ловли, и на сенные покосы, и на семь сел с приселки, и на восемь деревень и с пустых пашен»²⁹³.

Передача посада не означала превращения его в вотчину и помещичью собственность, а лишь передавала касимовским царям и царевичам право собирать некоторые доходы, в том числе и поземель-

²⁸⁸ Касимовом город окончательно стал называться только в XVII веке.

²⁸⁹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... СПб., 1863. — Ч.1. — С.474–483.

²⁹⁰ Синбирский сборник. — М., 1845. — С.148.

²⁹¹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С.45–46.

²⁹² Воспоминания об исторической традиции в этом отношении сохранились в следующем документе: Дело по челобитью касимовского царя Араслана об отдаче ему старинной посадской земли (8 октября 1624 г.). — РГАДА, ф.131, оп.1, 1624 г., д.8, 4 л.

²⁹³ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). — М., 1994. — С.372. См. выписку из этой жалованной грамоты полностью: Выписка из жалованной грамоты, данной от государя царя Михаила Федоровича касимовскому царю Араслану Алееву на владение городом Касимовым — и определение веть ему царю касимовских, посадских и татар судом и росправою. — РГАДА, ф.131, оп.1, 6 марта 1614 г. — 16 октября 1621 г., д.1, 16 л.

ные²⁹⁴. Ханам и султанам шли доходы с деревень, лесов, лугов, озер, пчельников, им платили дань (ясак) местные жители (мещера, мордва)²⁹⁵.

Наиболее интересно описание Татарской слободы Касимова, которое показывает, что эта слобода в свое время представляла особый городок. В ней стояли мечеть, напротив мечети — двор царевича или царя, «дом и врата каменные». Судя по всему, это была укрепленная усадьба, имевшая в длину 75, а в ширину 55 сажен²⁹⁶. К царскому двору примыкали дворы, принадлежавшие придворным касимовских ханов. В слободе находились также дворы мастеровых людей и огородников, служилых мурз, татар и т.д. Всего в Татарской слободе, по выписи 1627 года, можно насчитать более 100 дворов²⁹⁷.

Видимо, в начале XVII столетия Татарская слобода в Касимове находилась уже в состоянии некоторого упадка. Действительность XV–XVI вв. была, конечно, более представительной.

Сам город Касимов первоначально относился к ведомству Посольского приказа. В дальнейшем он перешел в компетенцию Приказа Казанского дворца. Точная дата перевода неизвестна, предположительно это середина XVII в. В этой связи отмечу, что Приказ Казанского дворца нередко делил свою власть с Посольским приказом исходя из дипломатических соображений²⁹⁸. Представляется вероятным, что так оно было и с Касимовом.

В Касимове жили не только татары. Кроме Татарской слободы, существовал русский городок, в котором «годовал» окольныйчий. Русское население в Касимове жило в особой — Ямской слободе. В XVII в. в городе помещались Съезжая изба (воеводская канцелярия), пушкарский двор²⁹⁹ и двор рассыльчиков³⁰⁰.

Институт служилых татар. Касимовское ханство являлось феодальным образованием с широко развитым институтом служилых татар. Они принимали активное участие в решении внутренних и внешнеполитических задач Московского государства.

В служебном отношении основная масса служилых татар входила

---

²⁹⁴ Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. — Киев, 1917. — Вып. 1. — Т.1. — С.83; См., напр.: Прощение к государю касимовского царя Араслана о нелишении его татарских судных пошлин, и о жалобе его на татар Бичуриных (14 июля 1623 года). — РГАДА, ф.131, оп.1, 1623 г., д.9, 21 л.; Прощение касимовского царя Араслана в податях купецких и о разных делах (6 апреля 1624 г.). — РГАДА, ф.131, оп.1, 1624 г., д.3, 5 л.

²⁹⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.193; 1866. — Ч.3. — С.323–327, 464, 469.

²⁹⁶ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С.43.

²⁹⁷ Там же. — С.44.

²⁹⁸ Градовский А.Д. История местного управления в России. — СПб., 1868. — Т.1. Прилож. А.

²⁹⁹ ААЭ. — СПб., 1836. — Т.3. — № 261. — С.398.

³⁰⁰ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С.43.

ла в поместные войска, состоявшие из служилых людей, которые за пожалованные им от правительства Русского государства поместья и вотчины обязаны были службой на коне пожизненно³⁰¹.

Ратные люди поместных войск подразделялись на дворян, детей боярских, татарских мурз и татар (казаков). По «Росписи служилым людям по области Казанского Дворца» на 1637 год отмечается, что в Касимове было 610 человек служилых мурз и татар³⁰². Кроме личной службы, каждый имеющий вотчину или поместье обязан был приводить с собой для похода, в зависимости от величины поместий, определенное количество конных вооруженных людей. Со ста четвертей «добрые угожей земли» выставлялся вооруженный слуга или холоп «на коне и в доспесе в полном, а в дальней поход о дву конь»³⁰³. Независимо от этого, необходимо было также брать с собой запасы продовольствия и фуража на все время похода и снаряжать свой собственный обоз, а для обороны этого обоза приводить с собой и пеших вооруженных людей. Соответственно своим поместным дачам, некоторые несли только личную службу на коне.

Служилые татары сохраняли свою национальную систему деления и подчинялись мурзам и бекам (князьям). Их конные отряды обычно присоединялись к тем полкам, где в данный момент они были нужны. Но, безусловно, русское правительство относилось с некоторым недоверием и к высшему татарскому сословию, и к служилым татарам. Во время походов у них «в приставех» обязательно находился голова из русских служилых: «С городецкими [касимовскими. — *Б.Р.*] князьями и мурзами, и с всеми мещерскими людьми, и с царевыми шигалеевыми людьми — Дмитрий Григорьев сын Плещев с служивыми татары Григорий Никитин сын Сукин»³⁰⁴.

Служилые касимовские татары испомещались в основном по засекам на белопашенных (освобожденных от налогов) землях. Живя на окраине государства, представляли собой прекрасную боевую конницу, являвшуюся основной ударной силой в борьбе против кочевых наездников. Руководили ими имеющие опыт татарские военачальники — уланы, беки и мурзы.

Значительная группа касимовских татар служила на государственной службе в качестве переводчиков и толмачей³⁰⁵ в центральных

³⁰¹ Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сб. аспирант. работ КГУ: Право. История. Филология. — Казань, 1964. — С.62.

³⁰² Роспись служилым людям по области Казанского Дворца на 7146 (1637) год. — Казань, 1912. — С.11.

³⁰³ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13. — Половина 1. — С.269.

³⁰⁴ Цит. по: Степанов Р.Н. Указ. соч. — С.62–63 (Разрядные книги С.М. Оболенского. — См.: РГАДА, ф.210, ед. хр.85, л.298 об.).

³⁰⁵ На переводчиков возлагалось переложение на русский язык иноязычных документов, на толмачей — устный перевод в разговоре с иностранцами.

приказных и в местных учреждениях³⁰⁶. Иногда их самих использовали в качестве дипломатических представителей, снаряжали своеобразными «проводящими» к послам, ездившим в орды. Московское правительство давало служилым татарам различные поручения, требующие знаний местных условий и связей с населением. Их прикомандировывали к посольствам, ходившим к мусульманским государям, и часто направляли с различными уведомительными грамотами в исламские страны, к примеру, в Крым. Тем татарам, которые проявили особые дипломатические способности, «доверяли» самые разные государственные дела: к примеру, в грамоте Алексея Михайловича к бухарскому хану Абдул Азиз Богадырю (февраль 1675 года), отправленной с российскими послами Василием Даудовым и касимовским татаринцем Мухаммад-Юсуфом, сообщается, что кроме Бухары Мухаммад-Юсуф должен был посетить «Юргенскую землю» (Хорезм) и Индию³⁰⁷.

В XVI столетии не было ни одного военного похода московского правительства против ливонцев, литовцев, крымских татар, где бы не участвовали многочисленные касимовские конные отряды.

Жили служилые касимовские татары не в Касимове, а в своих поместьях, подобно русским служилым людям. Так, по описи 1627 г. в 24 дворах служилых мурз и татар касимовской Татарской слободы жило всего 17 человек, некоторые дворы были заселены только дворниками. Значит, хозяева их были либо в отъезде, либо жили в своих поместьях³⁰⁸. Во второй половине XV–XVI вв. наблюдалась подобная картина.

С.М.Середонин, специально изучавший вопрос о численности русского войска во второй половине XVI в., пришел к заключению, что в его составе было около 75 000 дворян, детей боярских и их слуг, не более 10 000 татар, 20 000 стрельцов и казаков, 4000 иностранцев, всего около 110 000 человек, не считая даточных и посошных³⁰⁹. Состав войска позволяет установить и значение отдельных разрядов служилых людей в военных действиях. Из 60-тысячного войска в полоцком походе участвовало: дворян и детей боярских — 29%, боярских людей — 29%, стрельцов — 20%, казаков — 12%, татар и мордвы — 8% и сборных людей из городов — 2%³¹⁰. Следовательно-

---

³⁰⁶ Дело о присылке из Касимова в Посольский приказ для перевода персидских грамот Емина абыза, и о даче ему жалованья (17 октября 1646 г. — 23 января 1652 г.). — РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1646 г., д. 6, б. л.; см. также: РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1632 г., д. 3, 8; 1648 г., д. 55.

³⁰⁷ Хилков Г. Сборник князя Хилкова. — СПб., 1879. — № 12. — С. 534–540.

³⁰⁸ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 46.

³⁰⁹ Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. — СПб., 1891. — С. 13.

³¹⁰ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. — М., 1954. — С. 95.

но, служилые люди по «отечеству» составляли около 29%, а служилые люди по «прибору» вместе с боярскими людьми (холопами) — 71% всего войска³¹¹. Такой же состав войска наблюдаем и в других походах³¹².

Вознаграждением за несение службы касимовским служилым татарам были земельные пожалования — поместья, становившиеся нередко наследственными³¹³. Ими владели целые группы татар или каждый в отдельности³¹⁴. Денежное и хлебное жалованье встречается гораздо реже, и иногда оно давалось лишь на первое время, пока не была еще распахана земля; земельные же участки давались в таком количестве, что рядовых служилых татар («казаки») можно считать вооруженными крестьянами³¹⁵. Видимо, служилые татары занимались земледелием даже с выгодой для себя — в 70-х гг. XVI в. в некоторых городах казакам прибавлено было по их челобитью земли до 30 четей на человека. В Касимовском уезде, где служилое военное население составляло большинство жителей, служилые татары имели в своем распоряжении особенно много земли. В свою очередь служилый человек с поместья должен был содержать себя и свою семью и быть готовым к походной службе конным и с оружием³¹⁶.

Землевладение касимовских правителей и его характер. Крупнейшими феодалами ханства являлись касимовские ханы и султаны, в руках которых была сосредоточена административная и судебная власть.

Попробуем выяснить характер земельных владений касимовских правителей (применительно ко второй половине XV — первой половине XVI вв., т.е. к первому этапу существования ханства). Прежде всего заострим внимание на том, что ордынские выходцы (каковыми и являлись первые касимовские правители) были безземельными мигрантами на Русь³¹⁷. Летописные известия, за некото-

³¹¹ Чернов А.В. Вооруженные силы... — С.95.

³¹² Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1864. — Ч.2. — С.35–49.

³¹³ См. по этому поводу выписку из отказной книги (май 1668 г.), ясно свидетельствующую о передаче поместий служилых татар по наследству (при наличии ближайших родственников — им, при их отсутствии — дальним родственникам): Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1857. — Т.1. — № 15/III. — С.31–33.

³¹⁴ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. — СПб., 1897. — С.234.

³¹⁵ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. — СПб., 1889. — С.327.

³¹⁶ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. — М.; Л., 1947. — Т.1. — С.263–264.

³¹⁷ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. — СПб., 1897. — С.56.

рыми исключениями, ничего не говорят о характере пожалований, каких удостоивались эти выходцы от московских государей.

В результате изучения литературы и всего комплекса источников по истории Касимовского ханства я пришел к выводу, что касимовские правители владели жалованными вотчинами³¹⁸, расположенными на всей территории Мещеры. Этот вид вотчин, тесно связанный со службой, сосуществовал с вотчинами, составлявшими безусловную собственность вольных слуг.

Источники XV–XVI вв. упорно называют земли, жалуемые в наследственное владение под условием службы (эти характеристики наиболее близки к нашему случаю) не поместьями, а вотчинами. «В вотчину», т. е. в наследственное владение или кормление, под условием службы награждаются чужеземные выходцы, князья и бояре, городами и волостями. Итак, термином «вотчина» окрещиваются разнообразные пожалования наследственного владения, в которых владельческие права жалуемых лиц подчинены неременному условию службы³¹⁹.

Исследователь вотчинного землевладения в России второй половины XVII века О.А.Шватченко отмечает, что в дальнейшем, когда Касимовское ханство потеряло свое стратегическое значение для России, то есть после падения Казанского ханства, удельные владения (жалованные вотчины) касимовских царевичей, как и мурз ногайских Юсуповых и Кутумовых, в 1572–1595 годах были ликвидированы, хотя земли сохранились за ними на поместном праве³²⁰. Таким образом, на территории Мещерского юрта касимовские цари и царевичи, начиная с конца XVI века, владели только поместными землями.

Однако это не означало, что в XVII веке вотчин у касимовских правителей не было вообще. Просто московское правительство, медленно проводя политику «растворения» ханства в Русском государстве, давало царевичам вотчины за пределами Мещерского юрта. Касимовские царевичи входили в число служилых людей «московского списка» и составляли особую группу землевладельцев-вотчинников³²¹. Их вотчины были невелики. Так, Сейид-Бурхан Арсланович получил в наследство после тетки царя Михаила Федоровича Ирины Никитичны Годуновой в Московском уезде, Сетунском стане (на р. Сетунь) сельцо Волынское, где располагался двор царевича и при нем 28 дворов с 60 душами мужского пола³²². Во Владимирском уезде ему принадлежал Гус-

³¹⁸ О термине см.: Рождественский С.В. Указ. соч. — С.49.

³¹⁹ Рождественский С.В. Указ. соч. — С.50.

³²⁰ Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. — М., 1996. — С.53.

³²¹ Там же.

³²² Там же.

кий погост. Вместе с тем царевич владел в Елатье и Касимове обширными — в сотни дворов поместьями³²³. Таким образом, в 1646 году Сейид-Бурхан владел вотчиной во Владимирском уезде (92 крестьянских двора, 252 души мужского пола) и вотчиной в Московском уезде (28 крестьянских дворов и 60 душ мужского пола).

Относительно отца Сейид-Бурхана, царя Арслан-Али, можно сказать, что из материалов записной беспошлинной книги (12 августа 1613 г. — позднее 19 августа 1615 г.) узнаем, что 14 ноября 1613 года ему было пожаловано 2036 четей в Касимове³²⁴. 15 декабря того же года Арслан-Али была дана ввозная грамота на старое поместье — село Дубровки Касимовского уезда³²⁵. Кроме того, из данных приходной книги Устюжской четверти за 1620 — 1621 годы узнаем, что крестьяне г. Руза Устюжской четверти платили оброк Арслан-Али «по пятнатцати рублев на год»³²⁶.

В 1678 году землевладение Сейид-Бурхана увеличилось в сравнении с 1646 годом и получило распространение в Переяславском, Ростовском и Суздальском уездах. Наиболее крупные вотчины размещались в Ростовском и Суздальском уездах. В 1678 году у Василия Арслановича (крещеный Сейид-Бурхан) была одна вотчина во Владимирском уезде (5 крест. дворов, 20 душ мужского пола), две в Московском уезде (22 крестьянских двора, 74 души мужского пола), две в Переяславском уезде (57 крестьянских дворов, 157 душ мужского пола), одна в Ростовском уезде (68 крестьянских дворов, 243 души мужского пола), одна в Суздальском уезде (96 крестьянских дворов, 317 душ мужского пола)³²⁷. Таким образом, в 1678 году Василий Арсланович был крупным вотчинником, входившим в состав русской аристократии XVI–XVII веков.

Этносоциальный состав. Этнический состав территории, на которой располагалось Касимовское ханство, отличался пестротой³²⁸. Там обитали финские, славянские и тюркские народы. Наиболее древними насельниками края явились финские племена. Они оставили в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье городища, известные под названием дяковских и городецких³²⁹. В числе по-

³²³ Дело по челобитью Касимовскаго царевича Сеит Бурхана о даче ему поместий всех без изъятно после отца его царя Араслана (15 января 1627 г.). — РГАДА, ф.131, оп.1, 1627 г., д.1, 64 л.

³²⁴ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). — М., 1994. — С.324.

³²⁵ Там же. — С.336.

³²⁶ Приходо-расходные книги Московских приказов 1619–1621 гг. — М., 1983. — С.381.

³²⁷ Шватченко О.А. Указ. соч. — С.70.

³²⁸ Рахимзянов Б.Р. Касимовское царство в социально-политической структуре Русского государства XV–XVII вв. // Феодальное общество: идеология, политика, культура. — М., 2000. — С.59.

³²⁹ Шарифуллина Ф.Л. Указ. соч. — С.19.

томков племен, оставивших городецкую культуру, была мордва, издавна заселявшая всю местность вокруг городка Мещерского³³⁰. В XVI веке часть мордвы была мусульманами и, видимо, смешалась с татарами. Прослеживаются также следы марийцев (черемисов). В XV в. память о пребывании их здесь вовсе исчезла, а летописи XV–XVI вв. заменили черемисов на мещеру (можары, мочары). В состав касимовских татар вошла, видимо, та ее часть, которая исповедовала ислам³³¹.

Вопрос об этнической принадлежности мещеры остается до сих пор спорным. Одни исследователи (В.В.Вельяминов-Зернов, В.А.Гордлевский, С.П.Толстов и др.), как уже было сказано выше, усматривали ее финское или угорское происхождение, другие (Ф.Ф.Чекалин, Б.А.Васильев, Р.Г.Мухамедова и др.) видели в них отюреченных угров.

Наконец, жители Рязанской земли издавна имели связи с населением южных степей. Известно, что к ним проникали половцы еще в XI веке. Как полагает Р.Г.Мухамедова, предки цокающих мишарей уже ко времени образования Касимовского ханства жили на территории Кадомского уезда, куда они переселились из района Золотаревского городища (на юге Пензенской губернии) в конце XIII — начале XIV в. с потоком золотоордынского населения.

Эти тюркские компоненты, принявшие участие в этногенезе мишарей, сыграли, очевидно, определенную роль и в формировании касимовских татар. В их среде мишари не растворились, несмотря на давние этнокультурные контакты.

Этнический состав дружины, с которой пришел в Мещеру султан Касим, неизвестен. Видимо, в нее вошли представители тюркоязычных племен, являвшихся, так же как и он сам, выходцами из Золотой Орды³³². Одно из племен было, вероятно, кавказского происхождения или просто испытывавшее влияние иберийско-кавказских языков. Оно могло появиться в дружине Касима во время его пребывания на «Черкасской земле», где в XV веке имел место северокавказский этнический компонент³³³.

На территории Касимовского ханства оседали значительные группы казанцев. Известно, что в течение первой половины XVI века вместе с касимовским ханом Шах-Али, трижды сидевшим на казанском престоле, приходили в Касимов и его сторонники из числа казанцев³³⁴. Не исключено, что часть их попала в ханство после присоединения Казанского ханства к Русскому государству, когда сдавшуюся знать царь вывел вместе с мелкими феодалами и раздал им

---

³³⁰ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.28.

³³¹ Там же.

³³² Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.1.

³³³ Шарифуллина Ф.Л. Указ. соч. — С.21.

³³⁴ ПСРЛ. — М., 1965. — Т.29. — С.20, 70.

поместья в городах и волостях московских³³⁵. В Касимовское ханство русское правительство также выводило «ненадежных» татар-феодалов³³⁶. Из сохранившихся до наших дней родословных (шеджер) некоторых касимовцев (Акчуриных, Максутовых, Бурнашевых, Костровых и др.) следует, что их предки были выходцами из Казанского ханства.

В последней четверти XV и начале XVI вв. в Мещерском крае наблюдались этнические включения крымцев, появившихся вместе с ханом Нур-Даулетом, султанами Сатылганом и Джанаем³³⁷. Случаи оседания в крае выходцев из Крыма имели место и в более раннее время — в XIII веке³³⁸. С ними связывали свое происхождение Ширинские и Гиреевы.

Некоторые письменные источники и устные предания свидетельствуют о притоке населения, пришедшего вместе с ханами Ураз-Мухаммадом, Саин-Булатом из киргиз-кайсацких орд. О происхождении этих ханов и отдельных родов (Шакуловых, Давлеткильдеевых, Максутовых, Тевкелевых и др.) говорят их родословные³³⁹.

В формировании касимовской группы поволжских татар приняли участие и ногаи. Они попадали в Мещеру различными путями. Часть их проникала туда по ногайским шляхам, так как этому не препятствовала вся оборонительная система Руси³⁴⁰. Другие пришли в составе дружины ханов и султанов, приглашенных в ханство³⁴¹.

В составе дружин ногайских мурз могли прибывать незначительные группы буртасов и башкир³⁴².

Со второй половины XVI века приток тюркоязычного населения замедлился. Это было связано со снижением роли ханства, которое придавалось ему как «буферному государству», в результате падения Казани в 1552 году.

Исследователь Д.М.Исхаков на основе комплекса имеющихся в его распоряжении источников сделал вывод о том, что формировавшаяся в XV–XVI вв. в границах Касимовского ханства тюркская этническая общность до рубежа XVI–XVII вв. состояла из двух этнословных страт — «черных людей» (ясачного населения) в основном из «можерян» ~ «мещерян» (они же буртасы, посопные татары) и социальных верхов из «татар» (включая и «казаков»), т.е.

³³⁵ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. — М., 1877. — С.270.

³³⁶ Степанов Р.Н. Указ. соч. — С.57.

³³⁷ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.; Л., 1948. — С.390.

³³⁸ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.191.

³³⁹ Шарифуллина Ф.Л. Указ. соч. — С.21–22.

³⁴⁰ Новосельский А.А. Указ. соч. — С. 75, 390.

³⁴¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1866. — Ч.3. — С.1, 61, 461; СПб., 1863. — Ч.1. — С.222, 251, 255.

³⁴² Шафируллина Ф.Л. Указ. соч. — С.22.

кыпчакско-ногайских групп с клановым делением³⁴³. Первый — можеряно-буртасский слой восходит еще к домонгольскому периоду и был явно весьма близок этнически к булгарам. Его этносоциальная трансформация в золотоордынский период была идентична развитию булгар: смысл понятий «черные люди» и «посопные татары» (буртасы), применявшихся по отношению к «можерянам», тот же, что и у термина «ясачные чуваш». Политические процессы в двух ареалах были также сходны. Если Казанское ханство в значительной мере возникло на основе Булгарского вилайета Золотой Орды, то непосредственным предшественником Касимовского ханства был, надо полагать, Наровчатовский (Мокшинский) улус³⁴⁴.

Второй этнический компонент тюркской общности, складывавшейся в Мещере, — суперстрат золотоордынского происхождения вплоть до начала XVI в. сохранял еще свою самостоятельность. Индикатором незавершенности к этому времени консолидации в Касимовском ханстве двух этносословных страт в единую этническую общность является использование в источниках по отношению к тюркскому населению «юрта» нескольких этнонимов (кроме «татар», таких наименований, как «можеряне», «буртасы» и «башкиры»). Тем не менее в XVI — начале XVII вв. для обозначения всех тюркских групп Мещеры начинает все чаще применяться как наиболее интегральный этноним «татары». Этот факт и говорит о качественно новом уровне консолидации тюркских компонентов в рамках территории Мещерского юрта к концу XVI — началу XVII в. Думается, что в целом именно тогда завершилось сложение мишарского этноса, сохранившего, правда, внутриэтнические деления³⁴⁵. Особенно большая обособленность была характерна для небольшой группы «столичных» татар, живших в г. Касимове и его окрестностях. Эта группа до середины XVII в. продолжала пополняться выходцами из Ногайской Орды, казахских ханств и Сибири, поэтому полной интеграции касимовских татар в состав мишарей не произошло.

Как фиксация реальных этнических процессов среди волго-уральских татар, во второй половине XVI в. появляется достаточно четкое противопоставление татар казанских и городецких³⁴⁶. В то же время эти две этнические общности были очень близки между собой. Недаром автор «Казанской истории» («Казанского летописца»), говоря о хане Шах-Али, подчеркивал, что у него с казанцами «род бе... един, варварский, и язык един, и вера едина»³⁴⁷.

Хозяйственная жизнь. Экономика Касимовского ханства

³⁴³ Исхаков Д.М. От средневековых татар... — Казань, 1998. — С.222.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Исхаков Д.М. От средневековых татар... — Казань, 1998. — С.223.

³⁴⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.450.

³⁴⁷ Казанская история. — М.; Л., 1954. — С.66.

оформлялась и развивалась в тесной связи с экономикой Русского государства. В основе хозяйственной деятельности населения лежало земледелие, которое сочеталось со стойловым животноводством. Его развитию благоприятствовали обширные пойменные луга на берегу Оки.

«Ногайские дела» сообщают некоторые интересные детали о Касимове. В середине XVI столетия в нем процветала работорговля. Так, человек одного ногайского мурзы купил в Касимове «девку», которую отобрал у него сын боярский, ссылаясь на то, что в пропускной грамоте имя этой «девки» написано не было. Иван Грозный обещал отыскать купленную «девку» и вернуть ее ногайскому мурзе³⁴⁸.

Большим подспорьем в хозяйстве являлось бортничество. Об этом свидетельствуют данные приходорасходных и записных книг Приказа Тайных дел за 1664–1665 гг. (Шацкий уезд)³⁴⁹. На мой взгляд, факты хозяйственной жизни Касимовского ханства за первую и вторую половину XVII в. вполне могут быть экстраполированы и на вторую половину XV — первую половину XVI вв., так как для этой сферы вряд ли были характерны существенные изменения.

Во владении касимовского хана насчитывалось 40 бортников, которые платили «верховый медвяный оброк» по четыре пуда в год. Население ханства промышляло и охотой, особенно на пушных зверей. На территориях Шацкого и Касимовского уездов жили сокольники³⁵⁰, на территории Касимовского уезда по «указу великого государя» производилась «поймка лосей»³⁵¹, в Шацком уезде — «ловля диких гусей»³⁵². Об этом говорят материалы тех же приходорасходных и записных книг за 1664–1672 гг.

Немаловажное значение в экономике ханства имело рыболовство, чему способствовало обилие рек и озер. Рыбные ловли (места для ловли рыбы) по обоим берегам Оки принадлежали касимовским ханам. В одном только селе Ерахтуре, с прилегающими к нему деревнями и пустошами (поместье касимовских ханов и султанов), было отдано на откуп рыбных ловель 16 озерков с истоком. С откупных вод платили оброк хану Арслану, а потом его сыну Сейид-Бурхану в размере 30–40 рублей в год.

Касимовским ханам принадлежали также рыбные ловли по обеим сторонам Оки, также отдаваемые на откуп. С этой рыбной ловли взимался оброк в размере 7 рублей в год и натурой: «Да те же

³⁴⁸ ПДРВ. — СПб., 1801. — Ч.11. — С.52, 65.

³⁴⁹ РИБ. — СПб., 1904. — Т.23. — № II/2. — С.627; СПб., 1907. — Т.21. — № V. — С.1098.

³⁵⁰ РИБ. — СПб., 1904. — Т.23. — № II/2. — С.568; СПб., 1907. — Т.21. — № V. — С.1423.

³⁵¹ РИБ. — СПб., 1904. — Т.23. — № II/6. — С.1292.

³⁵² РИБ. — СПб., 1907. — Т.21. — № V. — С.1603.

ловцы сверх того оброку ловили на царя Араслана шестую рыбу свясками, а в Касимове те свяски зовут бобыкою»³⁵³.

Рыбные ловли, сданные откупщикам, составляли одну из прибыльных статей государственных доходов. На территории Темниковского уезда, кроме ловли рыбы, к тому же было развито и производство вяленой и копченой рыбы, и мастера этого дела даже вызывались в Москву; также в Москву посылалась и готовая продукция³⁵⁴ (данные записных книг и расходных столбцов Приказа Тайных дел за 1672 г.).

В XVII столетии город Касимов служил и транзитным пунктом для российских послов и переводчиков, направлявшихся с дипломатическими поручениями в иностранные государства, например в Персию (по дороге в Персию проезжал Касимов в 1676 году переводчик Посольского приказа Константин Христофоров — об этом свидетельствует выданная ему проезжая грамота от 26 февраля 1676 г.³⁵⁵, а в 1682 году также по пути в Персию в Касимове был подьячий Иван Силин, о чем говорит проезжая грамота, выданная ему 9 июня 1682 г.³⁵⁶), Грузию (русский посол Федот Елчин, следовавший с дипломатической миссией в Грузию, транзитом был в Касимове 13 — 14 июня 1638 г., говорит его статейный список³⁵⁷). По дороге они нередко закупали продукты местного производства (например, вино). Об этом, помимо вышеупомянутых проезжих грамот³⁵⁸, свидетельствует и опись архива Посольского приказа 1673 года³⁵⁹. Действительно, «мощности» для этого имелись — та же опись архива Посольского приказа 1673 г. документально подтверждает, что в Касимове имелся кабак³⁶⁰ и кружечный двор³⁶¹.

На территории Темниковского уезда, как свидетельствует отписка шацкого воеводы Ивана Салтыкова царю (1629 г.), включающая и расспросные речи «тюремного сидельца» Саввы Еремеева (1629 г.), имелись залежи золотой руды, а на территории Шацкого уезда — со-

³⁵³ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1866. — Ч.3. — С.169.

³⁵⁴ РИБ. — СПб., 1907. — Т.21. — № V. — С.1617; СПб., 1904. — Т.23. — № I/7. — С.92.

³⁵⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — СПб., 1858. — Т.5. — № XXIX. — С.523–525.

³⁵⁶ Там же. — СПб., 1862. — Т.6. — № XXXII. — С.71–72.

³⁵⁷ Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. — М.; Л., 1954. — С.206.

³⁵⁸ Памятники дипломатических сношений... — СПб., 1858. — Т.5. — № XXIX. — С.523–525.

³⁵⁹ Опись архива Посольского Приказа 1673 года. — М., 1990. — Ч.2. — С.320–321.

³⁶⁰ Там же. — С.453; см. также: Кабакские книги г. Касимова, 1658–1659 гг. — РГАДА, ф.137, оп.2, ед. хр.31, 48 л.

³⁶¹ Опись архива Посольского Приказа 1673 года. — М., 1990. — Ч.2. — С. 320–321; 467, 468; Книга сбора питейной прибыли Касимовского кружечного двора, 1654 г. — РГАДА, ф.137, оп.1. Касимов, ед. хр.3, 24 л.

ляные месторождения³⁶². Русское правительство очень заинтересовалось этими сведениями, так что, возможно, в дальнейшем на территории Мещерского юрта развернулась добыча золотой руды и соли.

Широкое распространение в ханстве имели ремесла. Ими занимались в основном зависимые люди (в том числе ханские мастеровые, каменщики, плотники, ювелиры и пр.)³⁶³ и в некоторой степени служилые татары, для которых этот вид занятий обеспечивал дополнительный источник существования. Участие служилых людей в ремесленном производстве, а также в торговле было обычным явлением в городах Московского государства XVI–XVII вв.³⁶⁴.

Традиционными оставались, очевидно, занятия и ремесла по обработке черного и цветного металла. Любопытно, что в XV–XVI вв. в комплексе украшений мордвы появилось большое количество сложных по изготовлению украшений. Некоторые из них — богато орнаментированные браслеты, украшенные зернью, ложной зернью и бугорчатой сканью подвески — напоминают изделия болгаро-татарских мастеров. Искусство ювелиров сохранялось и позднее. Известны, например, богатая царская одежда и оружие, выполненные в XVI веке касимовскими мастерами и хранящиеся ныне в Оружейной палате³⁶⁵.

В Касимове воздвигались руками местных и, вероятно, казанских, мастеров дворцовые постройки и мавзолеи касимовских ханов и султанов. Касимовские писцовые книги сохранили частичное описание некоторых из них. Они отмечают, что в начале XVII века в Татарской слободе города располагались «мизгит или мечеть каменная, а напротив тое мечети двор царевича Сеит-Бурхана, дом и врата каменные»³⁶⁶. Эти постройки, так же как и мавзолеи касимовских ханов, были частично описаны и зарисованы в 1636 году А.Олеарием. Мечеть и минарет были построены из белого камня еще при Касиме в 1467 году. В дошедшем до нас минарете прослеживаются параллели с подобными сооружениями в Болгаре. Из белого камня был построен в 1555 году и мавзолей Шах-Али. Во всех этих зданиях, так же как и в расположенных на кладбище надгробных камнях, наблюдаются общие с болгарско-татарской архитектурой черты. Еще в XVII столетии сохранялись руины высокой сторожевой многоярусной башни, напоминающей башню Сююмбике в Казани, и двorca

---

³⁶² Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. — СПб., 1890. — Т.1. — № 263. — С.295–296.

³⁶³ См., напр.: Дело о высылке из Касимова под Москву каменщиков и кузнецов (25 марта 1653 г.). — РГАДА, ф.131, оп.1, 1653 г., д.1, 5 л.

³⁶⁴ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. — СПб., 1889. — С.326–327.

³⁶⁵ Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань, 1978. — С.140.

³⁶⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1866. — Ч.3. — С.92.

касимовских ханов. Все эти постройки свидетельствуют об искусстве касимовских мастеров-камнетесов и строителей.

Широко была развита обработка кожи, шерсти и меха, других продуктов скотоводства и охоты. Деловые люди — мастера и ремесленники — упоминаются в торговых посадах Касимова и других городов в документах XVI века. Некоторые из них были приписаны к родовым поместьям касимовских ханов и татарских беков и мурз.

Значительное развитие получила и торговля. В Касимове проходили ярмарки и были постоянные лавки купцов³⁶⁷. Развитию торговли благоприятствовало удобное географическое расположение края на стыке важнейших торговых путей (сухопутных и водных) и установление во второй половине XV века высоких таможенных пошлин для казанских и восточных купцов в окраинных русских городах (Нижний Новгород, Муром) и в Сурско-Окском междуречье³⁶⁸. В результате торговля перешла в руки местных купцов, в том числе и татар.

Служилые татары пользовались некоторыми привилегиями, например, им предоставлялось право на ведение торгово-предпринимательской деятельности в любом районе Русского государства³⁶⁹.

Круг городов, где велась торговля касимовцами, довольно ограничен, — это в основном Тамбов и Козлов³⁷⁰. О торговле в других городах можно говорить как о явлении спорадическом и незначительном. Продажа товаров из мещерских городов и уездов в Козлове и Тамбове занимала существенное место в торговле этих городов. В таможенных книгах этих городов отражены явки товаров посадскими людьми Елатмбы, Касимова и изредка Шацка. Из Касимовского уезда здесь торговали посадские люди, крестьяне и служилые татары³⁷¹.

В торговле касимовских посадских людей наряду с такими товарами, как сита, решета, рогожи, мыло, жернова, москательный товар, сермяжное сукно, яблоки, лук, превалирует продажа красной юфти, заготовок и изделий сапожного ремесла.

Таможенные книги свидетельствуют о том, что с изменением масштаба торговли меняется и ее характер. Если внутри края наблюдаем в основном распродажу изделий мелкого гончарного производства, то в межуездной торговле выступают на первый план товары, являющиеся основной продукцией торговли района или города, и

---

³⁶⁷ Халиков А.Х. Указ. соч. — С.143.

³⁶⁸ Шарифуллина Ф.Л. Указ. соч. — С.19.

³⁶⁹ Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. — Казань, 1977. — С.25.

³⁷⁰ Дубинская Л.Г. Города Мещерского края во второй половине XVII в. // Города феодальной России: Сб. статей. — М., 1966. — С.269.

³⁷¹ Там же.

торговля ведется в основном горожанами. Надо отметить, что торговые люди Мещерского края появлялись и в столице. Отдельные приезды касимовцев, темниковцев, шатчан и кадомцев зафиксированы в документах XVII века³⁷².

Служилые татары проводили торговые операции и в Касимове, на действовавших там Казанской и Сергиевской ярмарках. Предметом торговли служили хлеб, мед, воск, домашние животные, меха, кожи, заготовки и изделия сапожного ремесла³⁷³. В самом Касимове торговали и заезжие купцы — например, солью и хлебом. Отрывочные данные об этом дает переписная книга документов Приказа Тайных дел за 1676 г.³⁷⁴. Из нее узнаем, что московские и «иных многих городов торговые люди» жаловались в соответствующие инстанции на произвол воевод разных городов (в том числе и Касимова), мешающий нормальной торговле. Купцы просили, чтобы «тех городов воеводы им промышленником обид и налог и мотчанья не чинили». Насколько были удовлетворены эти коллективные просьбы, сказать трудно.

Одним из субъективных результатов феодальной войны на территории будущего Русского государства второй четверти XV века оказалось образование в 1445 году на смежных землях Рязанского и Московского княжеств Касимовского ханства. Оно могло появиться лишь в обстановке вражды и непримиримости в Московском великокняжеском доме, достаточно частой смены великих князей. Анализ данных договорных и духовных грамот великих и удельных князей за период 1481–1553 гг., экстраполированных на вторую четверть — середину XV века, позволяет сделать вывод о том, что Касимовское ханство возникло в силу условий выкупа, который был обещан московским великим князем Василием II хану Улуг-Мухаммаду в 1445 году после поражения русских войск под Суздалем. Тексты грамот недвусмысленно говорят о том, что в Касимов, так же как и в Казанское, Крымское, Астраханское ханства и Большую Орду, платился «выход» (дань) как с земель Московского, так и Рязанского великого княжества. Следовательно, Касимовское ханство являлось весьма существенной финансовой «обузой» для подданных русских княжеств. Его образование не было добровольной мерой со стороны Московского княжества. В первые годы своего существования оно было свидетельством поражения Москвы, кусочком татарской территории на русской земле.

³⁷² Дубинская Л.Г. Города Мещерского края... — С.270.

³⁷³ Там же; Привалова Н.И. Торги гор. Касимова в середине XVII века // Исторические записки. — М., 1947. — Т.21. — С.117, 119, 131.

³⁷⁴ РИБ. — СПб., 1907. — Т.21. — № II. — С.590; СПб., 1907. — Т.21. — № I. — С.76.

Статус Касимовского государственного образования можно определить как вассальное ханство. Это значит, что по своему общественно-политическому устройству оно было практически идентично другим позднезолотоордынским государствам (в особенности Казанскому и Крымскому ханствам) и в вопросах внутреннего управления в изучаемый период являлось полностью независимым от своего сюзерена — Московского великого княжества, а позднее Русского государства. Ханством управлял касимовский правитель (хан или султан) вместе со своей знатью (улары, беки, мурзы и др.). Однако внешнеполитическая жизнь этого государственного образования была полностью в руках Москвы. Специфическое положение Касимовского ханства (вассальный характер государственности, географическое расположение исламского государства в православной Руси, проживание на одной территории татарского и русского населения) внесло в его устройство ряд особенностей.

Начиная с 30-х годов XVI века московское руководство начинает постепенно вмешиваться во внутренние дела Касимовского ханства, вводя элементы «параллельной» (подчиняющейся Москве) администрации³⁷⁵. Однако наиболее рельефно эти нюансы выступают на втором этапе развития Касимовского ханства.

---

³⁷⁵ Подробнее см.: Исааков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. — Казань, 1998. — С.197–198.

Г Л А В А 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МЕЩЕРСКОГО ЮРТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВВ.

§ 1. Потомки Улуг-Мухаммада

Касим. Участие Касима и Якуба в феодальной войне на стороне Василия II. В октябре 1445 года Василий II вступил на территорию Московского княжества. По данным русских летописей, вначале он прибыл в Муром, откуда направился во Владимир. «И бысть радость велика всем градом Русским», — с умилением пишет позднейший московский летописец³⁷⁶.

Безусловно, русские люди испытывали радость — все же великий князь возвращался из плена, но настроение, скорее всего, было все-таки тревожное: Василия II сопровождал внушительный татарский эскорт. В числе этого эскорта были и сыновья Улуг-Мухаммада Касим и Якуб, которые направлялись в Москву для решения последних организационных вопросов по поводу размещения ханских людей в Московском княжестве.

В Москву Василий II прибыл на Дмитриев день (26 октября)³⁷⁷. Вскоре после этого, по всей видимости, Касим вместе со своим младшим братом Якубом двинулись в предоставленный Касиму Мещерский Городок. Якуб не получил отдельного города в «удел» и, вероятно, жил вместе с Касимом в Мещере, где не являлся соправителем и никаких прав на Мещерский юрт не имел.

Однако обстановка в Московском княжестве была далеко не простой. Дмитрий Шемяка, вкусивший сладость верховной власти, не собирался примириться с новым порядком вещей. Он понимал, что обстановка недовольства военным поражением (пленением великого князя и протатарской политикой Василия II) сейчас благоприятствовала его властолюбивым замыслам, поэтому он взял на себя ини-

---

³⁷⁶ ПСРЛ. — М.; Л., 1949. — Т. 25. — С. 264. В более раннем Московском своде — «бысть радость велика всем руским князем» (ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 199); по Ермолинской летописи — «бысть радость велика и плачь от радости всем градом руским, отчине его» (ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 152).

³⁷⁷ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 152; М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 199; СПб., 1863. — Т. 15. — Стб. 492 (16 нояб.).

циативу создания блока тех сил, которые склонялись к мысли о необходимости устранения Василия II с великокняжеского престола.

Остановимся поподробнее на роли Касима и Якуба в феодальной войне в Московском княжестве во второй четверти XV века. В конфликте между Дмитрием Юрьевичем и Василием Васильевичем после суздальского поражения и пленения Василия II появился новый нюанс: Василий II стал олицетворять собой протатарскую политику. Именно из рук Улуг-Мухаммада Василий II получил великое княжение, по результатам суздальского поражения 1445 года «привел татар на Рускую землю» и вообще в своей как внутренней, так и внешней политике Василий был настроен протатарски. В свою очередь Касим и Якуб, заинтересованные в полном выполнении условий 1445 года, соответственно, во внутренних конфликтах Московского княжества поддерживали именно Василия II, а не кого-либо другого, — он был их данником и вассалом Улуг-Мухаммада, он платил «выход» Казани и Касимову, он в своей политике ориентировался на хана. Поэтому-то они, как увидим ниже, всегда в военных конфликтах между Шемякой и Василием Темным выступали на стороне последнего. Им было далеко не безразлично, кто будет сидеть на великом княжении, — от этого зависела и их судьба в Московском княжестве.

Всем этим умело пользовался Дмитрий Шемяка, распуская слухи о планах ордынцев завладеть всей Северо-Восточной Русью. Менее заинтересованная в приукрашивании московского великого князя Вологодско-Пермская летопись, созданная в середине XVI века, сообщает, что Василий II якобы «царю целовал, что царю сидети на Москве, и на всех градах Руских и на наших отчинах, а сам хочет сести на Тфери»³⁷⁸.

Подобные планы Василия II или ордынцев кажутся все же маловероятными. Однако это сообщение показывает, какого накала достигала обстановка недовольства пребыванием в Московском княжестве ханских людей, и татарских султанов в том числе.

В феврале 1446 года Дмитрий Шемяка в союзе с князем Иваном Можайским захватил Василия II в Троицком монастыре во время богослужения. В ночь с 13 на 14 февраля Василия II привезли в Москву и ослепили, а затем сослали в заточение в Углич. Москва снова оказалась в руках Дмитрия Шемяки.

Этот поворот событий был явно не в пользу татарских султанов. Они бежали в Литовскую Русь, куда направились и некоторые московские служилые люди. По сведениям Львовской летописи, этими султанами были Касим и Якуб³⁷⁹; Ермолинская летопись сообщает о Касиме, Якубе и еще одном служилом царевиче, уже достаточно дав-

³⁷⁸ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.200.

³⁷⁹ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т.20 (1 пол.). — С. 260.

но служившем у Василия II, — Бердедате³⁸⁰. Учитывая то, что в конце 1446 г. в летописях говорится только о двух царевичах на службе у Василия II, — о Касиме и Якубе³⁸¹, то представляется возможным, что уже после битвы 7 июля 1445 г. на службе у Василия II Бердедат не находился и сведение Ермолинской летописи ошибочно.

Победа Дмитрия Шемяки над Василием II вызвала явное неудовольствие у ордынских покровителей Василия Васильевича в Казани³⁸². Ответ их не заставил долго ждать. 17 апреля 1446 года («на Велик день») казанские татары, простояв три дня под Устюгом, предприняли попытку взять его штурмом. Они «приступили к городу, несучи на головах насад». Насады (лоды) должны были защитить татар от града камней, выстрелов, стрел и копий, которые сыпались на них с крепостной стены.

Хотя казанцы и подожгли городские укрепления, город им не удалось захватить. Они отошли от Устюга, получив с него «откуп, копейщину, за 11000 денег и всякою рухлядью», то есть мехами. В Устюг меха поступали из северных земель и отсюда шли на рынки в Новгород, по Волге и в центр московского княжества. Не удалось казанским татарам взять и плена. Затем они, миновав Галич, «приходили ... на Кичменгу» и вверх по реке Югу через волок направились на Ветлугу, приток Волги. Возвращаясь в Казань, они плыли на плотках «да в полоех тонули». Из отборного отряда (в набеge на Углич принимал участие «царев двор» численностью 700 человек) в Казань вернулось всего 40 человек³⁸³.

Как видим, сын Улуг-Мухаммада хан Махмуд (правил в Казани в 1445 — 1461 гг.) был явно недоволен тем, что ставленник его отца Василий Темный был свергнут с престола. Касим и Якуб, поддерживавшие Василия II, находились в связи с последними событиями (вокняжение Шемяки) на литовском порубежье.

Когда отряды Касима и Якуба двинулись на соединение со сторонниками Василия II, в Ельне они встретились с русскими войсками. Так как было неизвестно, кто перед татарами, — сторонники Шемяки или же Василия Темного, между отрядами завязалась перестрелка. После того как татары узнали, что князь идет «искать» Василия II, которого к этому времени Шемяка уже отпустил на Вологду, недоразумение уладилось. Татары, по сообщениям русских летописей, с сочувствием говорили о Василии II: «...братья над ним израду учинили, и они пришли искати великого князя за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра его до нас было»³⁸⁴.

³⁸⁰ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т.23. — С.153.

³⁸¹ ПСРЛ. — Л., 1925. — Ч.1. — Т.4. — С.455; М.; Л., 1959. — Т.26. — С.207.

³⁸² Зимин А.А. Витязь на распутье. — М., 1991. — С.113.

³⁸³ ПСРЛ. — Л., 1982. — Т.37. — С.87 — 88.

³⁸⁴ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.206; Л., 1925. — Ч.1. — Т.4. — С.455; М.; Л., 1962. — Т.27. — С.273; СПб., 1853. — Т.6. — С.176; 1859. — Т.8. — С.120.

Конечно, сообщение летописей отражает события тенденциозно — «добро» и «хлеб» можно было бы назвать своими именами: русские города в уделы татарским царевичам и огромный выкуп за великого князя, а также более постоянные даннические обязательства — «выход» в Казань и в «Царевичев городок» (Касимов).

Встреча великого князя Василия II с Касимом и Якубом произошла в Ярославле в начале (январь-февраль) 1447 года³⁸⁵. Вскоре, 17 февраля 1447 года («в пяток сырный»), Василий Васильевич с триумфом вошел в Москву³⁸⁶. Шемяка вынужден был бежать.

По всей видимости, казанский хан Махмуд в июне-июле 1447 года еще был заинтересован в Василии II как великом князе. Царевичей мы видим также на стороне Василия II. Это зафиксировано в «перемирной грамоте» Дмитрия Шемяки и его союзника можайского князя Ивана Андреевича с союзниками великого князя Михаилом Андреевичем Белозерским и Василием Ярославичем Боровским (датирована началом июля 1447 года)³⁸⁷. Перемирие предусматривало прекращение военных действий галицкого и можайского князей с великим князем. Во время перемирия они обязались «на князя великого Василья Васильевича, и на князя Михаила Андреевича, и на князя Василья Ярославича, и на царевичев, и на князей на ордынских, и на их татар не ити, и не изгонити их, не пастися им от нас никоторого лиха»³⁸⁸. Царевичи не названы по именам, однако в данный период (1445–1450 гг.) в Московском княжестве находились только Касим и Якуб, следовательно, речь здесь идет именно о них. Как видим, Касим и Якуб однозначно указаны в числе поддерживающих Василия II.

Однако дальнейшие события заставили Махмуда сменить свои политические ориентиры в Московском княжестве. Как правильно отмечает А.А.Зимин, победы великокняжеских войск в 1446–1447 гг. привели к изменению характера отношений в треугольнике Василий II — Дмитрий Шемяка — Махмуд³⁸⁹. Казанский хан понял, как опасен стал для него великий московский князь, получивший престол из рук Улуг-Мухаммада. Верный традиционной ордынской политике, Махмуд решил теперь поддерживать Дмитрия Шемяку, то есть слабейшего, и тем самым не допускать дальнейшего усиления власти Москвы.

В свою очередь Дмитрий Шемяка, также ведущий сложную политическую игру, после ряда неудач пришел к мысли о необходимости

³⁸⁵ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.207; СПб., 1910. — Т.23. — С.154; 1863. — Т.15. — Стб. 493; 1853. — Т.6. — С.178; 1859. — Т.8. — С.121.

³⁸⁶ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.207; СПб., 1910. — Т.23. — С.154; СПб., 1863. — Т.15. — Стб.493.

³⁸⁷ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 46. — С.140–142.

³⁸⁸ Там же. — С.141.

³⁸⁹ Зимин А.А. Витязь на распутье. — М., 1991. — С.128.

сти расширить фронт своих союзников. После того как Махмуд предложил Шемяке союз против Василия II, он, видоизменив свою старую антиордынскую программу, охотно откликнулся на это предложение. Еще в 1445 г. Дмитрий Юрьевич не послал своих войск против сыновей Улуг-Мухаммада (и в первую очередь против Махмуда), и поэтому, видимо, уже в то время хан склонялся к тому, чтобы именно ему передать ярлык на великое княжение. Досадное стечение обстоятельств не позволило этим планам осуществиться. В конце 1447 года Махмуд решил попытаться снова вернуться к планам 1445 года.

Касаая общей политической ситуации в Восточной Европе в это время, отметим, что наряду с Махмудом наследниками бывшего величия Золотой Орды во второй половине 40-х гг. XV века были Сеид-Ахмад, кочевавший преимущественно в Подолии и упорно враждовавший с Казимиром IV, Кичи-Мухаммад, господствовавший в «Поле», и ставленник литовского великого князя Хаджи-Гирей³⁹⁰.

В этой непростой обстановке, сложившейся в «Поле», Дмитрий Шемяка, пытаясь упрочить свои позиции в Среднем Поволжье, сделал ставку на Махмуда (конечно, все было не так однозначно — то ли Шемяка делал ставку на Махмуда, то ли Махмуд делал ставку на Шемяку; в политике каждый пытается использовать в своих целях другого, в том числе и слабый может использовать сильного. В данной ситуации, разумеется, слабым был Шемяка, а не казанский хан).

По словам русских церковных иерархов (декабрь 1447 года), Дмитрий Шемяка посылал в Казань своего посла настраивать хана Махмуда «на все лихо» против Василия II. В ответ на это, писали иерархи Шемяке, «посол его к тебе пришел, у себе его и ныне держишь»³⁹¹. Далее Махмуд «поймал да сковал и ныне держит» киличю Василия II «у себе, в железех скованного».

Василий II посылал к Шемяке сначала своего боярина, потом своих детей боярских с тем, чтобы галицкий князь отпустил к нему посла Махмуда. Но Шемяка этого не сделал и даже не позволил послу Махмуда встретиться с великокняжеским боярином и детьми боярскими. Не отдал князь Дмитрий «все лутшее» из награбленного добра великого князя. Не вернул Шемяка и захваченных ярлыков, дефтерей и докончальных грамот³⁹². Дмитрий Юрьевич решительно отказывался платить дань Сеид-Ахмаду: «От царя Седи-Яхмата пришли к брату твоему старейшему великому князю его послы, и он к тебе посылал просити, что ся тебе имает дати с своей отчины

³⁹⁰ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.; Л., 1956. — С.419; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С.262.

³⁹¹ Цит.по: Зимин А.А. Витязь на распутье. — М., 1991. — С.129.

³⁹² АИ. — СПб., 1841. — Т.1. — № 40. — С.80.

в те в татарские просторы; и ты не дал ничего, а не зоучи царя Седи-Яхмата царем».

Закончив подготовку к выступлению против Дмитрия Шемяки, Василий II решает предпринять последний демарш, используя для этой цели авторитет церкви. 29 декабря 1447 года высшие иерархи русской церкви (включая рязанского епископа Иону), явно по прямому указанию Василия II и его окружения, составляют послание Дмитрию Шемяке. В нем они перечисляют «вины» и «неисправления» мятежного князя, в первую очередь нарушение галичским князем последним договорной грамоты с Василием Васильевичем. Прежде всего, пишут они, обращаясь к Шемяке, «ты на него [Василия II. — *Б.Р.*] добываясь, а христианство православное до конца губя, съсылаешь с иноверци, с поганьством и с иными со многими землями, а хотя его и самого конечно погубити и его детки, и все православное христианство раздрушити»³⁹³.

Иерархи утверждают, что Дмитрий Шемяка пытается подбить на выступление против великого князя соседей: «... всюды во христианство, так и в бесеренство, к Новгороду к Великому посылаешь, ко князю Ивану Андреевичю посылаешь, к вятчаном посылаешь»³⁹⁴.

Касаясь деликатного вопроса о татарах на Руси, иерархи от имени великого князя обещали, что, как только Шемяка «управится ... во всем чисто по крестному целованию», Василий II тотчас «татар из земли вон отошлет». Однако татары задержались на Руси — Касимовское ханство просуществовало с 1445-го по 1681 год, и ни Касим, ни его сын Данияр, ни другие касимовские правители «вон» «из земли» высланы не были.

Тем временем хан Махмуд, поддерживающий в данной обстановке Шемяку, в Филиппово заговенье (15 ноября — 25 декабря) 1447 года выступил в поход против Владимира и Муром и иных городов. Но Василий II послал против него войска (в том числе Касима и Якуба), и поход казанского хана окончился ничем³⁹⁵.

По всей видимости, в это время (ноябрь — декабрь 1447 г.) сыновья Улуг-Мухаммада — Махмуд, Касим и Якуб — уже не представляли собой единое целое и в политическом плане оказались по разные стороны баррикад. Махмуд, являвшийся казанским ханом, считал для себя более выгодным поддержать в конфликте между Василием Темным и Дмитрием Шемякой последнего. Его постоянной целью было ослабление внутреннего положения Московского княжества как своего конкурента на внешнеполитической сцене. Ранее достижению этой цели способствовала поддержка через Касима и Якуба Василия II, как данника казанского хана и сторонника протатарской

³⁹³ Там же. — С.79.

³⁹⁴ Там же. — С.80.

³⁹⁵ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.207.

политики, поэтому Касим и Якуб служили проводниками политики своего отца на территории Московского княжества.

В конце 1447 года Василий II и его многочисленные к тому времени союзники сильно упрочили свое положение, что не входило в планы Махмуда, так как при таком развитии событий недалеко было и до выхода Василия II из подчинения Казани (что, в принципе, уже произошло — Василий II в Филиппово заговенье 1447 года выслал против него войска). Поэтому Махмуд решил поддерживать Дмитрия Шемяку.

Этого нельзя сказать о Касиме и Якубе, которые за достаточно длительное время союзничества с Василием II (октябрь 1445 — конец 1447 гг.), по всей видимости, установили с ним и с его окружением неплохие партнерские отношения и, несмотря на изменившуюся ориентацию их старшего брата, решили уже постоянно поддерживать великого князя. Вероятно, подобная поддержка была не безвозмездной — Василий II наверняка (как это обычно делалось для привлечения союзников) пообещал к уже полученному Мещерскому Городку новые земельные владения.

К тому же, если принять за веру сообщения некоторых летописей (в частности, «Казанского летописца») о факте убийства Махмудом своего отца Улуг-Мухаммада (а такие случаи в истории Золотой Орды встречаются), то объяснение полярности братьев получает следующее логическое подтверждение.

Придя к власти через труп отца, Махмуд не мог вызвать содеянным благодарности братьев, в общем-то ведущих самостоятельное существование. Именно желанием Касима и Якуба отомстить за отца руководствовался Василий II, направляя в 1447 г. войско против Махмуда и, естественно, преследуя свои цели. Поэтому полярность позиций родных братьев — сыновей Улуг-Мухаммада с осени 1447 г. вполне понятна и объяснима.

Весной 1449 г. (после пожара 25 апреля) в Твери распространился слух, что в поход на Тверскую землю выступает Казимир IV. Якобы и Дмитрий Шемяка, находившийся в Новгороде, собирался напасть на тверскую «украину»³⁹⁶. Однако Шемяка тогда, очевидно, находился в Галиче.

На «Велик день» (13 апреля 1449 года) Шемяка подошел «со мною силою» к Костроме³⁹⁷.

Узнав о движении войск князя Дмитрия, в поход против него выступил и сам Василий II. С ним вместе в походе принимали уча-

³⁹⁶ Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Сообщение Н.П. Лихачева. — СПб., 1908. — С.34–36.

³⁹⁷ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.288. В Московских летописях прямо не сказано, откуда вышел в поход Д.Шемяка. В Ермолинской летописи говорится, что на Василия II «подоша... собравше силу многу», князя Дмитрий и Иван (ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т.23. — С.154).

стие и татарские царевичи Касим и Якуб «со всеми силами», князя Василий Ярославич и Михаил Андреевич, а также митрополит и епископы, так как походу придавался статус выступления против «клятв-вопреступника»³⁹⁸. Неизвестно, откуда выступили Касим и Якуб в поход, возможно, что из Мещерского Городка, а возможно, что в данной нестабильной политической ситуации Василий II предпочитал их держать при себе, так как конница царевичей представляла собой мощную военную силу.

После того как войска подошли к Волге, Василий II выслал против Шемяки свою «братию» и татарских царевичей, а сам стал в селе Рудине на Ярославщине. Однако враждующие стороны замирились.

В 1449 году Касим (без Якуба) вновь появляется на исторической сцене. В этом году «скорые татарове Седи Ахметевы» дошли до Пахры, но были разбиты Касимом, выступившим из Звенигорода, и «розсунашася по земле»³⁹⁹.

Некоторые исследователи, например, К.В.Базилевич⁴⁰⁰, а также А.А.Зимин⁴⁰¹, опираясь на это сообщение Воскресенской и Никоновской летописей, полагают, что раз Касим выступил из Звенигорода, то можно сделать вывод о том, что первоначально Касиму был предоставлен в удел город Звенигород. Позволю себе с этим не согласиться. Выступление из Звенигорода — это еще не факт того, что Звенигород являлся в то время уделом Касима и, возможно, Якуба. В источниках в большинстве случаев вообще не указывалось, откуда в данное время (1445–1450 гг.) выступали в походы царевичи.

В 1446 году царевичи со своими отрядами встретились с русскими войсками в Ельне (откуда выступили царевичи, летописи молчат), в 1447 году Касим и Якуб соединились с великим князем в Ярославле (место выступления опять-таки неизвестно). В 1449 году, весной, Василий II брал с собой в поход против Шемяки татарских царевичей — Касима и Якуба (откуда они прибыли к нему, неизвестно, возможно, что они просто находились при Василии II, на случай срочных военных действий). Зимин говорит, что «в конце 1446 года татарские царевичи (в том числе и Касым) на московской службе размещались где-то на литовско-русском порубежье»⁴⁰².

Это утверждение Зимина, судя по летописной реконструкции событий, ошибочно. Татарские царевичи в конце 1446 года не размещались на литовско-русском порубежье, а находились там, так как вместе с некоторыми московскими служилыми людьми бежали в

³⁹⁸ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.208.

³⁹⁹ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.122; СПб., 1901. — Т.12. — С.74–75.

⁴⁰⁰ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. — М., 1952. — С.58.

⁴⁰¹ Зимин А.А. Витязь на распутье. — М., 1991. — С.136, 172.

⁴⁰² Там же. — С.136.

сторону Литвы от захватившего великокняжеский престол Дмитрия Шемяки⁴⁰³.

Царевичи во время заключительного этапа феодальной войны 1445–1453 гг. попросту не могли находиться на одном месте, так как они поддерживали Василия II и находились там, где более всего нужна была их боевая конница. Это мог быть как Звенигород, так и другой населенный пункт; зачастую они вообще находились вместе с самым великим князем, для более оперативного реагирования на военные действия противника (Шемяки).

В конце 1449 — начале 1450 г. начался новый поход Василия II против Шемяки. Получив известие, что Дмитрий Шемяка пошел к Вологде, великий князь направился не в Галич, как предполагалось раньше, а в северные костромские волости Иледам и Обнора, для того чтобы оттуда двинуться навстречу своему врагу в Вологду.

Когда Василий II дошел до церкви св. Николы на Обноре, ему сообщили, что князь Дмитрий повернул к Галичу. Тогда Василий II двинулся вдоль реки Обноры вниз, затем вдоль реки Костромы вверх и остановился у Железного Борока в Иоанно-Предтеченском (Железоборовском) монастыре, неподалеку от устья Вексы. Здесь он прослышал, что Дмитрий Юрьевич уже не только в Галиче, но и собрал большое войско: около него людей много, «а город крепит и пушки готовит, и рать пешая у него, а сам перед городом стоит со всею силою».

Василий II назначил князя В.И.Оболенского главным воеводой и отправил его под Галич «со всею силою своею». С ним он отпустил и «прочих князей и воевод многое множество, потом же и царевичев отпустил и всех князей с ними»⁴⁰⁴. Царевичи — это, безусловно, Касим и Якуб. Они вновь оказываются со своими князьями в рядах великокняжеского войска.

Двигаясь вдоль замерзшей реки Вексы, войска князя В.И.Оболенского 27 января 1450 года подошли к Галичу. Князь Дмитрий расположился со всеми силами на горе под городом. Воеводы подошли к горе со стороны озера и начали взбираться на нее из оврагов. Из города стали стрелять из пушек, тюфяков и самострелов, но «не убиша никого же».

В рукопашном сражении победили великокняжеские полки. Они «многих избиша, а лутчих всех руками яша, а сам князь едва убежа, а пешую рать мало не всю избиша, а город затворился». Дмитрий Шемяка бежал в Новгород⁴⁰⁵.

В 1450 и 1451 годы (то есть примерно до начала 1452 года) Дмит-

⁴⁰³ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т.23. — С.153; М.; Л., 1959. — Т.26. — С.206.

⁴⁰⁴ ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.209; СПб., 1859. — Т.8. — С.122, 123; 1853. — Т.6. — С.178, 179.

⁴⁰⁵ ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т.16. — Стб.192.

рий Шемяка жил в Устюге, и активных военных действий в это время не было. Правительство Василия II было занято другими проблемами, связанными с тревожным положением на южных и восточных границах великого Московского княжества. В 1450 г., когда великий князь находился в Коломне, к нему пришло известие, что на Русь «с Поля» движется улан Меулим-Бирды с татарскими князьями и «многими татараы». Против них были посланы отряд Касима с «его татарами» и воевода К.А.Беззубцев «с коломничы». Они нагнали ордынцев на реке Битюге (приток Донца) «в Поле» и разбили их («побиша татар много») ⁴⁰⁶.

Как видим, даже при отсутствии военных действий с Шемякой Касим уже не остается без дела — его посылают против татарских войск, что по окончании феодальной войны прочно войдет в практику как Василия II, так и его сына Ивана III.

В 1451 году Дмитрий Шемяка пытается активизировать свои действия. В конце года великий князь получил известие, что Шемяка движется к Устюгу. Нужно было действовать незамедлительно. Проведя Рождество (25 декабря) в Москве, великий князь в знаменательный для него Васильев день (1 января) выступил из столицы в поход. Крещение (6 января 1452 года) он провел в Троицком монастыре, а оттуда направился в Ярославль. Из Ярославля против Дмитрия Юрьевича был послан с войсками сын великого князя Иван. Он должен был покарать кокшаров — жителей плодородной Устюжской волости по реке Кокшенге (приток Устья, впадающий в Вагу) ⁴⁰⁷ за поддержку Дмитрия Шемяки.

Стратегическая цель планировавшейся военной экспедиции состояла в том, чтобы отрезать мятежный Устюг от его возможного союзника Новгорода ⁴⁰⁸.

Лишая Устюг экономической базы, Василий II стремился его обескровить и ускорить капитуляцию. Кокшенгский край населен был «инородцами», и привкус крестового похода против «поганых» чувствовался в экспедиции княжича Ивана. Двенадцатилетний наследник престола действовал под присмотром великокняжеских воевод. Василий Васильевич, лишенный из-за своей слепоты возможности активно участвовать в военных действиях, решил с малых лет привлекать княжича Ивана к бранным делам.

Сам Василий II двинулся к Костроме, обходя Устюг с юга. Пойдя к Костроме, он в дополнение к уже посланным войскам направил к княжичу Ивану султана Якуба с его татарами ⁴⁰⁹. Еще ранее на

⁴⁰⁶ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т.23. — С.154; М.; Л., 1959. — Т.26. — С.210; 1962. — Т.27. — С.116; Л., 1982. — Т.37. — С.88; СПб., 1859. — Т.8. — С.123; 1901. — Т.12. — С.75.

⁴⁰⁷ Там же. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.212.

⁴⁰⁸ Зимин А.А. Витязь на распутье. — М., 1991. — С.148.

⁴⁰⁹ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.179, 180; 1859. — Т.8. — С.125.

Устюг двинулись князь С.И.Оболенский и великокняжеский двор («иных многих, двор свои»). Как видим, в данном случае в одиночку действует уже Якуб, без Касима. Якуб выступает в поход «с татарами». Вероятно, это была та дружина султанов, с которой они прибыли в Московское великое княжество в 1445 году. Неизвестно, был ли у каждого из них свой отряд под непосредственным началом каждого в отдельности или же дружина была «общей» и с нею выступал в поход тот султан, который был готов к этому в данный момент (не был болен и т.д.). Однако известно, что в разных походах принимал участие и каждый султан в отдельности «с татарами» (не одновременно) и сразу оба султана «с татарами». На мой взгляд, дружина у царевичей была все же одна, так как в формулировку «татары» включались как простые служилые татары (казаки), так и титулованная прослойка военной знати — уланы, беки и мурзы, которых было не так много, чтобы каждый царевич имел своих собственных (учитывая, что пришли царевичи из одного государства — Казанского ханства).

Находившийся под Устюгом князь Дмитрий Юрьевич, узнав, что Василий II вошел уже в Галич, а великокняжеские воеводы приближаются к Устюгу, понял, что ему грозит реальная опасность окружения. Тогда он сжег посады Устюга, оставил в городе своего наместника Ивана Киселева и поспешил на Двину. В погоню за Шемякой отправились великокняжеские воеводы «с силою, Югом мимо Устюг», не задержавшись ни на один день под городом⁴¹⁰.

Якуб в это время с двенадцатилетним Иваном, будущим Иваном III, на Кокшенге расправлялись с кокшарами — «градцы их поимаше, а землю всю поплениша и в полон поведоша». По Устюжской летописи, путь их пролегал с Галишны на реку Городышину, приток Сухоны, далее на Сухону, Селенгу и, наконец, на Кокшенгу (ее верховья близки к Сухоне). Здесь Иван Васильевич «город Кокшенской взял, а кокшаров секл множество»⁴¹¹. Великокняжеская рать дошла до устья Ваги и Осипова Поля и вернулась «со многим пленом и великою корыстью»⁴¹².

Это последнее появление Якуба в источниках. После 1452 г. он более не упоминается. Возможно, что он умер либо просто по каким-либо причинам сошел с исторической сцены.

Также это последнее упоминание об участии татарских царевичей в последнем, заключительном этапе феодальной войны (1445–1453 гг.). Как известно, она закончилась в 1453 году отравлением Дмитрия Шемяки в Новгороде.

Подведем некоторые итоги. В самом начале завершающегося этапа войны, в 1445–1446 гг., султаны Касим и Якуб служат в Московском

⁴¹⁰ ПСРЛ. — Л., 1982. — Т.37. — С.89; М.; Л., 1959. — Т.26. — С.212.

⁴¹¹ ПСРЛ. — Л., 1982. — Т.37. — С.89; М.; Л., 1962. — Т.27. — С.118.

⁴¹² ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т.26. — С.212.

великом княжестве проводниками политики Улуг-Мухаммада, исходя из которой один из них, Касим, получил во владение Мещерский Городок на Оке, в результате чего было образовано Касимовское ханство. Так как договоренность была заключена Улуг-Мухаммадом с Василием II и именно он был данником и вассалом ордынского царя, то царевицы в этот период поддерживают именно его. Однако в 1447 году политическая ситуация изменилась, и новый казанский хан Махмуд решил сделать ставку на Шемяку, как на более слабого. Царевицы остались верны Василию II, так как за два года партнерства с ним они, по всей видимости, нашли более перспективным поддержать усилившегося великого князя и прочно связать свои политические судьбы с его судьбой.

Их расчет был верным. В феодальной войне победил Василий II, и, по всей видимости, он не забыл о поддержке царевиц. Возможно, земельные владения царевиц еще более увеличились.

Полярность позиций родных братьев — казанского хана Махмуда и московских служилых султанов Касима и Якуба отчасти объясняется их различными политическими судьбами — Махмуд находился во главе враждебного Москве Казанского ханства, царевицы же волею исторических судеб оказались в рядах партнеров Василия II и находились в Московском княжестве и, соответственно, просто по объективным причинам не могли быть врагами Москвы.

* * *

В 1462 году московский престол занял сын Василия Темного Иван III (1462–1505). В годы его правления фактически завершилось объединение русских земель. Иван III был одним из трех русских правителей, которых потомство назвало великими. Оставленный им след в русской истории был глубок и значителен. Во время его правления были решены задачи, поставленные еще в предшествующий период, — объединение русских земель и освобождение от ордынской зависимости. Однако деятельность Ивана III не ограничивалась выполнением только этих задач. При нем началось строительство централизованного государства и формирование основных направлений внешней политики России, то есть намечались пути, по которым должно было пойти Русское государство в следующем XVI столетии.

Смена великого князя не могла не отразиться и на положении Касимовского ханства. В результате усиления Московского великого княжества, которое уже начало сказываться в первое пятилетие княжения Ивана III (успехи в подчинении Ярославского и Ростовского княжеств, реальная власть Москвы в Рязанском княжестве, признание верховной власти московского великого князя Псковской боярской республикой), фактического расширения владений Московского государства, Касимовское ханство оказалось в черте этих

подчиненных Ивану III княжеств. В связи с этим теряется функция Мещерского юрта по защите русских земель от набегов кочевников с Востока, постепенно сходит на нет роль «буферного государства». С утратой этого значения Касимовским ханством меняется и положение касимовских владельцев, их отношение к московскому великому князю. После убийства Улуг-Мухаммада руки Василия II были развязаны. Отсутствие поддержки со стороны Казани, а может быть, и нежелание принимать ее из рук отцеубийцы ставило Касима и Якуба в двусмысленное положение. Из посланников-контролеров касимовские правители превращаются в слуг Ивана III и последующих русских государей, теряя некоторые из прав, которыми они обладали на раннем этапе существования ханства. Правда, они все еще продолжали пользоваться значительной долей самостоятельности, особенно в делах внутреннего управления ханством.

* * *

Выдвижение Касима претендентом на казанский престол (1467 г.).

Из двух крупных частей распавшейся Золотой Орды — Большой Орды и Казанского ханства — самую большую опасность для великого княжества Московского в середине XV века представляло именно Казанское ханство, «нависавшее» над суздальско-нижегородской окраиной⁴¹³. В середине XV в., как отмечают многие авторитетные исследователи, ханство переживало процесс внутреннего укрепления. И хотя после возвращения из казанского плена Василию II удавалось предотвращать новые нападения Казани, это обстоятельство нельзя рассматривать как признак долголетних мирных отношений между Москвой и Казанью. Поэтому Московское княжество стремилось всеми средствами нейтрализовать влияние и силу Казанского ханства. Одним из таких средств было выдвижение своего ставленника на казанский ханский престол.

В 1467 году в Казани скончался хан Халиль (сын Махмуда)⁴¹⁴. Он был бездетным, и после его смерти ханом был провозглашен его брат Ибрагим. Согласно тюркскому обычаю, вдова Халиля ханша Нур-Султан вышла замуж за Ибрагима, младшего брата покойного мужа.

В течение 60-х годов XV века среди руководящих кругов Казанского ханства стала выявляться дифференциация, наметилось образование двух политических направлений. Из-за недостаточного количества источников и неразработанности данного вопроса в научной литературе, трудно определить главные составляющие этих разногласий и выяснить характер течений. Одну группу, по-видимому,

⁴¹³ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. — М., 1952. — С.57.

⁴¹⁴ Худяков М.Г. Очерки ... — М., 1991. — С.36.

устраивали существующие властные взаимоотношения в Казани, другую можно условно назвать оппозицией по отношению к правительственному курсу. Во главе оппозиции стоял «князь» (видимо, бек) Абдул-Мумин.

Смертью хана Халиля в 1467 году и воспользовалась эта оппозиция, как говорит Худяков, для попытки «произвести переворот»⁴¹⁵. Она выдвинула нового кандидата на ханский престол — это был Касим, проживавший в то время, как мы знаем, в Мещерском Городке, дядя Халиля и Ибрагима.

Борьба за престол была вызвана тремя причинами — династическими соображениями, политическими разногласиями внутри Казанского ханства и вмешательством московского правительства.

С точки зрения династических соображений это была борьба за власть между дядей и племянником, каких немало можно насчитать в истории удельной Руси. Это была борьба между родовым «очередным» порядком правления и единонаследием верховной власти. Из сыновей Улуг-Мухаммада старший, Махмуд, получил Казанское ханство, средний, Касим, был удельным государем в Мещере.

После смерти хана Халиля (сына Махмуда) возник вопрос, должен ли Касим перейти из Мещерского Городка на ханский престол в Казани. Династический характер борьбы, происходившей между Касимом и Ибрагимом, в литературе освещался слабо: С.М.Соловьев⁴¹⁶ и В.В.Вельяминов-Зернов⁴¹⁷ видели центр тяжести всей борьбы не в притязаниях Касима, а исключительно во внутренней оппозиции в Казани; Карамзин склонен был видеть большую инициативу в самом Касиме, который «имел сношения с вельможами казанскими»⁴¹⁸, но он не обратил внимания на династические отношения Касима и Ибрагима, подчеркнув лишь то обстоятельство, что последний был пасынком первого, а не то, что он был его племянником.

Историк Казанского ханства М.Г.Худяков так объясняет ситуацию: царевич Касим жил далеко, вне Казани, и его права на престол были чисто формальными; от него могли ждать чего-то нового в государственном управлении. Царевич же Ибрагим был перед глазами, и от него можно было ожидать лучшего знания текущих дел Казанского ханства. Устранить такого кандидата могло быть выгодно лишь для тех, кто был недоволен существовавшим порядком и желал перемены с переходом власти к пришедшему издали престарелому кандидату, едва ли знакомому с внутренними казанскими делами.

⁴¹⁵ Там же. — С.37.

⁴¹⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1988. — Т.5—6. — С.63.

⁴¹⁷ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.53—54.

⁴¹⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. — Ростов н/Д, 1994. — Т.4—6. — С.37—38.

Вокруг Ибрагима, очевидно, объединились все те, кто был у власти в правление ханов Махмуда и Халила, для них новое царствование представлялось непосредственным продолжением предыдущих, и они не хотели подвергать себя случайностям новой политики, которая могла исходить от султана, приехавшего в Казань из-за границы⁴¹⁹. Кандидатуру Касима должны были поддерживать те, кто имел основания ждать политических перемен и рассчитывал играть видную роль при новом правительстве, которое было бы обязано этой группе своей властью. Вельяминов-Зернов высказал мысль, что против Ибрагима были князья, им угнетаемые⁴²⁰. Логичным выглядит предположение, что к власти стремились лица, неудовлетворенные прежним положением дел.

Кандидатура царевича Касима, жившего у себя в Городке, повлекла вмешательство московского правительства, выразившееся в помощи ему военной силой, в дела Казанского ханства. Касим выступил в качестве претендента на казанский престол, опираясь не только на свое татарское войско, но также получив поддержку от московского правительства. Не располагая в Мещерском юрте значительными силами, Касим поддержал инициативу Ивана III о предоставлении ему мощной военной поддержки. Как бы то ни было, факт остается фактом: Касим выступил во главе своих татар и в сопровождении сильного русского войска, находившегося под началом князя Ивана Васильевича Стриги-Оболенского (по сведениям Никоновской и Софийской II летописи, он был с «прочии» — кто был с ним конкретно, не уточняется⁴²¹; по данным Новгородской IV летописи и Воскресенской летописи, со Стригой-Оболенским был Иван Юрьевич Патрикеев⁴²²; Софийская I летопись в числе воевод великого князя указывает Даниила Дмитриевича Холмского⁴²³).

Москва нашла целесообразным поддержать претендента и тем самым вмешаться во внутренние дела Казанского ханства. Несомненно, говорить в данном случае о поддержке или помощи можно лишь условно, так как на самом деле со стороны московского правительства это было не чем иным, как завуалированным использованием Касима в целях внешней политики. Касим же, видимо, преследовал свои цели — надеялся получить реванш за коварное убийство Улуг-Мухаммада Махмудом и оттеснить таким образом его ближайших родственников от власти.

В связи с этим хотелось бы снова коснуться изменившейся политической обстановки и связанной с нею эволюции положения как Касима внутри Русского государства, так и его «удела» — Мещеры.

⁴¹⁹ Худяков М.Г. Очерки ... — М., 1991. — С.37–38.

⁴²⁰ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.53.

⁴²¹ ПСРЛ. — СПб., 1901. — Т.12. — С.118; 1853. — Т.6. — С.187.

⁴²² Там же. — СПб., 1859. — Т.8. — С.152; 1848. — Т.4. — С.132, 149.

⁴²³ Там же. — СПб., 1851. — Т.5. — С.274.

Момент, когда московское правительство решило вмешаться в казанские дела (сентябрь 1467 года — «с Воздвижения дни»), существенно отличался от эпохи суздальского поражения 1445 года. В течение XV века складывается Русское единое государство, формирование которого сопровождалось быстрым усилением его центра — Москвы. Политическое возвышение Московского княжества возрастало с каждым десятилетием, и если в 40-х годах XV века мы видели Василия II татарским пленником и данником, то теперь, в 60-х, на московском престоле сидел энергичный правитель, уверенно выступавший на широком поле международной политики.

Правительство Ивана III, сменившего Василия Темного, развивало свою деятельность в совершенно новом, широком масштабе и в своем размахе опиралось на рост сил страны, которая успела оправиться и окрепнуть после понесенного им поражения.

Иван III, вступивший на престол в 1462 году, вскоре начал проводить активную политику по отношению к Казанскому ханству, и поддержка, оказанная Касиму, явилась первым шагом в этой политике. В случае предоставления ханского престола царевичу, 20 лет прожившему в Русском государстве и бывшему в некотором смысле своим человеком, московское правительство, вероятно, надеялось достигнуть благоприятного для себя влияния на дела соседнего государства.

С этого времени мы можем отметить и некоторые изменения в положении Касимовского ханства и его царей и царевичей в Русском государстве. Московские великие князья и цари, сначала очень осторожно, как в случае с Касимом, а затем и открыто (Шах-Али, Джан-Али), начинают использовать касимовских правителей в своих целях. Само же Касимовское ханство постепенно движется к статусу марионеточного государства, каким мы его видим впоследствии. Конечно, ничего этого нельзя сказать применительно к 1445 году, когда Москва еще не была достаточно сильна.

Относительно претензий Касима на казанский престол можно отметить еще и следующее. В Москве принят наследственный принцип передачи власти от отца к сыну. Применительно же к Казани (случай с Касимом) московское руководство поддерживало принцип от старшего брата к младшему. Разумеется, вряд ли здесь можно говорить о принципиальной поддержке московским правительством принципов «лестничной» власти. Это не что иное, как политика. Москва поддерживала того претендента на казанский престол, который был ей удобен и выгоден в данный момент.

Первые шаги московского войска и Касима против Казани были неуверенны и довольно неудачны. По новгородской летописной версии событий, Касим с воеводами встали на Горной стороне Волги «втаи» (тайно, то есть сделали засаду). Казанские татары переправились на Горный берег и уже вышли из судов, но перебить их помешал «постельник великого князя» некий Айдар Карпович Григорьев, который «устрасил» татар своим боевым кличем, и они сбежали

от русских на Луговой берег, избежав таким образом неминуемой гибели⁴²⁴. Эту же трактовку повторяет Софийская I летопись⁴²⁵.

Никоновская, Софийская II, а также Воскресенская летописи описывают поход Касима на Казань так. Осенью 1467 года, с «Воздвижениева дни», Касим с московскими воеводами отправился к Казани. Подойдя к Волге, москвичи стали искать место для переправления на Луговой берег, но здесь их встретил казанский хан Ибрагим и не дал им возможность переправиться⁴²⁶. Причем если все летописи говорят о том, что Касим «позван бысть царевич от князей Казанских, от Абдул-Мамона и от прочих, на царство лестию, он же надеяся на них, а лести их не ведаа, испроси силу у великого князя, чаа получитьи обещанное ему», то есть инициатива в организации похода возлагается на Касима, который не ведал лести казанских вельмож, то Воскресенская летопись в заголовке перед описанием этого события выражается крайне ясно: «О царевиче Касиме, како ходил к Казани с великого князя воеводами на великого князя службу». Касим-то, оказывается, ходил на службу к великому князю!

Инициатива в организации и военно-политическом обеспечении похода в интерпретации этого тенденциозного текста исходила от великого князя, Касим в понимании великого князя и отражающих его устремления летописцев к этому времени уже превратился в его пешку. Правда, Воскресенская летопись, как утверждает Шахматов, составлена в 30-х или 40-х годах XVI века, то есть в позднейшее время, и здесь возможна уже поздняя редакция текста, когда все подогнано под инициативу московских князей и царей.

Итак, войско, данное для поддержки Касима, встретило хорошо организованное сопротивление среди жителей Казанского ханства. Хану Ибрагиму без труда удалось объединить силы своего государства и дать дружный отпор Касиму.

Пройдя к Волге, русское войско и Касим увидели на другой стороне многочисленные отряды хана Ибрагима. Ибрагим со своим войском не допустил переправы Касима, и ему с воеводами ничего не оставалось, как повернуть назад. Причем по пути домой войско претерпело большие лишения⁴²⁷.

Вскоре после этого, Касим, по-видимому, умер. Сделать вывод о его смерти (около 1469 года) можно из следующего факта: в этом году великий князь Иван III отпустил в Казань к хану Ибрагиму жену Касима⁴²⁸ (по тюркскому обычаю) — разумеется, нелогично и

⁴²⁴ ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т.4. — С.149.

⁴²⁵ ПСРЛ. — СПб., 1851. — Т.5. — С.274.

⁴²⁶ ПСРЛ. — СПб., 1901. — Т.12. — С.118; 1853. — Т.6. — С.187; 1859. — Т.9. — С.152.

⁴²⁷ ПСРЛ. — СПб., 1901. — Т.12. — С.118; 1853. — Т.6. — С.187; 1859. — Т.8. — С.152.

⁴²⁸ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.190; 1859. — Т.8. — С.156–157; 1901. — Т.12. — С.122.

нелепо при живом муже отпускать жену к племяннику мужа. Видимо, Иван III решил и здесь применить хитрый политический ход — как-либо воздействовать через мать на сына (жена Касима была матерью Ибрагима, так как досталась ему в жены после смерти брата Касима — казанского хана Махмуда; согласно тюркскому обычаю, вдова Махмуда должна была выйти замуж за брата своего покойного мужа — Касима).

Относительно внутренней политической жизни Касимовского ханства при его первом правителе данных крайне мало. Лишь в уже упоминавшейся договорной грамоте Ивана III с великим князем рязанским Иваном Федоровичем, датированной 9 июня 1483 года, мы узнаем о двух государственных деятелях времени правления Касима — князьях Кобяке (сын Айдара) и Исаке (сын Ахмада)⁴²⁹. Великий князь московский Василий II договаривался с ними о денежных выплатах, которые шли с рязанской земли как касимовскому царевичу, так и его должностным лицам — князьям, дарагам (сборщики дани) и казначеям. Таким образом, высшее политическое окружение царевича («князья» — по всей видимости, карачибеки — Кобяк и Исак в данном случае) играло заметную роль в контактах с Москвой.

Итак, Касим являлся первым владельцем Мещерского Городка и своего рода «удельным царевичем» с 1445 по 1469 гг. В памяти касимовских татар Касим слывет за строителя мечети и первого дворца в Мещерском Городке. В дальнейшем этот городок был назван в честь первого своего владельца — Касимовом. По некоторым данным, Мещерский Городок был переименован в Касимов в 1471 году⁴³⁰, однако в широкое употребление это название вошло только в XVII веке.

Данияр. После Касима владельцем и султаном был его сын Данияр (правил в Касимове в 1469–1486 гг.). Это можно заключить из уже приводившихся выше договорных грамот, где Данияр ясно выступает как преемник Касима⁴³¹.

Данияр, в отличие от Касима, не имел фактических прав на казанский престол (он был внуком Улуг-Мухаммада; его отец Касим, хотя и имел династические права на Казань, но никогда там не правил; соответственно его сын Данияр терял право предьявлять какие-либо претензии на ханский престол). Данияра нельзя назвать «тяжелым аргументом» московской внешней политики, каковыми являлись Касим и, как мы увидим ниже, Нур-Даулет. С Казанью в 1470–1478 гг. поддерживались мирные отношения, да и позиции хана Ибрагима были достаточно сильны. В первой половине 80-х гг. XV

⁴²⁹ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 76. — С.284, 287–288.

⁴³⁰ Шишкин Н.И. История города Касимова... — Рязань, 1891. — С.9.

⁴³¹ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 76. — С.284, 287–288; подробнее см.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.73–74.

века Ивану III было также явно не до Казани, решалась проблема освобождения от ордынской зависимости и создания военно-дипломатической коалиции против Казимира IV. Поэтому Данияр используется московским правительством только в военных операциях.

Данияр упоминается в русских летописях в связи с походом Ивана III на Новгород, который происходил в 1471 году.

Поход московских войск начался летом 1471 года. 6 июня выступил авангард во главе с князем Д.Д.Холмским, неделю спустя отправилась другая группа войск во главе с князем И.В.Стригой-Оболенским; со второй группой отправились и касимовские татары⁴³². Сам Иван III выступил из Москвы 20 июня, и уже с ним пошел и сам Данияр с еще одним отрядом касимовцев⁴³³. В число татар Данияра входили его уланы, князья, мурзы и казаки.

14 июля на реке Шелони произошло сражение, которое решило исход летней кампании 1471 года. Новгородское ополчение, многократно превышавшее по численности московский авангард, было разбито наголову. В этой битве отличился и Данияр со своими татарами; его отряд потерял 40 человек⁴³⁴. Интересно, что татарам, бывшим в походе с Данияром, было запрещено брать людей в плен⁴³⁵. Видимо, держа у себя на службе мусульман и пользуясь их помощью, Иван III все же не желал, чтобы они вершили судьбы его единоверцев. По окончании похода великий князь, одарив Данияра, отпустил его обратно в Касимов⁴³⁶.

В 1470–1471 гг. между Большой Ордой и Литвой идут интенсивные дипломатические переговоры о совместных действиях против Московской Руси. Летом 1472 года хан Ахмад, видимо, претворяя в жизнь договоренность с Казимиром IV, предпринял поход на Москву⁴³⁷.

Ордынцы впервые встретили прочную оборону русских рубежей от Коломны до Алексина протяженностью около 150 км. На этом пространстве сосредоточились войска численностью от 150 до 180 тысяч человек. Принимала участие в обороне границ по Оке и конница служилых татарских феодалов, в том числе и Данияра, который стоял на Коломне⁴³⁸.

---

⁴³² ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.192; 1859. — Т.8. — С.162; 1901. — Т.12. — С.130.

⁴³³ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.192; 1859. — Т.8. — С.163; 1853. — Т.6. — С.9.

⁴³⁴ Там же. — С.193.

⁴³⁵ Там же. — С.192.

⁴³⁶ Там же. — С.14, 193.

⁴³⁷ ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т.4. — С.151; 1853. — Т.6. — С.31–32, 195; 1859. — Т.8. — С.174–175; 1901. — Т.12. — С.149–150.

⁴³⁸ ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т.4. — С.151; СПб., 1853. — Т.6. — С.31–32, 195; СПб., 1859. — Т.8. — С.174–175; СПб., 1901. — Т.12. — С.149–150.

Ахмад, не сумев переправиться через Оку в районе Алексина, в первой половине августа поспешно отступил. Как прибавляют Софийские I и II летописи, а также Новгородская IV летопись, немалая заслуга в этом была и Данияра — хан Ахмад очень опасался, чтобы он и еще один царевич, бывший на службе у великого князя, Муртаза, не «взяли Орды и жен его», которых он оставил на самой границе⁴³⁹. После отступления Ахмада Иван III отпустил Данияра в Касимов⁴⁴⁰. Судя по всему, военный успех этой кампании позволил московскому правительству прекратить выплату дани в Большую Орду.

События 1472 года нашли отражение еще в одном документе, а именно в так называемом ярлыке Ахмада к Ивану III, датированному К.В.Базилевичем ноябрем 1480 г.⁴⁴¹. В последнее время была предложена новая версия датировки ярлыка, к тому же был вновь поднят вопрос о его подлинности⁴⁴². Я склонен присоединиться к мнению коллеги Горского и в плане датировки и в вопросе о подлинности. Учитывая необычную форму ярлыка, приведу его полностью, а затем проанализирую интересные места⁴⁴³:

«Ярлык Ахмета-царя

От высоких гор, от темныхъ лесов, от сладкихъ вод, от чистыхъ поль. Ахматово слово ко Ивану. От четырехъ конецъ земли, от двюнадесять Поморий, от седмадесять ордь, от Болшия Орды.

Ведомо да есть: кто нам был недруг, что стал на моемъ царстве копытом, и азъ на его царстве стал всеми четырьми копыты; и того Богъ убил своимъ копиемъ, дети ж его по Ордамъ разбежались; чetyре карачи в Крыму ся от меня отсидели. А вам ся есмь государи учинили от Сайна царя сабелнымъ концемъ. И ты б мою подать въ 40 день собралъ: 60 000 алтын, 20 000 вешнею, да 60 000 алтын осеннюю, а на себе бы еси носил Ботыево знамение, у колпока верхъ вогнув ходил, зане ж вы блужныя просяники. Толко моя подати в 40 день не зберешъ, а на себе не учнешъ Батыево знаменья носити, почен тобою в головах, и всехъ твоихъ бояр с густыми волосы и с великими борадами у меня будут; или паки мои дворяне съ хозовыми сагадаками и с софьяными сапоги у тебя будут. А крепкия по лесом пути твои есмь видели и водския броды есмь по рекамъ сместили. Меж дорогъ яз один город наехал, тому ж такъ и стало. А Данияры бы еси царевича отголе свель, а толко не сведешъ, и аз, его ищучи, и тебе найду. А нынеча есми отъ берега пошел, потому что у

⁴³⁹ ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т.4. — С.151; СПб., 1853. — Т.6. — С.31–32, 195.

⁴⁴⁰ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.174–175; СПб., 1901. — Т.12. — С.150.

⁴⁴¹ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. — М., 1952. — С.167.

⁴⁴² Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2000. — С.175–177.

⁴⁴³ Текст ярлыка приводится по кн.: Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2000. — С.198.

меня люди без одожд, а кони без попонь. А минеть сердце зимы девеносто днеи, и аз опять на тебя буду, а пить ти у меня вода мутная».

После «стояния на Угре» Ахмад не мог не понимать, что он потерпел крупную неудачу. Поэтому его ярлык не обычная грамота, вышедшая из ханской канцелярии, а послание, передававшее те чувства ярости и гнева, которые должен был испытывать хан, обнаруживший слабость перед лицом противника.

Относительно Данияра ярлык гласит: «А Даньяры бы еси царевича оттоле свель, а толко не сведешь, и аз, его ищучи, и тебе наиду».

Как мы уже знаем, в 1472 году во время нападения на Алексин Ахмад, по сообщениям летописей, очень опасался, чтобы Данияр и Муртаза не захватили бы Орды и жен, оставленных вблизи русской границы. Это заставило Ахмада, потерпевшего неудачу у Алексина, поспешно отойти в степь: «И слыша то, побежа прочь ... блюдучися того, егда князя великого царевичи шед возьмут орду и царицу его»⁴⁴⁴.

Во время переговоров между Иваном III и Менгли-Гиреем, о которых еще пойдет речь ниже, последний неоднократно просил великого князя отправить царевичей против Ахмада. Так в 1475 году Менгли-Гирей написал Ивану III: «А коли мой недруг Ахмат царь пойдет на меня, на Менгли-Гирея царя, и тебе моему брату великому князю царевичев своих Даньяра и Муртозу на Орду отпущати»⁴⁴⁵.

В 1480 году Менгли-Гирей повторил свою просьбу⁴⁴⁶. Иван III в 1480 году подтвердил это свое обязательство перед Менгли-Гиреем⁴⁴⁷, поэтому вполне понятно требование хана Ахмада о выводе царевича Данияра из его городка на Оке и, соответственно, о ликвидации Касимовского ханства, — этот район играл важную роль в восточной политике Ивана III⁴⁴⁸.

В декабре 1477 года Данияр с касимовскими («городецкими») татарами был в рядах великокняжеского войска, которое шло на Новгород, и участвовал в окончательном падении Новгородской республики⁴⁴⁹.

В летописях Данияр после 1477 года упоминается лишь однажды. Софийская II летопись рассказывает, как выехавший в Русское государство около 1483 года немецкий врач Антон взялся лечить князя Кара-Ходжу, находившегося при Данияре, но лечение не дало результатов — князь умер. Иван III выдал врача сыну Кара-Ходжи,

⁴⁴⁴ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т.20. — С.298.

⁴⁴⁵ СГД. — М., 1894. — Ч.5. — № 2. — С.1; Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 2. — С.12.

⁴⁴⁶ СГД. — М., 1894. — Ч.5. — № 4. — С.2.

⁴⁴⁷ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 5. — С.17–18, 24.

⁴⁴⁸ Вернадский Г.В. Россия в средние века. — Тверь; М., 1997. — С.87.

⁴⁴⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.18–19; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — М., 1901. — С.13; ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т.4. — С.259–260; 1853. — Т.6. — С.207, 213; 1859. — Т.8. — С.185, 191; 1901. — Т.12. — С.172, 179.

который мучил его и отпустил на откуп, и затем, по настоянию великого князя, татары зарезали Антона под мостом, на Москва-реке⁴⁵⁰.

Этот любопытный рассказ интересен не только тем, что, с одной стороны, показывает нам нравы того времени, но и тем, что также свидетельствует о значении, которым пользовались тогда при Московском дворе не только служилые татарские царевичи, но и их князья, — великий князь, без сомнения, не за всякого выдал бы врача на смерть.

Для выяснения внутреннего положения Касимовского ханства в структуре формирующегося Русского государства в правление Данияра (1469–1486) обратимся к данным все тех же договорных грамот. Договорные грамоты Ивана III с его братьями — удельными князьями Борисом Васильевичем Вологодским (13 февраля 1473 года)⁴⁵¹ и Андреем Васильевичем Угличским (14 сентября 1473 года)⁴⁵² повествуют следующее: «А царевича нам Данияра, или хто по нем на том месте иныи царевич будет, мне, великому князю, и моему сыну, великому князю, иного царевича отколе приняти в свою землю, своего деля дела, и хрестьянского деля дела, и тебе и того держати с нами с одного».

Эта цитата позволяет говорить о том, что, во-первых, содержание царевичей (имеется в виду именно финансовое содержание, то есть платеж «выхода») являлось совместным делом московского великого князя и его удельных братьев, то есть в «выход» вносились деньги как из казны Московского великого княжества, так и из казны удельных княжеств; во-вторых, в данное время (1473 год) касимовские правители все более приближаются к рангу беспорных вассалов великого князя — их держат «своего деля дела, и хрестьянского деля дела». Ни о какой политической самостоятельности касимовских владельцев в это время уже нет и речи.

Эти взаимные обязательства Ивана III с Андреем Васильевичем и Борисом Васильевичем были повторены в договорных грамотах от 2 февраля 1481 года⁴⁵³.

Еще об одном источнике финансовых поступлений для касимовского царевича, а также для его приближенных — князей, дарагов и казначеев говорится в договорной грамоте Ивана III с рязанским великим князем Иваном Васильевичем (датирована 9 июня 1483 г.): «А что шло царевичю Касыму и сыну его Данияру царевичю с вашие [рязанской. — *Б.Р.*] земли при твоём деде, при великом князи Иване Федоровиче, и при твоём отце, при великом князи Василье Ивановиче, и что царевичевым князем шло, и их казначеем, и дарагам, а то тебе давати с своео земли царевичю Данияру, или кто инои

⁴⁵⁰ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.235.

⁴⁵¹ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 69. — С.226, 228, 231–232;.

⁴⁵² Там же. — № 70. — С.234, 236, 238, 240–241, 244, 246, 249.

⁴⁵³ Там же. — № 72. — С.254, , 257, 259, 262, 265, 267; № 73. — С.270, 272, 275.

царевич будет на том месте, и их князем, и княжим казначеем, и дарагам по тем записем, как отец мои, князь велики Василей Васильевич, за твоего отца, за великого князя Василья Ивановича, кончал со царевичевыми с Касымовыми князми, с Кобяком са Аидаровым сыном да с Ысаком с Ахматовым сыном. А ясачных людей от царевича от Даньяра, или кто будет на том месте инии царевич, и от их князей тебе, великому князю Ивану, и твоим боярам, и твоим людям не примати. А которые люди вышли на Резань от царевича и от его князеи после живота деда твоего, великого князя Ивана Федоровича, бесерменин, или морьдвин, или маچارинь, черные люди, которые ясак царевичю дают, и тебе, великому князю Ивану, и твоим бояром тех людей отпустить добровольно на их места, где кто жил. А кто не похочет на свои места пойти, ино их в силу не вывести, а им царевичю давати его оброки и пошлины по их силе. А что давали те люди деду твоему, великому князю Ивану Федоровичю, и отцу твоему, великому князю Василью Ивановичю, и ты свои пошлины емлешь, а царевичю в то не вступатися, ни его князем. Так же и опрочь того, которой царь или царевич будет у нас в нашей земле, не канчивати ти с ними, ни ссылатися на наше лихо. А учнут тебя чем обидети, и нам за тебя стояти и боронити»⁴⁵⁴.

Из текста грамоты можно сделать следующие выводы. Во-первых, опять-таки идет речь о «выходе», который платился и из казны Рязанского великого княжества: «А что шло царевичю Касыму и сыну его Даньяру царевичю с вашии земли...» Итак, деньги на «выход» вносились из казны Московского великого княжества, удельных княжеств Московского великого княжества, а также из казны Рязанского великого княжества, на территории которого и располагалось Касимовское ханство. Во-вторых, кроме «выхода», царевич и его князья собирали подати — ясак как с местного языческого населения (мордвы и мещеры), так и с татарского («бесерменин», то есть мусульманин). В-третьих, одновременно с царевичем с этого же населения собирались пошлины и рязанским великим князем. Таким образом, Касимовское ханство было весьма существенной финансовой «обузой» как для Москвы, так и для Рязани.

Венецианский посол Амброджо Контарини, посетивший Русь в 1476 году при Иване III, пишет, что великий князь имел обыкновение ежегодно совершать поездки в разные области своих владений, и в особенности посещал одного татарина, которого держал на свое жалованье с 500 всадниками на границе с татарами, для защиты своего государства от их нападений⁴⁵⁵. Возможно, что под этим татаринном Контарини имел в виду касимовского царевича Данияра.

Важные данные относительно статуса касимовского правителя и

⁴⁵⁴ ДДГ. — № 76. — С.284–285.

⁴⁵⁵ Барбаро и Контарини о России. — Л., 1971. — С.226.

Мещерского юрта в целом содержит дипломатическая переписка. Когда в 1474 г. разбиралось обычное для средневековья дело о «грабеже» русских купцов на территории Кафы, кафинцы предъявляли ответные претензии о таком же «грабеже» на территории Руси — «что их пограбили царевичевы казаки [касимовские татары. — *Б.Р.*]». Великий князь Иван III отвечал: «Ино яз к вам и первее сего приказывал, *царевич* [имеется в виду Данияр. — *Б.Р.*] *великого царя род Тахтамышев* [выделено мной. — *Б.Р.*], а уланов и князей и казаков у него много; как к нему приежжают люди многие на службу, так от него отъежжают люди многие; и нам почему ведати, хто будет ваших купцов пограбил? А у нас тот грабеж не бывал»⁴⁵⁶.

Во-первых, можно сделать вывод о некоторых элементах независимости Мещеры — великий князь как бы дает понять кафинцам, что не несет ответственности за то, что происходит на территории Мещерского юрта, — это, мол, не в его компетенции, территория является в некотором роде автономной. Вряд ли можно представить себе, чтобы так же московский правитель мог говорить о происходящем на территории русского удельного княжества. Конечно, это могло быть просто лукавством, но возможно, и я склонен полагать именно так, что данная запись отражает средневековые реалии. Во-вторых, и это очень важно, выделенные мною строки недвусмысленно говорят о том, что в рамках тех правовых норм, которые господствовали на территории *Rex Mongolica*, статус, правда формальный, касимовского правителя как Чингисида был существенно выше покоренной когда-то Бату династии Рюриковичей. Так что присутствующие в историографии рассуждения об однозначной «марионеточности» касимовских правителей есть не что иное, как перенесение значительно более поздних реалий на XV, да и на XVI вв.

Вероятно, что умер Данияр в 1486 году; в этом году в договорных грамотах великого князя с братьями на месте, где стояло имя Данияра, стоит теперь имя Нур-Даулета: «А царя Нурдовлата, или кто по нем иныи царь или царевич будет на том месте, и тебе его держати с нами с одного»⁴⁵⁷ (датированы 20 августа и 30 ноября 1486 года).

Касим и его сын Данияр, первые два правителя Касимовского ханства, были потомками Улуг-Мухаммада. Со смертью в 1486 году Данияра эта династия пресекается на касимовском престоле. Следующий правитель Касимова, Нур-Даулет, как мы увидим ниже, хотя и имел с ними родственные связи (все они были Джучидами, к тому же из одной ветви этой династии — Тукай-Тимура), но все же их прямым потомком не являлся. Московское правительство назначало касимовских правителей произвольно, по своему усмотрению, не заботясь о поддержании единой династии касимовских ханов и сул-

⁴⁵⁶ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 1. — С.8.

⁴⁵⁷ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 81. — С.318, 321; № 82. — С.325, 328.

танов. Лишь иногда (как мы увидим, довольно редко) правители имели близкие родственные связи друг с другом (обычно отец — сын, иногда — братья). Это случалось, видимо, тогда, когда у скончавшегося владельца имелись прямые наследники. Во всех остальных случаях (а их намного больше) касимовские правители назначались исходя из планов московского правительства, поэтому даже условно говорить о единой династии касимовских правителей нельзя. Ее попросту не существовало.

§ 2. Гирей в Касимове

Нур-Даулет. К середине 80-х годов XV века внешнеполитическая ситуация несколько изменилась. На территории Дешт-и-Кипчака создается и успешно действует союз Великого княжества всея Руси (Москвы), Крымского ханства и Казани. Основной целью этого союза было восстановление стабильности в Восточной Европе и контроль над объединением кочевников, известным под названием Большая Орда⁴⁵⁸. После «стояния на Угре» прекращается выплата туда дани. Это, безусловно, значительно усилило положение формирующегося Русского государства на международной арене.

В 1487 году была взята Казань, и на казанский престол был посажен московский ставленник Мухаммад-Амин, который правил в Казани до 1495 года. Ханы фактически были превращены в московских вассалов. Иван III смог уже формально, а не только фактически повысить свой государственный статус. Выплата дани Казани была прекращена; московский государь добавил к титулу «князь Болгарский»; в переписке казанский хан — Чингисид стал называться его братом, т.е. равновеликим монархом. Таким образом, «казанский вопрос» временно отошел на второй план.

Настало время более плотно заняться сотрудничеством с Крымским ханством. Несмотря на заключенный еще в 1480 году московско-крымский союз, Менгли-Гирей лавировал между Москвой и Литвой. Задачей московской внешней политики было склонить крымского хана на свою сторону. Решению этой проблемы помогали различные средства.

Вся совокупность вышеперечисленных факторов и привела к тому, что в 1486 году касимовский престол был предоставлен именно Нур-Даулету, первому представителю крымской династии Гиреев в Касимовском ханстве. Нур-Даулет и родоначальник касимовских султанов Улуг-Мухаммад являлись довольно близкими родственниками не только как Джучиды вообще, но и как представители конкретной ветви внутри этой династии. Точнее, Улуг-Мухаммад был двоюрод-

---

⁴⁵⁸ Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // *Slavic Review*. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.554.

ным дядей Хаджи-Гирея, отца Нур-Даулета. Крымская и казанская ветви Джучидов были сходны и в своей политической судьбе: и Хаджи-Гирей (первый крымский хан), и Улуг-Мухаммад (фактически первый казанский правитель) являлись изгнанниками из Сарая, и поэтому, по всей видимости, питали к представителям большеордынской и астраханской династий не самые теплые чувства. Видимо, именно поэтому источники не содержат никакой информации о недовольстве среди касимовской высшей знати в связи со сменой потомков Улуг-Мухаммада на Гиреев, чего не скажешь о последующей смене династии на большеордынскую.

Большинство русских летописей отмечает, что в 1479 году, осенью, на территорию Московского княжества «из поля» прибывают служить два «царя» — Нур-Даулет и его брат Айдар⁴⁵⁹ (по сведениям Софийской II летописи, это произошло в 1478 году⁴⁶⁰; видимо, здесь ошибка). Оба брата являлись сыновьями первого крымского хана Хаджи-Гирея и, соответственно, родными братьями Менгли-Гирея, уже бывшего в то время крымским ханом.

Первый крымский хан Хаджи-Гирей умер в августе 1466 года. На престол вступил тогда его старший сын Нур-Даулет⁴⁶¹. Этот хан продержался не более двух лет и был смещен около 1469 года своим братом Менгли-Гиреем, который до этого жил в Кафе, под защитой генуэзцев.

Новый хан, в свою очередь, также продержался недолго. Русский посланник Алексей Иванович Старков, отправленный из Москвы в марте 1475 года, едва успел застать Менгли-Гирея на престоле. Внутренние интриги, за которыми стоял Айдар, принудили Менгли-Гирея вновь искать убежище у генуэзцев в Кафе⁴⁶². В 1475 году Менгли-Гирей был посажен на крымский престол турецким султаном Мехмедом II Фатихом, таким образом став его вассалом. Но и тогда Менгли-Гирею не удалось удержать ханскую власть: «Того же лета [6984-го или 1476 г. — *Б.Р.*] посла царь Ахмат ордынский сына своего с Татары, и взя Крым и всю Азигирееву орду, а сына Азигиреева Менгирея сегна, его же Турки посадиша»⁴⁶³.

В 1477 году Иван III имеет дипломатические контакты с ханом Джанибеком, которому Ахмат уступил Крым. По некоторым данным в 1478 году в Крыму снова властвовал Нур-Даулет⁴⁶⁴. Менгли-

⁴⁵⁹ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.205; 1853. — Т.6. — С.34; 1841. — Т.3. — С.243; 1848. — Т.4. — С. 133, 152.

⁴⁶⁰ Там же. 1853. — Т.6. — С.223.

⁴⁶¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.93; Сборник князя Оболенского. — М., 1838. — № 1. — С.27; Сборник Муханова. — СПб., 1866. — № 25. — С.30–32; № 23. — С.25.

⁴⁶² Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.96–97.

⁴⁶³ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.183.

⁴⁶⁴ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.124.

Гирей окончательно утвердился на ханском престоле лишь в 1480 году⁴⁶⁵.

Итак, Нур-Даулет имел на юрт Хаджи-Гирея не меньшие права, чем его младший брат Менгли-Гирей⁴⁶⁶.

В Московское княжество сыновья Хаджи-Гирея попали не сразу из Крыма. Вначале они бежали в Литву⁴⁶⁷. Вероятно, это случилось или в конце 1478 года, или в начале 1479 года. Уже из Литвы они перебрались в Москву. Неясно, что послужило причиной их отъезда в Москву — или их собственная инициатива, или их переманил к себе Иван III.

Интересно посмотреть, как Иван III объяснял причину предоставления политического убежища на Руси Нур-Даулету и Айдару. Боярину князю Ивану Ивановичу Звенцу, посланному 16 апреля 1480 года к Менгли-Гирею после его окончательного утверждения на престоле, было приказано говорить хану: «...нынеча еси мне ярлык свой прислал да и с своими послы еси приказал и с моим человеком с Иванчею о своей братье о царех Нурдовлате да о Айдаре, что недруг твой король взял их к себе и держал их в своей земле на Киеве, а на твое лихо; и мне бы твоего для дела оттоле их к себе взяти. И яз их к себе взял твоего для дела, а держу их у себя и истому своей земле и своим людям чиню тебе дея»⁴⁶⁸.

В посланиях 1481–1483 гг. Менгли-Гирею, Иван III постоянно подчеркивал, что содержанием на Руси его братьев он «истому есми своей земле учинил ... тебя дея»⁴⁶⁹. В 1482 году, через посла Михаила Кутузова, Иван III даже отметил, что ему «корысти в них [Нур-Даулете и Айдаре. — *Б.Р.*] мало»⁴⁷⁰. Здесь он, разумеется, лукавил: «корысти» в Нур-Даулете ему было как раз много, как увидим позже.

По сведениям «Нового летописца», в 1480 году, во время похода хана Большой Орды Ахмада на Русь, когда тот стоял на реке Угре, Иван III послал Нур-Даулета с воеводой Василием Ноздреватым против Сарая, — столицы Большой Орды; Нур-Даулет, по сведению летописца, доплыл на лодках до Орды и разгромил ее; удачное нападение на Сарай и было причиной того, что Ахмад бежал с реки Угры⁴⁷¹. Об этом же говорят и Софийская I летопись и Новгородская IV летопись⁴⁷². Насколько верно это сообщение: действительно ли Нур-Даулет нападал на Орду и Ахмад бежал, пораженный слухом о бед-

⁴⁶⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.125–126.

⁴⁶⁶ Базилевич К.В. Внешняя политика... — М., 1952. — С.187.

⁴⁶⁷ Сборник Муханова. — СПб., 1866. — № 23. — С.25; № 25. — С.30–32.

⁴⁶⁸ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 5. — С.17.

⁴⁶⁹ Там же. — № 6. — С.25, 27; № 7. — С.30–31; № 8. — С.32–34; № 9. — С.35–36.

⁴⁷⁰ Там же. — № 8. — С.32–34.

⁴⁷¹ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т.14. — С.15.

⁴⁷² ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т.4. — С.134, 153; 1853. — Т.6. — С.35.

ствии, постигшем его дома, или же поход Нур-Даулета не более чем выдумка летописцев и Ахмад удалился с Угры вследствие сильных морозов и недостатка в одежде, сказавшейся у его людей (как сообщает, например, Софийская II летопись: «Дмитриева же дни стала зима и реки все стали, и мрази [морозы. — Б.Р.] велики, яко не мощи зрети: тогда царь убоясь и с Татары побежа прочь, ноября 11: бяху бо Татарове наги и босы, ободралися»⁴⁷³), выяснить трудно. Возможно, обе причины имели место быть.

В 1486 году Нур-Даулету был пожалован Иваном III титул царя городецкого или касимовского⁴⁷⁴.

Этот факт, кроме данных договорных грамот, подтверждает следующее: в описи царского архива XVI века говорится: «Ящик 58-й [царского архива. — Б.Р.]. А в нем грамоты шертные, и списки городетские, при Даныяре царевиче, и при Нурдовлате Царе, и при иных царях, и при царевичах»⁴⁷⁵. Также, под ящиком № 16, говорится: «А в нем грамоты шертные городетские Нордоулатова царева, и Салтангаева, и Зенаева, и Ших-Авлиярова, и сеитов, и князей городетских. А всех грамот 9»⁴⁷⁶. То, что во втором списке Нур-Даулет назван в одном ряду с Сатылганом, Джанаем и Шейх-Аулияром (все они — владельцы Касимова после Нур-Даулета), доказывает, что он также являлся владельцем касимовским. В первом же списке он следует сразу за Данияром, следовательно, хронологически он также правил сразу же после него.

Американский исследователь Михаил Ходарковский считает, что «Вельяминов-Зернов неправильно полагал, что Нур-Даулет стал касимовским ханом только в 1486 г. На самом деле это произошло в 1478 или 1479 году»⁴⁷⁷. При этом он не приводит своей аргументации в пользу данной точки зрения⁴⁷⁸.

После того как Нур-Даулет стал касимовским ханом в 1486 году, начинается наиболее активное его использование как в военном, так и в политическом плане. Как отмечал К.В.Базилевич, посылка «поминок» представителям феодально-родовой знати Крыма с точным распределением их соответственно положению и степени полезности каждого явилась только одним из средств воздействия на политику Крымского ханства в желаемом для Москвы направлении⁴⁷⁹.

⁴⁷³ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.231.

⁴⁷⁴ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 81. — С.318, 321; № 82. — С.325, 328.

⁴⁷⁵ Государственный архив России XVI столетия. — М., 1978. — С.53.

⁴⁷⁶ Там же. — С.39.

⁴⁷⁷ Khodarkovsky M. Taming the 'Wild Steppe': Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // Russian History/Histoire Russe. — 1999. — Vol.26. — № 3. — P.248, n.19.

⁴⁷⁸ Нур-Даулет всего лишь прибыл в Московию в 1478 или в 1479 году вместе со своим братом Айдаром, но нигде в источниках нет информации о том, что в эти годы ему был дарован Касимов.

⁴⁷⁹ Базилевич К.В. Внешняя политика... — М., 1952. — С.185–186.

Другим не менее действенным средством являлось привлечение на службу великого князя или предоставление убежища на Руси всем царевичам и мурзам, принужденным по разным причинам покидать свои родные улусы.

Иван III обнаружил прекрасное понимание политических условий существования независимых и полузависимых татарских государств, раздиравшихся внутренними противоречиями и столкновениями династических интересов. Часть выходцев из Орды, обладавших династическими правами, он содержал под своим покровительством в качестве возможных претендентов на ханскую власть. В случае занятия престола при русской военной поддержке они, естественно, становились вассалами великого князя; во время же пребывания на Руси, в руках Ивана III, они являлись угрозой по отношению к своим родственникам на ханском престоле. Примером последнего был Нур-Даулет.

Часть этих татарских выходцев устраивалась в пограничной полосе для обороны окраин и активных действий против своих соплеменников. В таких акциях Нур-Даулет, как увидим ниже, тоже часто принимал участие.

Иван III проявлял большую настойчивость в деле розыска и переманивания нужных ему влиятельных людей из Степи.

Борьба с Большой Ордой. Как уже было сказано выше, Нур-Даулет активно используется в двух направлениях: политическом и военном. В течение 1487–1490 годов Нур-Даулет постоянно участвовал в походах против «Ахматовых детей». В марте — сентябре 1486 года между Иваном III и Менгли-Гиреем было достигнуто принципиальное соглашение по этому поводу⁴⁸⁰. В июне 1487 года Иван III уже сообщал Менгли-Гирею, что Нур-Даулет послан на границу с Большой Ордой, чтобы в случае военных действий со стороны сыновей погибшего хана Ахмада — Муртазы и Сеид-Ахмада он бы выступил против них⁴⁸¹. 10 августа 1487 года Иван III вновь сообщает Менгли-Гирею, что Нур-Даулет на момент отправки посольства находится под Большой Ордой⁴⁸². В октябре 1487 — марте 1488 г. Менгли-Гирей подтверждает факт нахождения Нур-Даулета на границе с Большой Ордой⁴⁸³. Из октябрьской (1487 г.) «Памяти Дмитрию Шеину» становится ясно, что летом 1487 года Нур-Даулет ходил на границу с Большой Ордой, однако ничего существенного предпринять не смог, так как Муртаза и Сеид-Ахмад находились на территории улусов Большой Орды и поэтому разорить ее было невозможно. Однако Нур-Даулет пограбил и разорил дальние улусы Орды⁴⁸⁴.

⁴⁸⁰ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 13. — С.46, 49, 51.

⁴⁸¹ Там же. — № 17. — С.60.

⁴⁸² Там же. — № 18. — С.61, 62.

⁴⁸³ Там же. — № 20. — С.73.

⁴⁸⁴ Там же. — № 19. — С.65.

Итак, осенью 1487 года Нур-Даулет вновь был на границе с Большой Ордой⁴⁸⁵. Из этой же «Памяти Дмитрию Шеину» выясняется, что вероятными будущими сроками высылки Нур-Даулета под Орду являются зима 1487/88 г. либо ранняя весна 1488 г. (по личному выбору Нур-Даулета)⁴⁸⁶.

29 октября 1489 г. Иван III сообщает крымскому хану, что сейчас нет возможности направить Нур-Даулета на Большую Орду из-за зимы⁴⁸⁷.

В апреле 1490 года Иван III в последний раз послал к Орде Нур-Даулета, но уже не одного, а с сыном Сатылганом⁴⁸⁸. Это последний факт личного участия Нур-Даулета в военных походах против «Ахматовых детей».

Судя по тому, что он был послан не один, а с сыном, можно предположить, что уже тогда Нур-Даулет болел, и великий князь присматривал ему замену на касимовском престоле в лице его сына Сатылгана. В «Грамоте Лобану Кольчеву», послу Ивана III в Крыму, посланной 20 марта 1492 года, сообщается, что осенью 1491 года люди Нур-Даулета были «на поле под Ордою», но уже без него⁴⁸⁹. Это позволяет сделать вывод о том, что приблизительно в конце 1490 г. Нур-Даулет, видимо по причине плохого состояния здоровья, был отстранен от управления Касимовским ханством и от участия в военных действиях. Итак, годы правления Нур-Даулета Касимовским ханством — 1486 — около 1490 гг.

Статус Касимовского ханства как вассального государства хорошо прослеживается на примере вышеприведенных данных. В период за 1486–1490 гг. (годы правления Нур-Даулета в Касимове) он сам появлялся там лишь наездами, в основном находясь в районе военных действий на границе с Большой Ордой. Вместе с ним находилась как высшая прослойка крупнейших феодалов ханства — «царевы Нордоулатовы уланы и князья», так и простые служилые татары — «казаки». В ханстве, на территории Мещеры, находились лишь те его жители, которые не были связаны с военным искусством. А гражданские лица в государствах-наследниках Золотой Орды традиционно занимали низшее положение по сравнению с военными.

И в то же время другие факты говорят нам о некоторых элементах независимости крымских выходцев в Касимове, о неоднозначности статуса Мещеры в системе позднезолотоордынских государств.

По всей видимости, ханы и султаны получали за каждое участие

⁴⁸⁵ Там же. — № 19. — С. 63, 65.

⁴⁸⁶ Там же. — № 19. — С. 66.

⁴⁸⁷ Там же. — № 22. — С. 78.

⁴⁸⁸ Там же. — № 24. — С. 88–89.

⁴⁸⁹ Там же. — № 34. — С. 147.

в военных походах и действиях и одноразовые компенсации⁴⁹⁰. Так, возможно, следует трактовать «запись», сделанную, скорее всего, Федором Карповым в 1492 г.: «Да колкижды князь велики царя Нурдоулата посылавал на Поле царева для дела Менгли-Гиреева, и колко Саталгана царевича, Нурдоулатова царева сына, посылавал да и рузскую рать **и колко татар и русь жалует, того дея и гибели им полские платит** [выделено мной. — Б.Р.], ино колко того разойдется»⁴⁹¹.

Возмещающая убытки, связанные с выходом в Поле в августе 1492 г., великий князь поручал данную миссию не специальным лицам, а послу в Крым (что очень показательно), который одновременно со своими дипломатическими функциями должен был выполнять обязанности финансового агента государя внутри страны.

Дипломатическое давление на Крым. Функция Касимовского ханства как династического противовеса Казани и Крыму ярко видна на примере политического использования Нур-Даулета московским руководством. Фактически Нур-Даулет являлся послушным вассалом великого князя. Ивану III было очень выгодно держать в своих руках бывшего крымского хана, имевшего на юрт Хаджи-Гирея не меньшие права, чем Менгли-Гирей. Это обстоятельство заставляло Менгли-Гирея с недоверием относиться к пребыванию своего старшего брата в Русском государстве.

Переписка между великим князем и крымским ханом по этому вопросу началась еще в 1482 году. В посольстве от Ивана III к Менгли-Гирею, посланному 15 марта 1482 года с боярином Ю.И.Шестаком, в предполагаемой речи Ю.И.Шестака к крымскому хану упоминается, что ранее Менгли-Гирей просил отпустить к нему в Крым Нур-Даулета. Иван III якобы выполнил это требование, однако после того как к Ивану III пришел новый ярлык от Менгли-Гирея, великий князь «осадил его у себя, истому своей земле чинит тобя дея...»⁴⁹². Непонятно, правда, как соотносятся эти противоречивые действия друг с другом, — возможно, что второй ярлык от Менгли-Гирея пришел тогда, когда Нур-Даулет либо был на пути в Крым, либо еще только собирался туда отбыть и его либо остановили, либо перехватили в дороге. Однако, учитывая специфику источника (русский посол далеко не всегда должен был говорить правду о реальном состоянии дел в Русском государстве), можно предположить, что вся эта неразбериха с двумя противоречащими друг другу ярлыками Менгли-Гирея не более чем хитрая дипломатическая уловка Ивана III, который просто не был заинтересован в отпуске Нур-Даулета в Крым.

⁴⁹⁰ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV в. — начало XVI в. — М., 2001. — С.300.

⁴⁹¹ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 75. — С.370.

⁴⁹² Там же. — № 7. — С.30–31.

В мае 1482 года сам Нур-Даулет послал с русским посольством в Крым своих людей к Менгли-Гирею, видимо, для обсуждения вопроса о своем возвращении в Крымское ханство⁴⁹³. Послу Михаилу Кутузову строго наказывалось не допустить того, чтобы люди Нур-Даулета попали на прием к Менгли-Гирею вместе с ним; желательно было, чтобы они попали на прием к крымскому хану после русского посла. Видимо, московское правительство опасалось того, чтобы при общей встрече не вскрылись какие-то секретные вопросы о судьбе Нур-Даулета и его роли в отношениях с Крымом.

Неразбериха с судьбой Нур-Даулета вновь нашла отражение в грамоте Ивана III Менгли-Гирею от 14 марта 1482 года, где Иван III опять говорит о двух противоречащих друг другу ярлыках Менгли-Гирея относительно судьбы Нур-Даулета. Разумеется, вопрос вновь решился в пользу задержания Нур-Даулета на Руси⁴⁹⁴.

Заинтересованность в Нур-Даулете проявил и сын Ахмада, хан Большой Орды Муртаза. В октябре 1487 г., когда Нур-Даулет был касимовским царем, Муртаза прислал сразу два ярлыка — Ивану III и Нур-Даулету. В ярлыке Ивану III (1487 г.) Муртаза в довольно жесткой форме требует отпустить к нему в Большую Орду Нур-Даулета, так как он хочет поставить его крымским ханом вместо его «недруга» Менгли-Гирея⁴⁹⁵. В ярлыке Нур-Даулету (1487 г.) Муртаза в совершенно ином тоне, крайне вежливо и даже льстиво, в витиеватых восточных выражениях приглашает Нур-Даулета к себе, не указывая причин приглашения⁴⁹⁶. Однако из посольства от Ивана III к Менгли-Гирею, посланному с Д.Шейным 23 октября 1487 года, мы узнаем, что Иван III не пустил посла Муртазы к Нур-Даулету в Касимов, а также изъял оба ярлыка и послал их Менгли-Гирею⁴⁹⁷.

Из этого же посольства становится ясно, что в 1487 году Менгли-Гирей вновь просил Ивана III о возвращении Нур-Даулета в Крым, объясняя эту просьбу желанием, чтобы «о своем юрте стати заодин против своих недругов»⁴⁹⁸. Об этом же Менгли-Гирей отправил ярлык самому Нур-Даулету⁴⁹⁹. Однако Иван III не отправил ярлыка Менгли-Гирея Нур-Даулету и отказался отпустить его под тем предлогом, что его призывает к себе и Муртаза «на твоё [Менгли-Гирея. — Б.Р.] лихо»⁵⁰⁰. Из-за этого Менгли-Гирей в октябре 1487 — марте 1488 гг. даже посылал своих людей к Нур-Даулету в Русское государство,

⁴⁹³ Там же. — № 8. — С.32–34.

⁴⁹⁴ Там же. — № 10. — С.38.

⁴⁹⁵ Там же. — № 19. — С.68–69; СГГД. — М., 1894. — Ч.5. — № 5. — С.3; Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2000. — С.199.

⁴⁹⁶ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 19. — С.69–70; Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2000. — С.199–200.

⁴⁹⁷ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 19. — С.63.

⁴⁹⁸ Там же. — № 19. — С.64.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Там же. — С.64, 67.

чтобы в случае если Нур-Даулета крымские послы увидят в одном месте с великим князем, то крымцы скажут пару слов Нур-Даулету. Если же их не увидят вместе, то беседа не состоится⁵⁰¹. Портить отношения с Иваном III и связываться напрямую с Нур-Даулетом, без посредничества великого князя, Менгли-Гирей не решался.

Тогда в сентябре 1489 года Менгли-Гирей, выдав свои действительные опасения, стал просить «Нурдовлата царя к правде привести и укрепить», чтобы он над ним «царства не хотел»⁵⁰². При этом Менгли-Гирей вновь повторил просьбу об отпуске брата в Крым.

Иван III ответил пространным рассуждением о вреде иметь в одном государстве двух государей, напомнив своему союзнику бывшую вражду между братьями после смерти Хаджи-Гирея: «Ино тебе ведомо из старины, от дед и от отцов ваших: на одном юрте два осподаря бывали ли? А где и бывали будут два осподаря на одном юрте, ино которое добро меж их было? А брата твоего Нурдовлата царя как ми укрепить? Здесе мне и правду даст, как бы ему над тобою царства не хотети; а коли он тамо будет с тобою вместе, и мне по чему ведати, что будет у него в мысли? Ведаешь сам, с Нурдовлатом со царем одного отца дети вы, а опосле отца вашего Ази-Гирея царя колко лет брат твой Нурдовлат на царстве был, а те же люди ему служили, которые ныне у тебя. Ино почему ведати, у всех ли у твоих людей одна мысль, все ли тебя хотят на твоём осподарьстве, или которые захотят брата твоего Нурдовлата царя на том юрте; и какими делы будет меж вами рознь с братом с твоим с Нурдовлатом со царем, ино твоему делу тогда которое добро будет?»⁵⁰³.

В заключение Иван III уведомил Менгли-Гирея, что он не говорит с Нур-Даулетом по этому вопросу и не передаст ему ярлыка брата, «доколе к нам свою мысль отпишешь»⁵⁰⁴.

Хотя в случае повторения просьбы великий князь и обещал отпустить Нур-Даулета в Крым, но было совершенно ясно, что в дипломатически вежливой форме скрывался категорический отказ. Так, по-видимому, понял слова великого князя и Менгли-Гирей, который больше не обращался к нему с просьбой об отпуске брата. Уже в грамоте Ивана III к Менгли-Гирею, отправленной 29 октября 1489 года, сообщается, что дело о Нур-Даулете и его отпуске в Крым отложено, так как Менгли-Гирей не проявил настойчивости в требовании его отпуска⁵⁰⁵.

Учитывая чрезвычайную полезность Нур-Даулета как в политическом, так и в военном плане, московское правительство не жалело

⁵⁰¹ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 20. — С.73–74.

⁵⁰² Там же. — № 21. — С.75.

⁵⁰³ Там же. — С.76.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ Там же. — № 22. — С.78.

жалованья для него — вместе с Касимовом Нур-Даулет с какого-то времени владел и Каширой⁵⁰⁶. Правда, после его устранения с должности касимовского владельца и схода с политической сцены в конце 1490 — начале 1491 гг. он был лишен и Каширы⁵⁰⁷.

Нур-Даулет еще достаточно долго жил в Касимове, в то время как его сын Сатылган был там владетельным царевичем (султаном). В августе 1498 года к нему приезжал посол Менгли-Гирея Шавал с царским «поминком и поклоном»⁵⁰⁸.

По всей видимости, в последние годы жизни Нур-Даулет был тяжело болен. В ноябре 1502 года его болезнь крайне обострилась⁵⁰⁹. 22 сентября 1503 года в «Памяти И.И.Ощерину», посланному с посольством в Крым, содержится информация о том, что Нур-Даулет умер⁵¹⁰. По всей вероятности, Нур-Даулет умер в 1503 году.

16 мая 1504 года Сатылган прислал к великому князю людей спросить разрешения, можно ли послать в Крым «кости» его отца Нур-Даулета⁵¹¹. Об этом Сатылгана просил его дядя Менгли-Гирей⁵¹².

Обращаясь непосредственно к великому князю, крымский хан просит выслать в Крым также и «большую жену» Нур-Даулета, «Коруатью Мадыкову дочь большую»⁵¹³. Эта просьба была выполнена зимой 1504/05 г.⁵¹⁴. Таким образом, Нур-Даулет был похоронен не в Касимове, как многие другие касимовские владельцы, а в Крыму.

Итак, Нур-Даулет являлся касимовским ханом в 1486–1490 гг. Умер он в 1503 году. Нур-Даулет являлся грозным оружием внешней политики Москвы как по отношению к Крымскому ханству (династические претензии на ханский престол), так и по отношению к Большой Орде «Ахматовых детей» (активные военные действия на границе с Ордой). Вообще можно отметить, что существует большое различие между теми касимовскими правителями, которые обладали действительными правами на ханский престол в другом государстве (в Казани, Крыму), и теми, кто таковыми не обладал. Первые (Нур-Даулет, Касим), несомненно, предпочитались Москвой при назначении на должность касимовского владельца, являясь важной картой в сложных дипломатических играх. Вторые же (Данияр, Сатылган, Джанай и др.) использовались лишь в военных акциях.

Таким образом, к началу 90-х годов XV века были достигнуты крупные успехи в деле распространения русского влияния среди

⁵⁰⁶ Там же. — № 35. — С.151.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ Там же. — № 58. — С.270; № 59. — С.278.

⁵⁰⁹ Там же. — № 87. — С.446.

⁵¹⁰ Там же. — № 92. — С.491.

⁵¹¹ Там же. — № 96. — С.512–514.

⁵¹² Там же. — № 100. — С.544.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Там же. — № 101. — С.553.

татарских ханств; Крым последовательно вовлекался в орбиту московской политики⁵¹⁵.

Сатылган. Сын Нур-Даулета Сатылган вступил на должность касимовского султана в 1490 году. Этот вывод я делаю как из данных описи царского архива XVI века⁵¹⁶, так и из того, что в апреле 1490 года Нур-Даулет в последний раз участвует в военных действиях⁵¹⁷ (причем уже вместе с Сатылганом, который в дальнейшем полностью заменяет отца), а также из данных договорной грамоты рязанского великого князя Ивана Васильевича со своим родным братом, удельным князем Федором Васильевичем (датирована 19 августа 1496 года), в которой Сатылган получает тот «ясак», который до него получали Нур-Даулет, Данияр и Касим⁵¹⁸.

Сатылган не обладал династическими правами на какой-либо джучидский престол, и поэтому его московское правительство использует лишь в военных акциях, в основном против «Ахматовых детей» — ханов Большой Орды. Когда не намечалось ничего серьезного во внешней политике Москвы, русское правительство просто при удобном случае отправляло касимовских владельцев с их татарами на театр военных действий, полагая, что лучше пусть льется кровь неверных «бусурман», нежели христианская. Помощь касимовских правителей, обладавших мощной конницей и служивших важным инструментом военного воздействия на политику соседних государств, нельзя недооценивать.

Впервые Сатылган участвует в походе против Большой Орды вместе со своим отцом Нур-Даулетом в апреле 1490 года⁵¹⁹. Интересно, что в следующем посольстве от Ивана III к Менгли-Гирею (28 октября 1490 года) сообщается, что ранней весной (видимо, как раз в апреле 1490 года) на Большую Орду был послан лишь Сатылган, без Нур-Даулета, но со своими уланами и князьями⁵²⁰.

Возможно, что в апреле 1490 года лишь предполагалось послать Нур-Даулета, но сделать это по каким-либо причинам не удалось (например, из-за ухудшившегося состояния здоровья), и на Орду пошел лишь Сатылган со своими приближенными (князьями и уланами). Предполагалось, что Сатылган должен участвовать в военной операции с апреля до зимы 1490/91 г. (заметим, что все это время касимовский царевич отсутствовал бы в своем «уделе» — Касимовском ханстве, равно как и высшая прослойка феодалов ханства), однако Сатылган, не дождавшись ответного письма от Менгли-Гирея, ушел «к себе» (в Касимов) раньше, чем требовалось. Иван III со-

⁵¹⁵ Базилевич К.В. Внешняя политика... — М., 1952. — С.208.

⁵¹⁶ Государственный архив России XVI столетия. — М., 1978. — С.39.

⁵¹⁷ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 24. — С.88–89.

⁵¹⁸ ДДГ. — М.; Л., 1950. — № 84. — С.333.

⁵¹⁹ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 24. — С.88, 89.

⁵²⁰ Там же. — № 27. — С.98–99, 101.

общает крымскому хану, что царевич сделал это «молодою мыслью», а его князья и уланы дали ему неправильный совет. Все это произошло без ведома великого князя. В конце Иван III заверяет хана, что следующий весной вновь пошлет Сатылгана со своей конницей на Большую Орду и прикажет не уходить оттуда до зимы⁵²¹.

В апреле следующего (1491) года Менгли-Гирей требует, чтобы великий князь побыстрее послал ему на помощь против «Ахматовых детей» «казанских казаков», а также «Нурдовлатовых царевых казаков» во главе с царевичем Сатылганом⁵²². Как видим, казанцы в эти годы рассматривались Москвой как такие же вассалы, каковыми являлись для нее касимовцы. Эту просьбу хан повторил в мае⁵²³.

Иван III 21 июня 1491 года сообщает, что он послал Сатылгана с его людьми, а также и русское войско, на Большую Орду⁵²⁴. Царевич Сатылган выехал 3 июня 1491 года. Приказ от великого князя был таков: в случае нападения Большой Орды на Крымское ханство они должны выступить против «Ахматовых детей». Сатылгану приказано поддерживать связь с Менгли-Гиреем. В ноябре 1491 года Менгли-Гирей подтвердил факт присутствия Сатылгана с войском на границе с Большой Ордой⁵²⁵.

В марте 1492 года, из «Памяти Ивану Лобану-Колычеву», являвшемуся послом в Крыму, становится ясно, что Сатылган ушел с театра военных действий в Большой Орде преждевременно. В объяснении этого поступка царевича Менгли-Гирею Иван III говорит, что произошел инцидент с разведывательной группой Сатылгана, князем Тонкачем: на него напали люди некоего мурзы Мусеки, которые перебили и пленили некоторых людей Сатылгана. Поэтому сам Сатылган отступил, однако оставил на «Поле» уланов, князей и казаков, послав их под Орду. По словам великого князя, они все лето «воевали» Орду⁵²⁶.

В июле 1501 года Сатылган находился не в Касимове и не на границе с Большой Ордой, а в Москве, причем находился под стражей. Это мы знаем из «Грамоты Менгли-Гирея Ивану III» (23 июля 1501 года)⁵²⁷. Причин заключения Сатылгана в документах не указывается. Менгли-Гирей сообщает великому князю, что сейчас (в 1501 году) Сатылган очень необходим для участия в военных действиях против «Ахматовых детей», поэтому он просит освободить из заключения Сатылгана⁵²⁸.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Там же. — № 28. — С.105.

⁵²³ Там же. — № 29. — С.110, 111.

⁵²⁴ Там же. — № 30. — С.115, 116.

⁵²⁵ Там же. — № 32. — С.124; см. также: ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.38; 1859. — Т.8. — С.223.

⁵²⁶ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 34. — С.141.

⁵²⁷ Там же. — № 72. — С.362.

⁵²⁸ Там же.

Из-за заключения Сатылгана под стражу его дружина осталась без предводителя, и поэтому из посольства в Крым (отправлено 30 августа 1501 года), из «Грамоты Ивана III к Менгли-Гирею», узнаем, что против «Ахматовых детей» Шейх-Ахмада и Сеид-Махмуда были посланы лишь «царевы Нордоулатовы уланы и князи и казаки» без царевича, а также казанский хан Мухаммад-Амин⁵²⁹.

Менгли-Гирей в ноябре 1502 года вновь просит великого князя проинформировать его о судьбе Сатылгана, опять напоминая, что он весьма необходим на границе с Большой Ордой⁵³⁰.

Из «Памяти И. Берсеню», бывшему послом в Крым, датированной 23 февраля 1503 года, мы лишь узнаем, что из-за того, что Сатылган «которое дело учинил молодостию», великий князь «держит его у себя того дея, чтобы инога дела молодостию не учинил»⁵³¹.

В «Памяти И. Ощерину» (22 сентября 1503 года) говорится о смерти Нур-Даулета и о том, что великий князь хочет жаловать Сатылгана Касимовом (сентябрь 1503 г.)⁵³².

Попытаемся разобраться в этой истории с Сатылганом и его заключением под стражу. Вероятно, что приблизительно в 1501 году или чуть раньше Сатылган начал тайные дипломатические переговоры с иностранными подданными (либо главами государств, либо с высшей правящей прослойкой); возможно, что это были сыновья Менгли-Гирея, которые еще при его жизни фактически вышли из-под контроля отца и даже самостоятельно совершали набеги на русские земли. Суть этих переговоров прояснить нет возможности из-за отсутствия репрезентативных источников. Для бдительных агентов московского правительства эти отношения не остались тайными, и Сатылган был, по всей вероятности, уличен в нарушении шертной грамоты, связывавшей татарских «служилых» царевичей с московским великим князем: удельные властители были лишены права вести самостоятельную внешнюю политику, и вся их дипломатическая переписка должна была прочитываться Посольским приказом. За это он был «пойман», лишен Касимова и заключен под стражу в Москве. Примерно такая же история произошла позже и с Шах-Али. Однако просьба Менгли-Гирея об освобождении племянника, а также его полезность в военных делах вынудили Ивана III помиловать Сатылгана (возможно, что здесь сыграла роль и смерть Нур-Даулета, и освобождение Сатылгана явилось своего рода «амнистией»), и он вновь был пожалован Касимовом в сентябре 1503 года. В мае 1504 года Сатылган уже вновь является касимовским владельцем⁵³³. 16 мая 1504 года Иван III заверил Менгли-Гирея, что в случае

⁵²⁹ Сборник РИО. — СПб., 1884. — Т.41. — № 75. — С.370.

⁵³⁰ Там же. — № 87. — С.446.

⁵³¹ Там же. — № 88. — С.461.

⁵³² Там же. — № 92. — С.491.

⁵³³ Там же. — № 96. — С.512–514.

похода против Менгли-Гирея ногаев он направит против них Сатылгана вместе с его братом Джанаем⁵³⁴.

Менгли-Гирей не зря в 1501 и 1502 годах так просил великого князя освободить Сатылгана и послать его против «Ахматовых детей». В это время крымский хан наносил последние массированные удары по улусам Большой Орды; итогом этой военной кампании стал разгром ее ставки (историография обычно обозначает это событие как «полный разгром» Большой Орды) в 1502 году. И хотя Сатылган не смог принять участия в этих заключительных акциях, тем не менее Касимовское ханство и его татарская конница сыграли значительную роль в подготовке падения орды «Ахматовых детей».

Взаимоотношения с Казанью. В связи с изменившейся внешне-политической обстановкой меняется и направление использования касимовских правителей «с их татарами». На первый план выходят походы против Казанского ханства и выставление претендентов на казанский престол. Также касимовцы используются в военных акциях против ногаев и в локальных конфликтах.

В 1505 году внезапно осложнились отношения Москвы с Казанью⁵³⁵. 24 июня 1505 года произошел русский погром, московские купцы были убиты, посол М.А.Кляпик арестован. В Московское государство поступают сведения о планах казанского хана Мухаммад-Амина «воевать» новгородские и муромские места (август — сентябрь 1505 г.)⁵³⁶. Сатылган и его родной брат Джанай с их князьями, уланами и казаками были посланы в пограничный Муром⁵³⁷. С «царевичи» был воевода князь В.Д.Холмский. Однако вскоре казанский хан отступил.

В октябре 1505 года Иван III умер. Великокняжеский престол занял его сын Василий III. Он продолжил политику своего отца по созданию единого Русского государства и расширению его границ.

Первым делом Василий III решил ответить Мухаммад-Амину за его нападение в сентябре 1505 года на Нижний Новгород. С этой целью была послана конная и судовая рать к Казани. В составе конной рати вместе с касимовскими татарами находился брат Сатылгана султан Джанай⁵³⁸. Однако поход окончился для войск великого князя крайне неудачно.

Вскоре после бегства русских из-под Казани, летом 1506 года, великий князь послал войско к Мурому, для наблюдения за действи-

⁵³⁴ Там же.

⁵³⁵ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С.60–61.

⁵³⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — М., 1901. — С.33; Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.36.

⁵³⁷ Там же; ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.50; 1859. — Т.8. — С.245.

⁵³⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.37; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.34.

ями Мухаммад-Амина⁵³⁹. В составе этого войска были Сатылган и Джанай, а также в большом полку В. Д. Холмский. Это последнее упоминание о Сатылгане в документах. Вероятно, вскоре после этого (в конце 1506 г.) царевич умер.

Итак, примерные годы правления Сатылгана в Касимове — 1490–1506; при этом в июле 1501 — августе 1503 гг. Сатылган находился в Москве под стражей, и Касимовское ханство оставалось в этот промежуток времени без правителя.

Джанай. У Сатылгана был родной брат — султан Джанай, который и стал следующим касимовским правителем. Точно неизвестно, какую роль играло московское правительство при передаче власти в Касимовском ханстве от отца к сыну и от брата к брату; возможно, что в этих случаях назначение на престол было внутренним делом касимовцев, может быть и то, что касимовцы спрашивали разрешение на такую передачу престола у Москвы (это более вероятно), а также то, что и в этих случаях полный контроль за назначением на касимовский престол принадлежал Москве и лично великому князю или царю.

Джанай становится касимовским царевичем приблизительно с конца 1506 года или где-то между 1506 и 1508 гг. Об этом говорят данные дипломатической переписки с ногаями: в августе 1508 г. к великому князю приезжал сын «ногайского султана» Ах-Курта Ак-Даулет и просил, чтобы Василий III «дал» отцу его или Казань, или городок Мещерский, либо город Андреев.

Великокняжеские должностные лица отвечали ему, что казанский хан Мухаммад-Амин уже «друг» Василия Ивановича, а Городок Мещерский и Андреев пожалованы Янаю царевичу — «...ино казанской царь Махмет-Аминь ныне нам друг и брат, а в городке Мещерском Янаи царевич, и те места оба непорожни, и нам тех мест обеих непригоже ему дати»; «Андреев городок к городку ж за Янаем царевичем: того государю нашему непригоже ж дати»⁵⁴⁰. Ак-Даулет отпускали с дарами — Василий III «велел есми тебе дати платно теплое, а людей есми твоих велел пожаловати», но без жалованных грамот: «А грамоты князь великий к Ак-Курту царевичу не послал»⁵⁴¹.

Этот факт доказывает, что следующим после Сатылгана правителем в Касимовском ханстве был его брат Джанай. Подтверждает это и опись царского архива Руси XVI века⁵⁴², а также шертная грамота, данная 29 декабря 1508 года великому князю Василию III бывшим казанским ханом Абдул-Латифом. В ней говорится: «А что у вас

⁵³⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.37; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.35.

⁵⁴⁰ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 1. — С.14–15.

⁵⁴¹ Там же.

⁵⁴² Государственный архив России XVI столетия. — М., 1978. — С.39.

Янаи Ц[а]р[е]в[и]ч в городке в Мещерском и Ших-Авлиар Ц[а]р[е]в[и]ч в Сурожике, или иной Ц[а]рь, или Ц[а]р[е]в[и]ч будет у вас в вашей земли, и мне, АбдыЛетифу Ц[а]рю им лиха никакова не мыслити, ни чинити, ни моим уланом, ни князем, ни казаком нашим всем...»⁵⁴³.

Возможно, что уже в конце 1506 года Сатылгана не было в живых и Джанай владел Мещерским Городком. Предположить это можно на том основании, что в разрядных книгах в конце 1506 года значится один Джанай без брата, а именно: сначала, 16 октября, ему велено было идти «по казанским вестям» в Муром и встать во главе собиравшегося там отряда, а потом, когда подойдут новые войска и выступят в поход, находиться «у передового полку на праве»⁵⁴⁴.

Разумеется, и в апреле того же 1506 года Джанай ходил в поход один, в то время как правитель Мещерского юрта Сатылган оставался в Касимове; однако после лета 1506 года о Сатылгане более в источниках не упоминается.

История касимовских татар и жизнь самого Джаная за все время управления его Мещерским Городком малоизвестна. В 1507–1508 гг. Василий III вел войну с Великим княжеством Литовским. В конце этой кампании, 20 августа 1508 года, часть касимовских татар, имея «в головах» у себя Мухаммад-Амина, сына Каракучука Ширинова, ходила под командованием воеводы князя В.Д.Несвицкого, с галичанами и костромичами, провожать в обратный путь литовского князя Михаила Глинского⁵⁴⁵, который приезжал на несколько дней в Москву и выпросил у великого князя войско для обороны городов Мозыря и Турова. Примерно в это же время Джанай с другой частью касимовских татар был послан вместе с князем В.И.Оболенским на подкрепление к князю Д.В.Щени, который получил приказание идти из Вязьмы к Торопцу, чтобы выгнать появившийся там литовский отряд⁵⁴⁶.

В 1508 г. Мещерский юрт просил себе и крымский султан Япанчи, один из сыновей Менгли-Гирея: «...Нам то ведомо, что Нур-Довлат царь на брата своего розгневався, да прочь пошел. И князь великой, отец твой [Иван III. — *Б.Р.*], Нур-Довлату царю Рязанской юрт давши, да на Мещере его царем учинил; а и мне в сей земле гнев некаков есть. И только мне тот же юрт дать, ты меня на том юрту увидишь»⁵⁴⁷. Интересно, что в данном тексте употребляется довольно редкое наименование Мещеры — «Рязанской юрт». Просьба Япанчи не была удовлетворена.

⁵⁴³ СГГД. — М., 1819. — Ч.2. — № 27. — С.33.

⁵⁴⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.37; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.35.

⁵⁴⁵ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.39.

⁵⁴⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.41; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.39.

⁵⁴⁷ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 2. — С.37.

Дипломатическая переписка (замечу, бесценный источник по истории Касимовского ханства) содержит интересные данные о статусе Мещерского юрта. Сторонними тюркскими правителями (теми, кто никогда не правил ни в Мещере, ни в Казани) конца XV — начала XVI в. Мещера (Касимовское ханство) и Казань (Казанское ханство) зачастую воспринимались как равнозначные «места», что говорит нам о некоем сходстве в статусе этих образований. Так, царевич Ах-Курт писал Василию III в 1508 г.: «И коли пожалуешь **из тех из дву юртов** [выделено мной. — *Б.Р.*] меня, и ты бы...»⁵⁴⁸. Из контекста документа становится ясно, что Ах-Курт просит «дать» ему либо Казань, либо Мещеру («два юрта»). Мещера названа юртом, что является в тюркской традиции синонимом слова «государство». Соответственно, Касимовское ханство представлялось тюркским современникам как государственное образование. Русские уделы, к которым часто относят Касимовское ханство, таковыми не являлись и соответственно не воспринимались. Казань в указанный период была под московским владычеством, а Мещера была под сюзеренитетом великого князя московского все время своего существования. Так что данный тезис, на мой взгляд, является вполне обоснованным и ни в коей мере не претендует на радикализм.

Как равнозначные «места» пыталось представить Казань и Касимов и московское руководство. Так, в общении с Литвой, не очень то знакомой с казанскими делами, Василий III так объяснял в 1517 г. польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Казимировичу обстановку вокруг Казани: «...ино, Жигимонте [Сигизмунд. — *Б.Р.*], то говоришь негораздо ведая, что отец наш великий государь [Иван III. — *Б.Р.*] землю Казанскую отдал неверным. Ино то делается так: еще было от прародителей наших и при предках наших и при отце нашем и ныне при нас, в **наших государствах** по тем местом живут цари и царевичи **нашим жалованьем**, да иным многим царем и царевичем, которые нам служат, даем в **своих государствах** места свое жалованье»⁵⁴⁹. Сравните с тем, что говорится о Мещере: «...А Мещерская земля в **нашем государстве**, и тем местом жалует мы царей и царевичев, и они на тех местех на **нашем жалованье** живут, а нам служат»⁵⁵⁰. И казанцы, и касимовцы «живут» московским «жалованьем» и «служат» Москве, и Казань, и Касимов являются московской собственностью («наши государства»). Такая картина вырисовывается исходя из данных дипломатической переписки с Литвой. «И ты, Жигимонте, тому не дивися, от прародителей наших и при отце нашем и при нас в наших государствах такие обычаи водятся»⁵⁵¹, — «по-доброму» вразумлял Василий III своего

⁵⁴⁸ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 1. — С.11–15.

⁵⁴⁹ Сборник РИО. — СПб., 1882. — Т.35. — № 85. — С.530.

⁵⁵⁰ Там же. — С.531.

⁵⁵¹ Там же.

геополитического конкурента по объединению всех русских земель под единым патронатом, говоря о системе вассальных татарских образований на территории Московской Руси, намекая: роль основного объединителя — за мной, я воссоздаю ордынскую систему на территории Северо-Восточной Руси, претендуя не только на главенство над всеми русскими землями, но и в целом на верховенство над всей территорией бывшей Золотой Орды.

Вообще отмечу, что мнение о Казанском ханстве как о независимом государстве является по большей части историографическим мифом. Казанское ханство большую часть своего существования пребывало то под влиянием Москвы, то Крыма, иногда Ногайской Орды, местная знать, особенно после пресечения династии Улуг-Мухаммада, ведущие позиции в управлении ханством быстро теряла. Казань была «разменной монетой» в больших геополитических играх гегемонов позднезолотоордынского Дешта — Крыма и Москвы.

Мнение о Казани как об одном из наиболее сильных и агрессивных наследников Улуг Улуса источниками, даже русскими, в достаточной мере не подтверждается. Единственная причина, по которой казанскому направлению восточной политики Московского государства во второй половине XV — первой половине XVI вв. уделялось наибольшее внимание, — это наличие географической границы между двумя государствами, что приводило, разумеется, к большему количеству «контактов» (в основном военных), чем с каким-либо другим наследником Золотой Орды. Ни с Крымом, ни с Ногайской Ордой, ни с Большой Ордой, после ее «разгрома» — с Астраханью такой общей границы у Великого княжества всея Руси не было. Именно поэтому, на мой взгляд, Казань и пала первой из этого списка.

Итак, Джанай управлял Касимовом с конца 1506-го по 1512 год⁵⁵² (подтверждение последней даты ниже). Он участвовал лишь в военных акциях Василия III.

Со смертью Джаная на касимовском престоле окончила свое пребывание и «крымская династия», то есть потомки первого крымского хана Хаджи-Гирея. Она правила в Касимове с 1486 по 1512 гг. Далее, как увидим ниже, в Мещерском Городке сидели потомки ханов Большой Орды. Это естественно. Еще ранее «напряжение, окружавшее фигуру Нур-Даулета, стало симптомом будущих конфликтов в крымско-московском альянсе»⁵⁵³. До тех пор, пока Крымское ханство занимало более или менее дружественную позицию по отношению к Русскому государству и было его союзником в борьбе с Большой Ордой, возможность держать в Касимове крымских выходцев сохранялась, но как только его позиция переменялась, их

⁵⁵² Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С. 49.

⁵⁵³ Khodarkovsky M. Taming the 'Wild Steppe': Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // Russian History/Histoire Russe. — 1999. — Vol. 26. — № 3. — P. 250.

пребывание там стало опасным для Василия III⁵⁵⁴. Перед русским правительством вновь встала проблема назначения кого-либо на касимовский престол.

Правление Гиреев оставило существенный след в истории Мещерского юрта. Даже через пять лет после окончания пребывания этой династии в Мещере, в 1517 году, крымский хан Мухаммад-Гирей воспринимал ее как свой «юрт» — «а из старины тот юрт наш»⁵⁵⁵. Об этом заявлял хан заменявшему посла подьячему Мите Иванову⁵⁵⁶. Так же воспринималось Касимовское ханство и крымской знатью⁵⁵⁷. Поэтому, когда в 1512 г. Василий III посадил в Касимове представителя враждебной Крыму большеордынской династии, это вызвало общее возмущение в «Тахтамышевом царевом юрте»: «Над Нур-Довлатовыми и над Касымовыми слугами на нашем юрте недруга нашего сына Шаг-Влияра, того ли тебе пригоже, взяв, держати?»⁵⁵⁸.

Клан Ширин, занимавший в Мещере по знатности и по влиянию первое место среди других четырех кланов⁵⁵⁹, имел к ней особо «ревнивое» отношение. По преданию, когда-то именно Ширинами была покорена Мещера. В родословной князей Мещерских содержится информация о том, что «князь Ширинской Бахмет Усеинов сын пришел из Большие Орды в Мещеру и Мещеру воевал и засел ее»⁵⁶⁰. В связи со сменой династии Ширины начали, по сути, настоящую локальную войну против Москвы, двинувшись в поход на Мещеру⁵⁶¹. Мухаммад-Гирей писал Василию III в 1517 г.: «...а что наши люди летось и нынеча Мещеру воевали, и за то яз и вперед не имаюся, хотя яз с братом своим с великим князем буду в дружбе и в братстве, ино мне самому на Мещеру не думати, и хоти и детей своих уйму, а людей ми своих не мочи уняти: пришли на меня землю все, что им меня не слушати в том. А Ширины oprичь меня здумали, что им вперед Мещера воевати, за то что нынеча на Мещере наш недруг, **а из старины тот юрт наш** [выделено мной. — Б.Р.]. И нынеча брат мой князь великий о чем у меня на Мещеру не просит брата или сына; ...и толко то по старине не будет, и то всегда быти воеваной

⁵⁵⁴ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV в. — начало XVI в. — М., 2001. — С.305.

⁵⁵⁵ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 21. — С.377.

⁵⁵⁶ Так же Гирей смотрели и на Казань (Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 38. — С.679, 696).

⁵⁵⁷ В 1516 г. крымский мирза Бахтияр писал Василию III: «...сам гораздо знаешь, что **Мещерской юрт государя моего царев** [выделено мной. — Б.Р.]» (Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 14. — С.251).

⁵⁵⁸ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 30. — С.520.

⁵⁵⁹ См. § 2 главы 2.

⁵⁶⁰ Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. — М., 1851. — Кн. 10. — С.75.

⁵⁶¹ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 21. — С.377; № 30. — С.520.

Мещере. А ведь мы ведаем, что нынеча на Мещере не человек, и людей в Мещере бесерменьи [мусульман. — *Б.Р.*] нет никого, ино не у кого жити, и то б брату моему великому князю внятны мои речи были. А колко о том царевиче не пишу к великому князю, и он ко мне не отпишет. А то пак слыхано ли, что бесерменину бесерменин бесерменина в полон взяти, ино наши люди и бесерменью в полон поимали в Мещере, а того у нас и в писанье нет, что бесермена прода-ти, а наши люди мещерскую бесерменью и пропродали, а все тому рняся, **что не наш род на Мещере государь** ...А князи городетцкие и мне приказывали, и не одинова, **чтоб наш род был им государь**⁵⁶². По всей видимости, после смены династии в Касимове значительная часть касимовской знати крымского происхождения отъехала обратно в Крым — «и людей в Мещере бесерменьи нет никого, ино не у кого жити». При походе Ширинов на Мещеру в плен бралось не только русское население, но и мусульманское, на это сетует крымский хан как на вынужденную меру. Видимо, какая-то часть населения (верхней страты, несомненно) — «Нур-Довлатовы и Касымовы слуги» — «князи городетцкие», уже привыкшая к крымцам и нашедшая с ними общий язык, была недовольна сменой династии в Касимове и хотела возвращения Гиреев.

В 1517 г. диван (совет карачибекоев) отказал в согласии на союз с Москвой, выставив одним из условий коалиции смещение с Мещеры «недруга» Шах-Али и замена его одним из сыновей Менгли-Гирея. Об этом отказе Мухаммад-Гирей писал Василию III: «...и Шырын, и Аргын и Барын и Кипчак карачи князи наши в головах и все уланы и князи роты и правды не учинили»⁵⁶³.

В этом же году в связи с давними расприями между ханом Мухаммад-Гиреем и его братом султаном Ахмад-Гиреем поднялся вопрос об «опочиве» для Ахмада на Руси. Еще в 1515 г. Василий III обещал принять Ахмада с детьми и со всеми людьми, обещая ему и свободный отъезд в случае его желания⁵⁶⁴. В декабре 1517 г. вопрос ставился определеннее: Ахмаду была обещана Мещера⁵⁶⁵. Правда, Василий III готов был принять Ахмада только в крайнем случае: «...если на царевича будет нужда велика, и нелзе ему там дотоле быти», только в этом случае посол должен был решительно говорить с Ахмадом об «опочиве».

Учитывая враждебные в целом в этот период отношения с Крымом, в Москве не доверяли даже противникам хана (противниками они могли оставаться недолго, а недоверие в отношении «неверных» — факт для средневековья очень устойчивый). Причем Василий III

⁵⁶² Там же. — № 21. — С.377–378.

⁵⁶³ Там же. — С.388.

⁵⁶⁴ Там же. — № 12. — С.211–212.

⁵⁶⁵ Там же. — № 23. — С.419–420.

таким шагом намеревался убить сразу двух зайцев: предоставить «место» в своей земле оппозиционному хану-султану и в то же время удовлетворить требования Мухаммад-Гирея о предоставлении Мещеры во владение одному из его сыновей⁵⁶⁶. Кроме Касимова Ахмаду обещали и Каширу; если бы султан прислал своего сына Геммета, то Мещерский Городок великий князь был согласен дать и ему⁵⁶⁷.

Общий настрой Крыма в отношении Касимовского ханства в первой четверти XVI в. Мухаммад-Гирей выразил так: «...а будет на Мещере не нашему роду быти, *ино у нас на то миру нет*»⁵⁶⁸.

При всем этом бесспорным являлся факт принадлежности Мещеры Москве как «вотчины» московского великого князя⁵⁶⁹.

§ 3. Представители большеордынской династии в Казани и Мещере

Несмотря на то, что возникновение Касимовского ханства было явно не запланировано правительством Василия II, его историческая судьба уже начиная с 50-х годов XV века складывается так, что оно является зависимым от Москвы, вассальным образованием, используемым для различных целей московской внешней политики. Своего «апофеоза» в этом качестве, наибольшего значения для Русского государства Касимовское ханство достигло в 20–50-х гг. XVI века, когда основной целью московской внешней политики становится «восточный вопрос» — подчинение Казанского ханства. Об этом задумывался и предпринимал реальные шаги в этом направлении (взятие Казани «саблею» в 1487 г.) еще Иван III, его дело продолжил сын, Василий III. В деле достижения решения данного вопроса у Москвы в различные периоды появлялись разные подходы, и далеко не сразу московское руководство пришло к мысли об окончательном присоединении территории Казанского ханства военным путем. Одним из средств достижения контроля над политикой Казанского ханства было выдвижение своих ставленников на казанский престол. Этими ставленниками, как правило, являлись касимовские правители — цари и царевичи.

В данном параграфе я попытаюсь показать, как Москва через своих вассалов пыталась проводить собственную политику в Казань

⁵⁶⁶ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — №23. — С.419.

⁵⁶⁷ Там же. — № 30. — С.509; № 31. — С.542, 557, 559; № 32. — С.569–571; № 33. — С.600–605.

⁵⁶⁸ Там же. — № 21. — С.380.

⁵⁶⁹ В договоре великого князя московского Ивана Васильевича (Ивана III) с великим князем литовским Александром Казимировичем от 1494 г. последний признавал, что Мещера является вотчиной Ивана Васильевича (ДДГ. — М.; Л., 1950. — С.330; см. также: Сборник РИО. — СПб., 1882. — Т.35. — № 24. — С.127, 130).

ском ханстве, в чем были плюсы и минусы такой политики для казанцев и самих касимовских ханов и к чему в итоге это привело.

Разгром Большой Орды в 1502 г. крымским ханом Менгли-Гиреем привел к образованию в степи «вакуума», что вызвало конфликт прежних союзников — Москвы и Крыма⁵⁷⁰. Союз Москва — Крым — Казань распался. Казанское ханство, как более слабое звено этого треугольника, стало очагом интриг и борьбы между промосковской и прокрымской фракциями местной аристократии.

Шейх-Аулияр. После смерти последнего представителя крымской династии в Касимове султана Джаная выбор Москвы в назначении на касимовский престол пал на Шейх-Аулияра, сына султана Бахтияра, большеордынского Джучида; он был племянником хана Большой Орды Ахмада и, соответственно, одним из потомков Чингисхана⁵⁷¹. То, что Шейх-Аулияр был следующим правителем после Джаная, доказывает как опись царского архива XVI века⁵⁷², так и данные разрядных книг⁵⁷³. В летописях читаем: «Того же лета [1502. — *Б.Р.*] приидоша к великому князю служити два царевича из Хазторокани, Исуп-салтан Ягуб-Салтанов сын, да Шигавлиар-Салтан Бахтиар-Салтанов сын, Ахматовы братаничи Болшиа Орды»⁵⁷⁴. Итак, Шейх-Аулияр прибыл на Русь в 1502 году. Он участвовал в русско-литовской войне 1507–1508 гг. (сентябрь 1507 г.)⁵⁷⁵.

Крым враждебно воспринял назначение потомка хана Ахмада на касимовский престол: «...Ахматовы и Махмутовы царевы дети наши недрузи, а и ты брат наш [Василий III. — *Б.Р.*] зовешь их себе недрузи и в грамотах в своих завсе к нам о них пишешь, и ты от их же детей нашего недруга Шиг-Овляяру царевичу Мещерской юрт дал еси и гораздо ему честь чинишь»⁵⁷⁶.

Уже будучи касимовским султаном, Шейх-Аулияр принимал участие в походе Василия III под Смоленск, начатого 19 декабря 1512 года; Шейх-Аулияр присоединился к нему в Можайске, будучи с касимовскими татарами⁵⁷⁷.

Предположительно Шейх-Аулияр скончался в 1516 году⁵⁷⁸. Годы

⁵⁷⁰ Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // *Slavic Review*. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.554.

⁵⁷¹ Государственный архив России XVI столетия. — М., 1978. — С.39. Подробнее о происхождении Шейх-Аулияра см.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.224–244.

⁵⁷² Государственный архив России XVI столетия. — М., 1978. — С.39.

⁵⁷³ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.49.

⁵⁷⁴ ПСРЛ. — СПб., 1901. — Т.12. — С.256; 1853. — Т.6. — С.48, 244; 1859. — Т.8. — С.243.

⁵⁷⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.38; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга ... — М., 1901. — С.36.

⁵⁷⁶ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 16. — С.296.

⁵⁷⁷ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга ... — М., 1901. — С.49.

⁵⁷⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. — Ростов н/Д, 1994. — Кн.3. — Т.7. — 9. — С.42.

его правления в Касимовском ханстве — 1512–1516. Шейх-Аулияр запомнился и современникам и историкам не как личность, интересная сама по себе, а прежде всего тем, что являлся отцом двух ханов, оставивших заметный след в истории как Мещеры, так и Казанского ханства. Это были ханы Шах-Али и Джан-Али, о которых и пойдет речь ниже.

Шах-Али. Шейх-Аулияр был женат на Шахи-солтан, дочери ногайского князя Ибрагима. В 1505 году у них родился сын Шах-Али. В 1516 году в этой семье родился второй сын, Джан-Али. В этом же году Шейх-Аулияр скончался, и управление Касимовским ханством перешло к его старшему сыну Шах-Али. Когда умер отец, царевичу, по мнению Худякова, было всего 11 лет⁵⁷⁹.

Крымские ханы питали непримиримую ненависть к родственникам хана Ахмада, изгнанным из Сарая и нашедшим убежище в Московском государстве (именно таким и был Шейх-Аулияр). В 1516 году крымское правительство протестовало против назначения Шах-Али владетельным царевичем касимовским и ходатайствовало о предоставлении Касимовского ханства царевичу Сахиб-Гирею, однако московское правительство не удовлетворило ходатайства⁵⁸⁰.

Смена династии в Касимовском ханстве являлась немаловажным и очень чувствительным фактором международных отношений Восточной Европы XVI в. Американский исследователь О.Прицак вообще полагает, что «только теперь касимовское Чингисиды стали марионетками в руках московских правителей, передавая им харизму династии, необходимую для создания нового государственного организма»⁵⁸¹. По сути это был открытый вызов Крымскому ханству, которое после разгрома Большой Орды считало себя «Тахтамышевым царевым куртом», то есть прямым наследником былого могущества Золотоордынского государства. В рамках тех правовых норм, которые господствовали на территории Дешт-и-Кипчака, это выглядело вполне легитимным, да по сути и являлось таковым. Однако по своему экономическому и военному потенциалу в XVI в. уже и Московия близится к статусу сильнейшего члена этой системы. Но в то же время ее фактическое положение резко контрастировало с формальным статусом в рамках постзолотоордынских юридических норм, так как московский государь не принадлежал к династии Чингисхана.

В декабре 1518 года умирает казанский хан Мухаммад-Амин⁵⁸².

⁵⁷⁹ Худяков М.Г. Очерки... — М., 1991. — С.78.

⁵⁸⁰ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.247, 250.

⁵⁸¹ Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // Slavic Review. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.580.

⁵⁸² ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.263; 1859. — Т.8. — С.266.

Это событие имело много последствий. С Мухаммад-Амином прекратилась династия Улуг-Мухаммада на казанском престоле, то есть династия, которой казанский престол принадлежал по праву основания.

Ни Мухаммад-Амин, ни Абдул-Латиф (на основании особого договора он должен был получить казанский престол после смерти Мухаммад-Амина, однако он умер еще раньше его, 19 ноября 1517 года⁵⁸³) не оставили после себя сыновей. Царевна Гаухаршад (в русских источниках Ковгоршад) в тот период проживала в Казани, но вопроса о ее кандидатуре не поднималось. Последний представитель ханского рода царевич Худайкул, живший более 30 лет в Русском государстве, давно обрусел. Он, как и сыновья царевича Мелик-Тагира, крестился (получив имя Петр), женился на русской и утратил свои права на казанский престол. Таким образом, династия Улуг-Мухаммада пресеклась, и для Казанского ханства вновь остро встал вопрос о престолонаследии.

Ближайшими родственниками угасшей династии являлись сводные братья последних двух ханов — крымские царевичи, сыновья хана Менгли-Гирея, за которого вышла замуж царица Нур-Султан. Крымское правительство давно смотрело на них как на законных наследников Казанского ханства и наметило кандидатуру царевича Сахиб-Гирея. Позиция крымского правительства нашла свое отражение в заявлении, сделанном Василию III от имени Мухаммад-Гирея князем Аппаком через русского посла в Крыму И.Челищева (еще до смерти Мухаммад-Амина): «Казанский Магмед-Аминь царь, сказывают, болен, и яз брата своего Сагип-Гирея на тот юрт нарядив изготовил; и нечто теперво какво над Магмед-Аминем царем сстанетца, и мы Сагип-Кирея на тот юрт царем учиним, так молвья сдумали; а нечто из инова юрта некто пришед царем ся учинит, ино и ты брат мой князь великий в истоме будешь, и нам будет недоброе имя»⁵⁸⁴. Таким образом, Мухаммад-Гирей открыто заявлял притязания на распоряжение судьбами Казани и предрешал вопрос о новом хане, «нарядив» и «изготовив» своего кандидата, лишь ставя в известность о своих решениях Московское государство, подчеркивая в то же время, что всякая попытка посадить в Казани ханом другое лицо кроме Сахиб-Гирея, будет рассматриваться Крымом как враждебный акт.

Первое правление Шах-Али в Казани. Однако временной отрезок 1487–1521 гг. был эпохой московского сюзеренитета. Вполне понятно, что кандидатура султана Сахиб-Гирея, поддержанная крымским правительством, была отклонена, так как Москве совсем не нужно было династическое единение двух мусульманских государств под

⁵⁸³ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.260.

⁵⁸⁴ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 30. — С.520.

властью враждебных теперь ей Гиреев. Казань в 1518 году была под властью Русского государства, и Москва назначала ханов по своему усмотрению, исходя из своих политических выгод и интересов. Обязательства, взятые с Казани в 1516 г. («без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти»), давали правительству Василия III юридические основания для вмешательства в казанские дела, поэтому-то и была выдвинута кандидатура касимовского царевича Шах-Али, который фактически никаких прав на казанский престол не имел (если не считать того факта, применительно к этой ситуации больше формального, что Шах-Али являлся Джучидом-Чингисидом).

Шах-Али было всего 13 лет, он родился и воспитывался на Руси. Безусловно, в таком юном возрасте человек не может управлять государством самостоятельно. Московское правительство рассчитывало через него воздействовать на внутреннюю политику Казанского ханства и подчинить его своему влиянию.

Относительно сюзеренитета московских великих князей над казанскими ханами в 1487–1521 гг. М.Г.Худяков пишет: «Договоры, регулировавшие отношения Москвы и Казани в том периоде, обычно заключали в себе три условия: казанское правительство обязывалось 1) не воевать против России, 2) не выбирать себе нового хана без согласия великого князя, 3) охранять интересы русских людей, находящихся в ханстве. Таким образом, отношения двух государств представляли собою союз, и договор имел в виду гарантию мира между ними и неизменность существующих отношений, — это обеспечивалось согласием союзников на каждую перемену правительства, которая могла повлечь за собою изменение иностранной политики»⁵⁸⁵. Поэтому-то в Казани и образуется «временное правительство» (как его называет Худяков) (в его состав входили сеид, уланы, карачибекы, беки, мурзы, муллы, шейх-задэ и «все земские люди»), которое обратилось к московскому для переговоров о кандидатуре на казанский престол.

Воскресенская и Никоновская летописи сообщают, что казанцы сами обратились к великому князю с просьбой назначить им царя⁵⁸⁶. Идиллическая картина единодушного и непреодолимого желания казанцев иметь своим ханом Шах-Али, изображенная московским правительством в переговорах с Крымом (и воспроизведенная в вышеуказанных официальных летописных сводах), конечно, весьма мало соответствовала действительному положению дел, которое немного приоткрывается перед нами с помощью дипломатической переписки. «Присылка» из Казани в Крым, о которой сообщает московский посол в Крыму Б.Голохвастов, показывает, что в Казани

⁵⁸⁵ Худяков М.Г. Очерки... — М., 1991. — С.52.

⁵⁸⁶ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.266; СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.31.

имелась достаточно сильная и политически активная группировка, враждебно относившаяся к московскому кандидату и связанная с Крымом. Однако Шах-Али поддерживал самый влиятельный в Казани клан Ширин.

Казанское правительство приняло кандидатуру Шах-Али, и в феврале 1519 года в Москву было отправлено новое посольство для извещения об этом великого князя и для заключения договоров⁵⁸⁷. В состав посольства входили Абу-Бази, карачибек Булат Ширин, земский князь Шах-Юсуф и старый опытный дипломат бакши Бозек. Провозглашение Шах-Али казанским ханом состоялось в Москве 1 марта⁵⁸⁸.

8 марта 1519 года Шах-Али выехал из Москвы в сопровождении казанских и русских послов. В апреле в присутствии русских послов состоялась церемония возведения Шах-Али на престол, причем казанцы дали присягу на верности как хану, так и союзу с Русским государством «что им неотступным быти от государя великого князя и до своего живота»⁵⁸⁹.

Джанет Мартин считает, что «поддержав кандидатуру представителя астраханской династии на казанский трон, Василий III создал новую коалицию для доминирования в степи. Эта коалиция включала Москву, Казанское и Астраханское ханства и, конечно, Касимов»⁵⁹⁰.

Крым заявил решительный протест против данного назначения. Крымский посол в Москве князь Апшак на приеме его Василием III так сформулировал позицию Крымского ханства: «изстари недруг ординские цари государю нашему, а ты ныне того юрта послал на Казань царя»⁵⁹¹.

Отношения между великим князем и Шах-Али в его первое правление в Казани регулировались шертными грамотами⁵⁹². При вступлении на престол Шах-Али дал письменное подтверждение в том, что он будет охранять интересы Русского государства в Казани и не нарушит этой договоренности до конца жизни; отдельную бумагу дали «князи казанские» — члены правительства Казанского ханства в том, что в Казани они будут оберегать интересы Москвы при правлении Шах-Али, а также что «неотступным им быти от великого князя» и что без его ведома они не будут выбирать на престол нового хана⁵⁹³.

⁵⁸⁷ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.266; СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.32.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.267; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.32.

⁵⁹⁰ Martin J. Medieval Russia, 980-1584. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — P.324.

⁵⁹¹ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 36. — С.661.

⁵⁹² ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.266; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.32.

⁵⁹³ Там же.

Конечно, здесь перед нами встает проблема верификации такого специфического источника, как летопись (выражаясь проще, были ли описываемые в летописях события в действительности). Ведь совершенно ясно, что все летописи писались с единственной целью — представить «отчет» Богу перед концом света. Понятно, что этот «отчет» должен был представлять великого князя и все его действия только с положительной стороны, мысли об объективном изложении исторических событий у летописцев если и присутствовали, то явно не в первую очередь. Вышеуказанные летописи (Никоновская и Воскресенская) можно отнести к официальному летописанию. Следовательно, они писались «под» великого князя. Все, что он делает (в данном конкретном случае — подготавливает Казань к бескровному покорению) — положительно. Исходя из этих постулатов, уже совсем нет уверенности в том, что «князи казанские» действительно давали присягу в «неотступности» от Руси и великого князя (цели у них были совершенно иные — самим править с минимальным внешним вмешательством). Ведь в дальнейшем эти самые князья поступали совершенно по-другому (следовательно, не «прямили» великому князю, следовательно, и он мог поступать более жестко, а следовательно в конечном итоге вся кровь при взятии Казани в том числе и на их совести). Учитывая, что сравнить летописные сообщения не с чем, вышеобозначенная проблема так и не разрешается.

Так или иначе, летописная реконструкция свидетельствует, что в правление Шах-Али в 1519–1521 гг. основным обязательством как с его стороны, так и со стороны казанского правительства было охранение интересов русских подданных, проживавших в Казани. Отдельным обязательством со стороны казанского правительства (а именно оно управляло государством, учитывая юный возраст Шах-Али и в силу этого незнание местной политической обстановки) был отказ от права самостоятельно выбирать себе хана.

Источники практически не содержат подробностей о первом правлении Шах-Али в Казани. Однако, несмотря на скудость документальных данных по этому вопросу, в историографии авторы высказывали свои гипотезы относительно правления Шах-Али. Так, С.Х.Алишев пишет, что летописная запись, говорящая об условиях правления Шах-Али в Казани и об особенностях казанского правительства в это время — «будучи в Казани, дела великого князя государя беречи и неотступну ему быти и со всею казанскою землею и до своего живота»⁵⁹⁴ — значило не что иное, как «вести все дела в Казани так, как подскажут московские воеводы»⁵⁹⁵. М.Г.Худяков замечает: «Русское засилье при дворе малолетнего хана достигло крайних

⁵⁹⁴ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.226; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.32.

⁵⁹⁵ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. — Казань, 1995. — С.58.

пределов. В сущности, государством управлял русский посол Федор Андреевич Карпов, который считал необходимым вмешиваться во все дела»⁵⁹⁶.

Попробуем разобраться в политической обстановке 1519–1521 гг. в Казани. Здесь стоял московский военный отряд, введенный под предлогом обеспечения безопасности русских от возможности повторения резни 1505 года. Кроме русского посла Ф.А.Карпова, в Казани находился и воевода Василий Юрьевич Поджогин. По сведениям «Казанского летописца», в Казани также находилась ханская гвардия, состоящая из касимовских служилых татар⁵⁹⁷. Несомненно, что посол Ф.А.Карпов и воевода В.Ю.Поджогин были представлены к хану для того, чтобы корректировать политику казанского правительства в московских интересах. Русский военный отряд и касимовская ханская гвардия нужны были для того, чтобы в случае осложнений (восстание, недовольства) подавить очаг сопротивления. Однако я все же считаю, что реально власть принадлежала не Шах-Али и не Ф.А.Карпову и В.Ю.Поджогину, а той промосковски ориентированной группировке знати, которая и просила Василия III дать им царя. Безусловно, их политика не могла быть антирусской и, по всей видимости, зачастую они предпочитали выгоды московского великого князя местным, чем и возбудили в дальнейшем недовольство против себя. Допустить мысль, что абсолютно чужим государством, исповедующим другую веру, управлял один русский посол, не очень-то знакомый с местной спецификой политической жизни, в то время как в этом государстве присутствовала своя знать, жаждущая власти и ради этого идущая даже на сговор с не очень-то дружественным московским великим князем, я считаю нелогичным.

Но кроме промосковски ориентированных феодалов, в Казани была и крымская группировка, недовольная русским присутствием и вообще обиженная тем, что престол не достался султану Сахиб-Гирею. По данным «Казанского летописца», эти крымские князья увещевали Шах-Али порвать вассальные связи с Москвой, получить самостоятельность: «...будешь с Руси дань емляти, яко же и прежде деды наши... Ныне же...князь русский недоволен владети Казанию... ненавидит рода нашего, на Астрахань с крымским ханом воинство посылал, и тех разорили, и хочет грады по Волге строити и нами не яко со други, но аки рабами владети и во свою веру превращати». Шах-Али, споря с ними, якобы говорил: «если деды и прадеды наши от Руси дань имаху, тогда Орда была едина, имела единого хана и все его слушали. Русские же тогда были разрознены и великого князя не боялись, приходя во Орду к ханам, друг друга губляху и один на другого дани возлагаху». Тогда можно было с них и дань

⁵⁹⁶ Худяков М.Г. Очерки... — М., 1991. — С.80.

⁵⁹⁷ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т.19. — С.32.

взимать. А сейчас Русь окрепла, великий князь всех одолел и стал так силен, что «не можем противиться ему. А на крымцев не надеяться потому, что крымские ханы хотят все себе покорить»⁵⁹⁸. Учитывая специфику данного источника (он ярко обрисовывает нам ментальные установки средневековья в целом и казанских и околоказанских дел в частности), можно в какой-то мере понять, как представляли себе «казанскую проблему» носители золотоордынских традиций.

После того, как некоторые феодалы все же не вняли объяснению, Шах-Али их «в темницы посади, а инных смерти предаде»⁵⁹⁹.

Прокрымская группировка установила связь с крымским двором и составила заговор против Шах-Али. Весной 1521 г. правительство Василия III уже знало о результатах переговоров между казанцами и Мухаммад-Гиреем, получив об этом донесение от своих агентов из Азова⁶⁰⁰. Весной 1521 года Сахиб-Гирей со своим отрядом в 300 человек⁶⁰¹ подошел к Казани. Город сдался без сопротивления. По данным «Казанского летописца», немедленно начался погром. Лавки русских купцов были перебиты, дома касимовских татар и русских были разгромлены, все они арестованы. По сообщению того же «Казанского летописца», в резне погибло 5000 касимовских татар ханской гвардии и 1000 русских солдат из отряда В.Ю. Поджоги-на⁶⁰². Шах-Али, вместе с уцелевшими остатками ханской гвардии, удалось бежать в Русское государство вместе с одной женой⁶⁰³. Благополучно достигнув Москвы, он был принят Василием III. Местом жительства ему была назначена Москва, так как в Касимове удельным правителем был уже младший брат Шах-Али царевич Джан-Али.

Общая характеристика правления Шах-Али имеется у Сигизмунда фон Герберштейна, видевшего причины изгнания Шах-Али из Казани в том, что «он презрел и пренебрег расположением своих подданных, был более надлежащего предан государю Московии и полагался на иноземцев более, чем на своих»⁶⁰⁴. Излагая историю переворо-

⁵⁹⁸ Татищев В.Н. История Российская. — М.; Л., 1966. — Т.6. — С.122.

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ В грамоте из Азова, полученной в Москве 10 мая 1521 г., сообщалось: «... Да шли мимо нас казанские татарове ко царю царевича просити, и царь им царевича и дал на Казань, которой был со царицею на Москве [так назван здесь Сахиб-Гирей, который в 1510 г. действительно ездил в Москву вместе с царицей Нур-Султан. — Б.Р. (ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.13)], а с ним пошло триста человек, а Мертяк мурза с ним же» (Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 38. — С.678).

⁶⁰¹ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 38. — С.678.

⁶⁰² ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т.19. — С.32.

⁶⁰³ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.263; СПб., 1859. — Т.8. — С.269; СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.37.

⁶⁰⁴ Герберштейн С. Записки о московитских делах. — СПб., 1908. — С.147.

та 1521 г., Герберштейн отмечает, что Шах-Али встречал в своих подданных «сильную ненависть и отвращение к себе»⁶⁰⁵.

Касимовские татары в указанный временной отрезок занимались теми же делами, что и обычно, — охраной восточных границ Московского государства. Объясняя, почему его сын султан Бахадур («Багатырь салтан») «воевал» рязанскую «украину» в 1517 г., крымский хан Мухаммад-Гирей говорил посланцам великого князя Василию Шадрину и Мите Иванову: «...сына есми своего Багатыря послал был на Нагаи, и он был на великого князя украине, и яз его бранил, и он молвил мне, итти было ему на Нагаи, да которых людей вперед себя послал отведывати на Волзе, и они кажут, что и берегом и в судех все мещерские казаки ходят, ино нелзе за Волгу. И сын мой чаял, что то князь великий велел так казакам мещерским беречь, и он того для ходил на Рязань»⁶⁰⁶.

Интересные данные относительно ранга Касимова в системе русских территорий XVI в. содержит московская переписка с Крымом. В ней имеется такая фраза: «...Мещерской городок, которой *живет за цари и за царевичи* [выделено мной. — *Б.Р.*]»⁶⁰⁷ (1518 г.). Здесь подчеркивается, что Касимов, в отличие от других татарских уделов на территории Руси, предоставлялся только Чингисидам (конкретнее — Джучидам, ветвь Тукай-Тимура).

Итак, Шах-Али номинально являлся казанским ханом с апреля 1519 по весну 1521 г., то есть недолго. До этого в Касимове он правил с 1516 по март 1519 года.

Джан-Али родился в Касимове в 1516 году⁶⁰⁸ (этот вывод я делаю из сообщения «Казанского летописца», подробнее о котором будет сказано ниже). В апреле 1519 года Джан-Али стал обладателем титула касимовского царевича. Относительно касимовских служилых татар и их занятий за время его правления можно отметить следующие участия в военных действиях на стороне Русского государства. В 1521 году «в Мещере были воеводы князь Петр Дмитриевич Ростовской, да Михайло Семенович Воронцов, да князь Андрей Петрович Великого, да Григорей Большой Андреевич Чюлок [...] Ушатой, да Дмитрий Семенович Воронцов, да волостель Мещерской, да князь Иван Васильевич Середней Кашин, да в Мещереж был царевич Аналей, а с ним сеит и князи и мурзы»⁶⁰⁹. В 1528 году «от Литовские украины в Вязме были царь Казанской Шигалей, да Городецкой царевич Еналей, да Еуланча улан; да в Вязмеж были воеводы боярин Иван Васильевич Хабар, да околничие Иван Васильевич Ляц-

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ Сборник РИО. — СПб., 1895. — Т.95. — № 21. — С.376, 379.

⁶⁰⁷ Там же. — № 32. — С.571.

⁶⁰⁸ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т.19. — С.74.

⁶⁰⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.65; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.70.

кой, да Андрей Никитич Бутурлин. А с царем Шигалеем Федор Семенов сын Воронцов. А с царевичем были Андрей Клеопин Кутузов, да Борис Ступишин. А с татары служилыми был Посник Сатин»⁶¹⁰.

Как видим, касимовская знать — сеид, беки и мурзы находились под предводительством (впрочем, номинальным) Джан-Али. Шах-Али также активно используется московским правительством в различных военных акциях, в том числе и против Казани. Причем он уже именуется «царем Казанским», и, по всей видимости, с ним также находился отряд касимовских служилых татар, однако не столь знатного происхождения, как с царевичем Джан-Али. Шах-Али участвовал в походе против Казанского ханства летом 1523 года, причем он возглавлял русское войско⁶¹¹. Весной следующего, 1524 года, военные действия вновь возобновились, и Василий III отправил против Казани Шах-Али вместе с воеводами, во главе многочисленной конной и судовой «рати»⁶¹². В 1531 году Шах-Али был в Путивле, на случай выступления крымских татар⁶¹³.

В период с 1524 по 1530 годы между Московским государством и Казанским ханством не происходило вооруженных столкновений. Однако Москва была спокойна лишь тогда, когда в Казани царствовал ее ставленник. Представитель крымской династии Гиреев хан Сафа-Гирей проводил политику, явно не устраивающую московского великого князя, и в 1530 году против Казани было послано значительное войско, участвовало «всех воевод до 30». 10 июля 1530 года московские войска — пехота, конница, судовая рать, артиллерия — на этот раз все объединились и обложили Казань со всех сторон. В битве русские войска одержали победу.

После этого в результате мирных переговоров послы Казани дали письменную клятву в том, что казанцы «во всем будут неотступны от великого князя» и «не брать царя иначе, как из его руки». Как эти, так и некоторые другие условия не устроили хана Сафа-Гирея и князей и уланов восточной (крымской) ориентации. Однако реальное положение было явно не в пользу противников мира с Москвой, пусть даже в подчиненном положении. Послы Казани в Москве начали действовать уже против хана Сафа-Гирея. Воскресенская и Никоновская летописи так приводят их слова, обращенные против хана: «а коли мы царю не надобны, и нам царь не надобен»⁶¹⁴. После

⁶¹⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.72; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.78.

⁶¹¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.69; ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.264; 1859. — Т.8 — С.270; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.43–44.

⁶¹² Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.74; ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.264; 1859. — Т.8. — С.270–271; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.44.

⁶¹³ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.77; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.84.

⁶¹⁴ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.276; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.56.

этого Боярская дума решила послать к казанским князьям Булату Ширину и Кичи-Али, виднейшим представителям власти в Казани, чтобы узнать их мнение о сложившейся обстановке. Скоро в Нижний Новгород был отправлен и московский кандидат на казанский престол Шах-Али⁶¹⁵.

В результате активных действий московских послов в Казани начались выступления против Сафа-Гирея, и в конце концов он бежал в Ногайскую Орду⁶¹⁶.

Джан-Али в Казани. Ханский престол в Казани освободился. Временным правительством руководили: царевна Гаухаршад (сестра Мухаммад-Амина), князь Булат и мурза Кичи-Али. Переворот произошел в конце апреля или в начале мая 1532 года⁶¹⁷. Москва узнала об этом 17 мая по прибытии из Казани посла Головина, а через два дня с такими же известиями прибыло посольство Казани во главе с Колчурой и Форузат. Воскресенская и Никоновская летописи сообщают, что по грамотам нового правительства Казани явствовало, что оно согласно быть послушным воле великого князя, только бы он дал им в правители не Шах-Али, как это просили в Москве прежние послы Табай-князь и Ибрагим-бакши, а его младшего брата Джан-Али⁶¹⁸.

По всей видимости, выбор был обусловлен тем, что, во-первых, казанцы опасались мести изгнанного из Казани Шах-Али (М.Г.Худяков считает, что он «был несимпатичен казанцам по своим личным качествам»⁶¹⁹); во-вторых, Шах-Али к этому времени был уже зрелым человеком, и вполне вероятно, что стал бы лично корректировать политику казанской знати, а вот Джан-Али было всего 15 лет, и, как пишет «Казанский летописец», он был «и кротку и тиху»⁶²⁰. При несовершеннолетнем хане вся власть опять бы, как в первое правление Шах-Али, сосредоточивалась в руках промосковской верхушки феодалов. Для московского правительства в этом выборе не было ничего нежелательного — главное, чтобы это был не ставленник Крымского ханства. В.В.Вельяминов-Зернов по этому поводу заметил: «Великому князю не было особенного расчета настаивать непременно на своем: тот или другой брат — в сущности было все равно, лишь бы в Казани сидел человек, преданный России»⁶²¹.

Джан-Али по приказу из Москвы сначала прибыл в Нижний

⁶¹⁵ Там же.

⁶¹⁶ Подробнее см.: Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. — М., 1948. — Т.27. — С.64–65.

⁶¹⁷ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.276–277; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.56–57.

⁶¹⁸ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.277; СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.57.

⁶¹⁹ Худяков М.Г. Очерки... — М., 1991. — С.96.

⁶²⁰ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т.19. — С.74.

⁶²¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.269.

Новгород, где вместе с послами князьями Табаем, Тевекелем и Ибрагим-бакши дал присягу верности и «неотступну быти от великого князя и дела его беречи»⁶²². Из Нижнего Новгорода вместе с теми же казанскими послами и в сопровождении московского посольства во главе с окольным Я.Г.Морозовым и дьяком великого князя А.Курицыным он выехал в Казань. Перед Морозовым и Курицыным, как считает Н.М.Карамзин, должны были присягать «все от царевны и сеита до последнего гражданина с видом постоянного усердия...в подданстве»⁶²³. Как увидим ниже, такая практика действительно существовала. Присяга обязывала всех людей во всем быть верными великокняжеской власти: царевне Гаухаршад, князьям и «всей земле Казанской» и их детям без согласия великого князя запрещалось приглашать кого-либо на ханский престол; все земские дела должны были согласовываться с Москвой; казанские подданные должны были во всем соблюдать интересы великого князя — «дело его беречь». Практика международных отношений средневековья говорит нам о том, что такой вариант развития событий был вполне возможен. Принятие присяги и воцарение Джан-Али произошло 29 июня 1532 года⁶²⁴.

По всей видимости, требования, предъявленные казанским подданным московским правительством, были идентичны условиям, выставленным в свое время перед ханом Сафа-Гиреем. Все пленные, пушки и пищали — трофеи войны 1530 года должны были быть переданы Москве. Казанское правительство уже не требовало возврата своих пленников, как это делал Сафа-Гирей. Все русские пленники, очевидно, были возвращены. А вот пищали, как отмечают все те же Воскресенская и Никоновская летописи, в феврале 1533 года правительство царевны Гаухаршад просило оставить в Казани, так как, указывало оно, «государеве земле Казанской друзей много, а недрузи есть же»⁶²⁵. Вероятно, что речь шла скорее о внутренних врагах, нежели о внешних, так как в период правления Джан-Али у власти находились, как уже было отмечено, ханша Гаухаршад, карачибек Булат Ширин, мурза Кичи и князь Табай⁶²⁶. В тот период это правительство пришло к выводу, что наиболее оптимальным выходом из создавшегося трудного положения будет ориентация на великого князя; соответственно и их политика в 1532–1535 гг. была промосковской. Учитывая, что религиозность была основной определяющей чертой средневековой ментальности, а Московская Русь, чьим

⁶²² ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.281.

⁶²³ Карамзин Н.М. История государства Российского. — Ростов н/Д, 1994. — Кн.3. — Т.7 — 9. — С.156.

⁶²⁴ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.277; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.57.

⁶²⁵ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.283; СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.68.

⁶²⁶ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.282.

ставленником и был Джан-Али, была страной другой веры (для казанцев русские были «неверными», «погаными», как и казанцы для русских), то несомненно, что московские марионетки раздражали как народ, так и знать значительно сильнее, чем ставленники Крыма. Именно поэтому ханы Джан-Али и Шах-Али были столь непопулярны в Казани.

В июле 1533 года в Москву было отправлено посольство — улан Аппак, князь Кадыш (брат князя Отуча), касимовский князь Кутлу-Булат и бакши Евтек для переговоров о согласии московского правительства на брак хана с ногайской княжной «да и о иных великих делах земских»⁶²⁷. Согласие на брак было получено «того ради, чтобы земля Казанская в упокое была»⁶²⁸. В выборе невесты правительство, конечно, руководствовалось политическими расчетами. Через Казань Москве выгодно было удерживать Ногайскую Орду в союзе против Крыма, а также распространять свое влияние вообще в ногайских степях. Русский посол при ногайском дворе Д. Губин летом 1535 года доносил своему правительству, что Сююмбике (та самая ногайская княжна) переписывалась со своим отцом: «К Юсуфу из Казани дочь присылала, Яналеева царица. Сказывают, Яналей царь ее не любит», и что бий Юсуф, недовольный таким отношением к дочери, подстрекал казанцев к свержению Джан-Али⁶²⁹. Видимо, брак по расчету не возбудил любви в 17-летнем юноше.

По поводу формулировки «великие земские дела» в историографии возникли споры. Н.М. Карамзин писал, что «важнейшие дела казанские, не только политические, но и земские, решались в Москве государевым словом»⁶³⁰. Эту же мысль повторил С.М. Соловьев⁶³¹. Им возразил М.Г. Худяков, считая, что ««великие земские дела», о которых велись дипломатические переговоры, находились в связи с той миссией, которая была, прежде всего, возложена на послов — с вопросом о женитьбе хана на Сююн-Бике. Женитьба обозначала совершеннолетие хана и влекла за собой упразднение регентства. Установление нового способа правления и договор о направлении новой политики действительно могли явиться предметом дипломатических переговоров с русским правительством, и в этих-то важнейших для государства вопросах, скорее всего, следует видеть те «великие земские дела», которые были представлены к обсуждению миссией оглана Аппака и других казанских послов в июне 1533 года»⁶³².

⁶²⁷ Там же.

⁶²⁸ Там же.

⁶²⁹ ПДРВ. — СПб., 1791. — Ч.7. — С.267.

⁶³⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. — Ростов н/Д, 1994. — Кн.3. — Т.7–9. — С.83.

⁶³¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Т.3–4 // Соч.: В 18 кн. — М., 1988. — Кн. 2. — С.273.

⁶³² Худяков М.Г. Очерки... — М., 1991. — С.98.

На мой взгляд, более состоятельна вторая версия. Летописцы вообще не были юристами и зачастую не вкладывали в каждое слово его точный смысл; слово «земские», скорее всего, в его современном понимании здесь вообще ничего не значит, и не обязательно стоит искать в этой фразе политический или какой-либо другой скрытый смысл.

Итак, можно отметить, что фактически над казанским ханом был вновь восстановлен сюзеренитет московского великого князя. Василию III с большим усилием удалось добиться того, что было уже начато Иваном III. Между двумя государствами установились тесные отношения: с той и с другой стороны посольские делегации сменяли одна другую. При хане постоянно находились советники великого князя. Известно, что население ханства платило хану ясак и другие подати⁶³³. Однако неизвестно, платило ли казанское правительство в эти годы дань Москве или отдавало какую-нибудь часть этих доходов, например таможенные поборы, великому князю. По всей видимости, какая-то часть все же шла в пользу московской казны. Иначе крымский хан Сахиб-Гирей не писал бы Ивану IV: «Я готов жить с тобою в любви, если ты примиришься с *моей Казанью* [выделено мной. — Б.Р.] и не будешь требовать дани с ее народа»⁶³⁴.

Как мы увидели из примера с женитьбой Джан-Али, Казанское ханство без ведома Василия III не имело права вести самостоятельную внешнюю политику. В годы правления Джан-Али Казанское ханство должно было отправлять свое войско против внешних врагов Русского государства. Такая практика всегда присутствовала в годы московского сюзеренитета. Так было и в 1491 году, когда казанское войско участвовало в походе против Большой Орды, так было и в 1534 году. Вассал великого князя Джан-Али в том году посылает свои полки, состоящие из татар, черемис (мари), мордвы и чувашей, против Литвы, с которой воевало тогда Московское государство⁶³⁵.

Безусловно такие отношения в ханском дворе не могли не усугубить положение самого хана. Против него могли объединиться сторонники и Крыма, и Ногайской Орды, а также те, которым была тягостна великокняжеская власть. Они ждали, пожалуй, только удобного случая, чтобы освободиться от опеки этой власти.

В декабре 1533 года скончался Василий III. Весной 1534 года состоялся обмен посольствами между Москвой и Казанью для возобновления отношений с новым московским правительством. Казанскими послами были улан Худай, Бурнак и бакши Ходжа Ах-

⁶³³ Алишев С.Х. Казань и Москва... — Казань, 1995. — С.72 (см.: Ярлык Сахиб-Гирей хана).

⁶³⁴ РГАДА, ф.123, оп.1, кн.8, л.416–425.

⁶³⁵ Исторический архив. — М.; Л., 1950. — Т.5. — С.13.

мад⁶³⁶. Перемена высшего руководства в Москве оказала большое влияние на ход казанской политической жизни. Последующие события показали, что правительство царевны Гаухаршад тяготилось зависимостью Казанского ханства и что переворотом 1531 (1532) года промосковская группировка была обязана, как уже говорилось выше, не искреннему желанию поставить Казань в зависимость от иностранцев, а стремлению спасти государство от дальнейшей войны и от продолжения политики крымских ханов по установлению гегемонии в Восточной Европе. Как только появилась возможность освободиться от иностранного гнета, казанское правительство тотчас же решило вести самостоятельную политику, не считаясь с Москвой.

В первые годы правления Ивана IV Русским государством правила его мать Елена Глинская со своим фаворитом. Это время характеризуется борьбой между боярами и князьями за власть и положение при дворе. Поэтому правление Елены Глинской не было сильным и авторитетным. Кроме того, в это время Московское государство вело трудные оборонительные действия и переговоры с Великим княжеством Литовским. Изменившиеся обстоятельства одним этим не исчерпываются. В 1533 году в Крыму ханом стал бывший казанский хан, дядя Сафа-Гирея Сахиб-Гирей. Тот и другой считали Казань своей собственностью. В том же году Ислам-Гирей, брат Сахиб-Гирея, вместе с Сафа-Гиреем организовали большой набег на окраины Руси. Была опустошена рязанская земля. Хан Сафа-Гирей писал Василию III: «Я был некогда твоим сыном, но ты не захотел моей любви — и сколько бедствий пало на твою голову»⁶³⁷. Крым начал вести энергичную политику по возвращению Казани под опеку Гиреев. По этому поводу С.М.Соловьев писал: «Мысль об освобождении Казани от русских и соединение всех татарских орд в одну или, по крайней мере, под одним владеющим родом была постоянно мыслию Гиреев, которую они высказали, к осуществлению которой стремились при первом удобном случае»⁶³⁸.

Борьба за гегемонию на Востоке была важным моментом во внешней политической жизни Крыма. Связи Казани с тюрко-татарским миром, Крымом и Ногайской Ордой не могли не отразиться на положении и ходе развития внешней политики Казанского ханства.

Правительство царевны Гаухаршад решило воспользоваться сложной внутривосточной ситуацией в Русском государстве и освободиться от русской опеки, вступив на путь самостоятельных действий.

25 сентября 1535 года в Казани произошел государственный переворот. «Ковгоршад царевна и Булат-князь и вся земля Казанская

⁶³⁶ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.286.

⁶³⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. — Ростов н/Д, 1994. — Кн.3. — Т.7–8. — С.163.

⁶³⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Т.5–6 // Соч.: В 18 кн. — М., 1989. — Кн. 3. — С.415.

великому князю Ивану Васильевичу изменили, Аналея царя убили, которого им князь великий Василий Иванович дал им царем на Казань»⁶³⁹ — так кратко сообщают об этом перевороте Воскресенская и Никоновская летописи. Дипломатическая переписка с Литвой содержит несколько иную версию событий: «...ныне был государь [Иван IV. — Б.Р.] посадил на Казани Яналия царя, и он молодостию да учал не по тому быти, нестройно, и стал ездити не по пригожим местом; а в Казани лихих людей много, люди съезжие, и они царя убили»⁶⁴⁰. В данном случае, на мой взгляд, летописная реконструкция ближе к реальности, чем дипломатическая (весьма редкий случай, замечу). Чтобы не выставлять напоказ свои неудачи, Москва заготовила неправдоподобную и рассчитанную на несведущих версию. В Литве, по всей видимости, не владели в достаточной мере информацией о казанских делах, и поэтому московское правительство не особо утруждало себя в выдумывании хотя бы сколько-нибудь похожей на правду истории. Трудно себе представить, чтобы так Москва могла объяснять ситуацию в отношениях с Крымом, который очень хорошо представлял себе реальное положение дел в Казани. С Литвой же и такая трактовка, вероятно, прошла. Поэтому могу отметить, что широко известный исследователям русского средневековья тезис Эдварда Кинана об однозначном превосходстве «посольств» над летописями в плане репрезентативности подтверждается не всегда.

При хане Джан-Али царевна Гаухаршад, по всей видимости, выполняла роль регентши, а карачибек Булат Ширин был главой правительства. Не только вышеприведенное указание, но и, как видно из летописей, все грамоты и посылки из Москвы в Казань за время с 1532 по 1535 годы адресованы им, а иногда и более широко по форме: «Царю Еналею, царевне и Булату князю в головах, Табай князю и уланам, князьям и карачам, всем Казанской земли людям». Очевидно, переворот готовился тщательно и заранее узким кругом лиц, стоящих у власти. Это подтверждается и тем, что заговорщики царя Джан-Али «выпустили из Казани на Ички-Казань и велели...убити»⁶⁴¹. Гаухаршад и Булат-князь, очевидно, хотели, чтобы этот акт совершился не в самом городе, среди всех заинтересованных политических кругов, а вне города на реке Ички-Казань, где, по-видимому, располагалась летняя дача. Заранее же была и договоренность с бывшим ханом Сафа-Гиреем, которого казанцы «взяли себе на Казань царем из Крыма»⁶⁴².

Люди московской ориентации, не разделявшие крутого поворота

⁶³⁹ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С. 291; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.88.

⁶⁴⁰ Сборник РИО. — СПб., 1887. — Т.59. — № 3. — С.26; № 4. — С.40; № 5. — С.54; № 7. — С.116–117; № 10. — С.179.

⁶⁴¹ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.100; М., 1965. — Т.29. — С.20.

⁶⁴² ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.291; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.100; М., 1965. — Т.29. — С.20.

в политике, были недовольны и эмигрировали из Казани. В Москву приехали с Волги касимовские татары — казаки во главе с Итаковым и сообщили, что на Волге их 100 человек, к ним прибыли из Казани князья «Шабай князь Япанчик, да брат его Шаболат, да Карамыш з братом своим с Евлушем, Хурсуловы братья и с ними князей и мурз и казаков 60 человек»⁶⁴³. Для Литвы же Москва переворачивала ситуацию «с ног на голову»: «И которые его [Джан-Али. — Б.Р.] убили, те прочь поехали, в Азторокань и в иные места»⁶⁴⁴ (якобы испугавшись гнева великого князя).

Итак, правление Джан-Али закончилось трагически. Подводя итоги по этим годам, можно отметить, что хан пал скорее как символ зависимости от Москвы, так как на первых порах у власти (при вновь обретшем казанский престол хане Сафа-Гирее) остались фактически те же люди, что правили и при нем, — ханша Гаухаршад и карачибек Булат Ширин.

Джан-Али правил в Казани с 29 июня 1532 года по 25 сентября 1535 года. До этого он правил в Касимове с 1519 года по июнь 1532 года.

Сведения о Касимовском ханстве за данный период стандартны: «...А из Асторокани шли послы казанские, которые были в Крыме, а иные из Крыма у короля были; и государя нашего казаки Городетцкие тех людей подстерегли, да их побили, а иных многих живых переимали и ко государю нашему привели человек с пятьдесят» (1536 г.)⁶⁴⁵.

Шах-Али в Москве. Шах-Али, по всей видимости, с 1521 по 1532 гг. не владел каким-либо русским городом и жил в Москве, при великом князе. Здесь в 1526 году его видел посол императора «Священной Римской империи германской нации» барон Сигизмунд фон Герберштейн⁶⁴⁶. После отбытия Джан-Али в Казань в 1532 году Шах-Али не получил Касимовского ханства; однако в сентябре 1532 года Василий III пожаловал ему Каширу и Серпухов, куда царь и отправился 21 сентября⁶⁴⁷. Однако там он пробыл недолго: по всей видимости, Шах-Али был недоволен тем, что казанский престол достался не ему, а Джан-Али, и что Касимова он также не получил. Шах-Али начал тайные переговоры с Казанью, надеясь на поддержку там своей кандидатуры — «учал сылаться в Казань и в иные государства без великого государя ведома»⁶⁴⁸, за что в январе 1533 года был аре-

⁶⁴³ ПСРЛ. — СПб., 1906. — Т.13 (2 пол.). — С.425; М., 1965. — Т.29. — С.20.

⁶⁴⁴ Сборник РИО. — СПб., 1887. — Т.59. — № 3. — С.26; № 4. — С.40; № 5. — С.54; № 7. — С.116–117; № 10. — С.179.

⁶⁴⁵ Там же. — № 5. — С.54; № 7. — С.117.

⁶⁴⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988. — С.220–223.

⁶⁴⁷ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. 8. — С.280; СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.66; Государственный архив России XVI столетия. — М., 1978. — С.58; ААЭ. — СПб., 1836. — Т.1. — № 175. — С.146–148.

⁶⁴⁸ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т.8. — С.281; 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.67.

стован, лишен Каширы и Серпухова и вместе с женою — царицей Фатимой — сослан под конвоем на Белоозеро⁶⁴⁹. Освобожден он был в декабре 1535 года, так как после убийства Джан-Али оказался единственным кандидатом для сторонников союза с Москвой.

Мещера в 1532—1535 гг. Касимовское ханство в период с июня 1532 года до начала 1536 года оставалось без хана. Касимовские служилые татары в этот период не оставались без дела: более всего они беспокоили ногаев, отбивая у них скот, перехватывая ногайские посольства в Казань, брали в плен ногайских подданных, которые зачастую содержались затем в Касимове⁶⁵⁰. Некоторые касимовцы сами попадали в плен к ногаям и долго содержались в заточении⁶⁵¹. Кроме военных акций, касимовские татары участвовали и в деле русской дипломатии: их командировали проводниками к послам, ездившим в восточные страны, а иногда и их одних посылали туда с грамотами и для переговоров⁶⁵².

Статус вассального государства в отношении Касимовского ханства проявлялся и в вышеописанной ситуации: само ханство оставалось без владельца, что не мешало московскому правительству использовать его жителей в своих целях. Однако ханство без хана — нонсенс. Фактически русскому руководству было нужно не Касимовское ханство, а звание касимовского хана (султана), чтобы выдвигать его на казанский престол. Вопрос престолонаследия в Казани, как и в других постзолотоордынских юртах, не был четко определен, поэтому любой мусульманский правитель — Чингисид, тем более Джучид, в принципе мог на него рассчитывать. На мой взгляд, высшая правящая прослойка знати государств — наследников Золотой Орды даже в XVI веке продолжала осознавать себя как нечто единое, и поэтому рассматривала все эти юрты как общую собственность, завещанную всем им Чингисханом. В силу этого претензии, например, крымских властителей на Казань и Мещеру выглядят вполне обоснованными и в реалиях XVI века вполне легитимными. Поэтому-то Москве и нужен был титул касимовского государя. Использовать же касимовских служилых татар в своих целях Москва могла в принципе и без существования самого ханства, просто как жителей Мещеры (что мы и видим на примере других служилых татар, проживавших в Романове, Юрьеве и других русских городах).

После своего освобождения в декабре 1535 года Шах-Али получил в управление Касимовское ханство. В качестве претендента на

---

⁶⁴⁹ Подробнее об этом см.: Худяков М.Г. Очерки... М., 1991. — С.107–110; Алишев С.Х. Указ. соч. — С.70–71; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863. — Ч.1. — С.280–285.

⁶⁵⁰ ПДРВ. — СПб., 1791. — Ч.7. — С. 229, 240, 249, 250, 308, 314, 320, 321, 340, 341.

⁶⁵¹ Там же. — С.243.

⁶⁵² Там же. — С.233, 254, 257, 259, 279, 290, 291, 298, 307.

казанский престол он участвовал в русских походах против Казани: в 1537 году, летом, он был в штабе русской армии во Владимире⁶⁵³, в 1539 году, осенью, действовал против Казанского ханства на муромском направлении⁶⁵⁴, в мае 1541 года был вновь на сборном пункте русских войск во Владимире⁶⁵⁵. В 1543 году Шах-Али владел Каширою⁶⁵⁶ (совместно с Касимовом).

Как мы видели выше, в Казани наиболее ярко выделяются две политические линии: крымская и московская, потому что в Казани в XVI веке у власти стояли или крымские султаны, или ставленники Москвы. Сами казанские люди, не играя ведущей роли, находились в союзническом или зависимом положении от этих двух сильных соседей — Московии и Крыма.

В 1545 году в Казани вновь усиливаются оппозиционные настроения крымскому ставленнику хану Сафа-Гирею. Это привело к тому, что в начале января 1546 года был совершен дворцовый переворот. Хан Сафа-Гирей был вторично низложен с престола. При перевороте в Казани произошел погром, направленный против крымцев: «казанцы Сафа кирея царя с Казани согнали, а крымских людей многих побили»⁶⁵⁷. В переписке сыновей ногайского бия Юсуфа с русским правительством имеются следующие сведения о перевороте 1546 года: «Яналия царя убили, а сестру нашу за Сафа-Кирея царя дали. А в то время Сафа-Кирей царь пришел был с немногими людьми, и год другой спустя крымских голодных и нагих привел, да над казанскими людьми учал насильства делати: у кого отца не стало, и он отцова доходу не давал, а у кого брата большого не станет, и он того доходу меньшому брату не давал. А и с тобою долго завоевася жил. И тех его дел казанские люди и князи не могли терпети, да от него отступив выехав вон с крымцы завоевалися и побилися, и крымцев в прогоны побили, а иных многих прогонили, а Сафа-Кирея царя с немногими людьми оставили»⁶⁵⁸. По всей видимости, произошел настоящий бой между противниками хана Сафа-Гирея и крымскими выходцами, в результате чего Сафа-Гирей с небольшим отрядом вынужден был оставить Казань и направился в Ногайскую Орду.

Иван IV во Владимире 17 января 1546 года получил грамоты из Казани от сеида Беюргана, князей Кадыша и Чуры Нарыкова. Грамоты, как сообщает Никоновская летопись, извещали: «сеит и уланы и князи и мырзы и шихы и шихзады и дольшманы и казаки и вся земля Казанская биют челом государю, чтобы их государь пожало-

⁶⁵³ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.91; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.101.

⁶⁵⁴ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.135.

⁶⁵⁵ ПСРЛ. — СПб., 1959. — Т.8. — С.296–298.

⁶⁵⁶ ААЭ. — СПб., 1836. — Т.1. — № 199. — С.178.

⁶⁵⁷ ПСРЛ. — М., 1965. — Т.29. — С.49.

⁶⁵⁸ ПДРВ. — СПб., 1793. — Ч.8. — С.269–274.

вал, гнев свой Казанской земле отложил, и пожаловал бы их, дал им на Казань царя Шигалея»⁶⁵⁹.

В Казани вновь образовалось временное правительство, в состав которого вошли сеид Беюрган, князь Кадыш и Чура Нарыков. С извещением о перевороте в Москву был отправлен Гамет-Шейх⁶⁶⁰. Сафа-Гирей тем временем искал союзников, способных снабдить его военной силой. Встреча с астраханским сеидом Мансуром, произошедшая в Ногайской Орде, привела к тому, что астраханское правительство оказало поддержку хану Сафа-Гирею и выделило ему военный отряд. С ним Сафа-Гирей возвратился к Казани и осадил город — «У Астраханского царя и у царевича силу взяв, пришед Казань облегал, чаял того, нечто-ль де князи и лучшие люди его похотят. С такою надежею постоял, и казанских князей и лучших людей никто к Сафа-Гирею царю не пошел. После того пришед да побились, да ничего не учинил, да и побежал»⁶⁶¹. Попытка Сафа-Гирея вернуть себе престол на этот раз окончилась неудачно.

Шах-Али в Казани в 1546 г. Московское правительство прислало в Казань посольство для возобновления союзных договоров и для переговоров о кандидатуре на ханский престол. В марте 1546 года на престол был избран хан Шах-Али⁶⁶². По сообщению «Казанского летописца», когда поднялся вопрос о кандидатах, то одна группа выдвигала кандидатуру кого-либо из крымских султанов — «овии убо хотяху в Крым послати по царевича какова-либо», другие — «за турского царя мышляху заложитися», третьи голосовали якобы за самого московского великого князя, четвертые — за прежнего хана Сафа-Гирея⁶⁶³. Победили сторонники русского ставленника, и на престол был избран Шах-Али. Сообщение «Казанского летописца» дает нам представление об отсутствии в Казани единства, о наличии разных группировок.

«Казанский летописец» сообщает интересные сведения об условиях, заключенных казанским правительством с Шах-Али при его вступлении на престол в 1546 году: «Поиде с казанскими воеводы на царство...не просто же, но на вере и роте», то есть по договору и присяге. Условия перечислены следующие: 1) «да не убиен будет от них»; 2) «такое же они от него разплены да не будут, никоя же вины прошлыя не мстити»; 3) «да идет с ним не в велицей силе»⁶⁶⁴. Таким образом, хан не должен был вводить с собою в Казань московского гарнизона и обязался не мстить и не преследовать за прежние вины, а казанские правящие круги гарантировали ему личную

⁶⁵⁹ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.148.

⁶⁶⁰ Там же.

⁶⁶¹ ПДРВ. — СПб., 1793. — Ч.8. — С.272–274.

⁶⁶² ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.148.

⁶⁶³ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т.19. — С.283.

⁶⁶⁴ Там же. — С.51.

безопасность. В общем, условия сводились к взаимному обеспечению личной неприкосновенности. Заключение подобного договора представляется весьма вероятным, делает вывод М.Г.Худяков⁶⁶⁵.

Двинувшись в Казань, Шах-Али взял с собой 3000 касимовских татар и 1000 русских под начальством воеводы, которые должны были охранять его особу и составлять ханскую гвардию; посол великого князя должен был совершить церемонию возведения на престол. 4000 человек — это было явным нарушением только что заключенной договоренности, по которой Шах-Али обязался «да идет к ним не в велицей силе», поэтому казанское правительство позволило хану ввести в столицу лишь 100 касимовских татар. Русского воеводу, начальника ханской гвардии, совсем не пустили в Казань, а послу отвели квартиру не в крепости, а в посаде, хотя оставили его на свободе — «не брежаху: да како хоцет»⁶⁶⁶, однако ездить к хану ему было запрещено. Очевидно, правительство сеида Беюргана, князя Кадыша и Чуры Нарыкова, представлявшее промосковскую группировку, держа русских в известных границах, смотрело на союз с Москвой лишь как на неизбежную необходимость.

Церемония возведения Шах-Али была совершена 13 июня в присутствии русских послов⁶⁶⁷. С официальным извещением о воцарении хана в Москву был отправлен мурза Чапкын Отучев, затем к московскому правительству было отправлено посольство в составе улана Аллах-Берды, князя Тевекеля и бакши — сына муллы Агиша.

Автор «Казанского летописца», недовольный правительством сеида Беюргана за то, что оно не пустило в Казань русский гарнизон, постарался изобразить Шах-Али в положении пленника в каком-то стане разбойников: «И бысть тогда в Казани царь един, в лето 7054 [1546 г. — Б.Р.], не яко царь, но яко пленник изыман и крепко брегом, и не испущаху его из града гуляти со своими его никакоже... и в царское место власти смиряющесе пред ними, и повиновашесе, и ни в чем же им пререковаше, и славны пиры на них творяще по всея дни, и дарове им подаваше, не царствовати уже хотя, но тем некако от смерти горькия избыти»⁶⁶⁸.

Как справедливо отмечает М.Г.Худяков⁶⁶⁹, если отбросить все фантастические подробности, все же остается впечатление крайней слабости правительства: Шах-Али продержался на престоле всего 1 месяц⁶⁷⁰. Сафа-Гирей успел заключить договор с ногами, получил в свое распоряжение значительный военный отряд и сделал попытку вернуть себе казанский престол. Бессильное правительство не смог-

⁶⁶⁵ Худяков М.Г. Очерки... — М., 1991. — С.110.

⁶⁶⁶ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т.19. — С.286.

⁶⁶⁷ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.148.

⁶⁶⁸ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т.19. — С.287.

⁶⁶⁹ Худяков М.Г. Очерки... — М., 1991. — С.112.

⁶⁷⁰ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.149.

ло оказать ему никакого сопротивления и прорусской партии, по всей видимости, пришлось пожалеть о том, что 4-тысячная гвардия Шах-Али в свое время не была впущена в город.

Беззащитному хану пришлось бежать из Казани, и русское правительство, получив сообщение об этом, в течение долгого времени не знало о его местонахождении: его ждали либо с казанской границы, либо с Вятки, так что встречать его были посланы гонцы в разные стороны⁶⁷¹. Оказалось, что Шах-Али бежал из Казани вниз по Волге на судах; на Волге ему удалось встретить касимовских татар и на их лошадях добраться до московской границы. Он поселился в Касимове.

Итак, Шах-Али правил в Казани всего 1 месяц — с 13 июня по 13 июля 1546 года. Подводя итоги по его второму правлению в Казани, отмечу, что московский ставленник оказался совершенно бесполезным Руси без военного отряда Москвы и без привычного русского окружения — воеводы и посла. Он не мог ничего предпринять в Казани, и правило, по всей видимости, промосковски ориентированное казанское правительство. Проводить выгодную для Москвы политику с помощью одного лишь касимовского хана, без военной силы и компетентных в этом вопросе русского посла и воеводы, оказалось невозможно, и этот урок Москва хорошо запомнила.

В дальнейшем Шах-Али участвует в русских походах против Казанского ханства: в конце 1547 — начале 1549 г. (вместе со служилыми татарами)⁶⁷², в январе — феврале 1550 г. (вновь со служилыми татарами)⁶⁷³, причем в обоих случаях вместе с астраханским султаном московской службы Ядыгар-Мухаммадом, впоследствии последним казанским ханом. О Касимове и его жителях за период от конца 1546 до августа 1551 годов известно, что во время приготовлений к казанскому походу, в ноябре 1549 г. через него проезжали ногайские послы, и что Иван IV, получивший об этом известие уже на пути во Владимир, отправил в Касимов приказание отпустить послов к Москве Рогожскою дорогою⁶⁷⁴. Интересно, что другие ногайские послы, приезжавшие в октябре 1549 года, которым также было сказано ехать на Мещеру, побоялись идти этой дорогой из-за касимовских татар, и шли на Рязань⁶⁷⁵. Учитывая, как было показано выше, многочисленные жалобы ногаев на городецких татар, их было нетрудно понять.

1551–1552 гг.: в преддверии «Казанского взятия». В мае 1551 года предпринимается большой поход против Казани. При московском войске находились бывшие знатные жители Казани, покинув-

⁶⁷¹ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.149.

⁶⁷² Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.113–114; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.126–127.

⁶⁷³ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.120, 122–123; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — М., 1901. — С.135, 137–139.

⁶⁷⁴ ПДРВ. — СПб., 1793. — Ч.8. — С.203.

⁶⁷⁵ Там же. — С.171.

шие ее по политическим соображениям (они были сторонниками тесного союза с Русью) — князь Костров, князь Чапкын Отучев, Бурнаш и другие, а также Шах-Али, претендент на ханский престол⁶⁷⁶. 24 мая при устье Свияги, на территории Казанского ханства, была заложена крепость Свияжск. При закладке Свияжска присутствовал и Шах-Али⁶⁷⁷. В дальнейшем московское правительство блокировало водные пути вокруг Казани, практически парализовав жизнь в городе. В Казани произошел политический переворот, и власть перешла к сторонникам мира с Иваном IV. Новое правительство немедленно вступило в переговоры, и в Свияжск была отправлена делегация — глава духовенства Кул Шариф и князь Бибарс Ростов — приглашать Шах-Али на престол. Шах-Али заключил с казанским правительством перемирие на 20 дней и предложил отправить послов в Москву⁶⁷⁸. Казанское правительство согласилось признать ханом Шах-Али⁶⁷⁹. Таким образом, он вновь (в третий раз) становится казанским ханом.

По условиям проекта московского правительства Казанское ханство должно было разделиться на две части — Горной стороной должно было управлять полностью русское правительство, а Луговой стороной и Арской землей должен был управлять хан Шах-Али. Таким образом, Шах-Али должен был управлять не всем Казанским ханством, а всего лишь его половиной. По сообщению «Царственной книги», Шах-Али «того не залюбил, что горная сторона будет у Свияжского города, а не у него к Казани»⁶⁸⁰. Худяков пишет по этому поводу: «Очевидно, даже и этот уроженец и постоянный сторонник России, чуждый Казанскому ханству, был озадачен таким странным проектом»⁶⁸¹. В Свияжск прибыло большое посольство Худайкула и Нурали Ширина из Казани, и главной их просьбой было оставить Горную сторону Казани. Однако выступающий от имени Москвы Алексей Адашев и другие бояре твердо отвечали на все просьбы казанцев отрицательно: «тому делу инако не быти, что государю Бог дал, того ся ему не поступить», делать не по государевой воле нельзя, а то он «хочет на ту осень ратию со всеми людьми»⁶⁸². Это последнее указание «Царственной книги» указывает на то, что Шах-Али занимал ханский престол временно, что в мыслях великого князя уже не было планов далее оставлять Казанское ханство самостоятельным.

Дальнейшая реконструкция событий только подтверждает это. После двухдневных переговоров решили: 1) царя Утямыш-Гирея с матерью и всех крымских детей привести и сдать в Свияжск; 2) всех

⁶⁷⁶ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.163.

⁶⁷⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С.131.

⁶⁷⁸ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.166–167.

⁶⁷⁹ Там же.

⁶⁸⁰ ПСРЛ. — СПб., 1906. — Т.13 (2 пол.). — С.482.

⁶⁸¹ Худяков М.Г. Очерки... — М., 1991. — С.135.

⁶⁸² ПСРЛ. — СПб., 1906. — Т.13 (2 пол.). — С.469.

русских пленных, что были в Казани, освободить и сдать их в Казанском устье; 3) всем казанцам выйти на устье Казанки и там встретить царя Шах-Али и утвердить окончательный договор. Для дальнейшего вмешательства был оставлен один повод: если государю будет известно, что освобождены не все пленные, то он будет «воевать Казань сколько ему Бог поможет».

14 августа 1551 года казанский курултай под грозным видом московских войск решил, что казанцам в Горную сторону «не вступатися и половины Волги, а ловцам ловити по своим половинам»⁶⁸³, то есть не только нельзя было переходить Волгу, но и Волга сама была разделена пополам. Вторым важным пунктом договора было освобождение всех русских пленных на всей территории Казанского ханства⁶⁸⁴.

После присяги основной массы населения Шах-Али въехал в Казань, вступив таким образом в свое третье правление. В столицу был введен русский гарнизон — 300 человек касимовских татар, 200 человек русских стрельцов во главе с воеводами Ю.М.Голицыным и И.И.Хабаровым и дьяком И.Г.Выродковым. Они в тот же день 16 августа 1551 года «Шах-Али на царство поставили»⁶⁸⁵. 17 августа по требованию этих воевод новый хан послал приставов по городу, чтобы собрали русских пленных в царский двор, освободив их у князей и других казанцев. В тот день было выдано боярам 2700 человек⁶⁸⁶.

С потерей Горной стороны никак не могли смириться в Казани. В сентябре 1551 года Шах-Али послал своих гонцов в Москву с сообщением о том, что посылает больших послов Ивану IV — карачибека Нурали Ширина, дворецкого хана Шахбаз-князя Шамова и государственного секретаря Казани большого бакши Абдуллу — с просьбой о Горной стороне. В то же время бояре и дьяк Выродков прислали от себя гонцов с грамотою, где обвиняли казанцев в невыполнении условий договора об освобождении пленных: якобы они их укрывают, а Шах-Али, боясь волнений, не карает таких людей. Правительство дало согласие на приезд большого посольства и одновременно послало со специальной инструкцией боярина Д.Ф.Палецкого и дьяка с ним. Палецкий большими подарками, а если понадобится и угрозами, должен был добиться, чтобы: 1) казанцы забыли о Горной стороне и не говорили об этом; 2) всех пленных полностью освободили бы, иначе царь и великий князь всей силой вновь пойдет на Казань; 3) Казань стала бы как Касимов город «крепко» за государем и в этом Шах-Али предпринял бы необходимые меры; 4) И.Хабарова отпустил бы в Москву, а вместо него останется Д.Палецкий с новым наказом, что и как делать⁶⁸⁷. Это сообщение Никоновской летописи и «Царственной

⁶⁸³ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.169.

⁶⁸⁴ Там же. — 1906. — Т.13 (2 пол.). — С.470.

⁶⁸⁵ ПСРЛ. — М., 1965. — Т.29. — С.65.

⁶⁸⁶ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.169.

⁶⁸⁷ Там же. — С.171; 1906. — Т.13 (2 пол.). — С.471–472.

книги» демонстрирует мысли московского правительства относительно судьбы Казанского ханства, как ее себе представляли в Москве. Первоначально, по-видимому, все же планов военного присоединения и включения Казанского ханства в состав Русского государства у Москвы не было (там ясно себе представляли трудности, связанные с этим), и упорно пытались подчинить себе Казань с помощью своих ставленников. Однако эта линия развития событий потерпела полный крах.

В октябре в Москву прибыло казанское посольство во главе с большим карачи князем Нурали Шириным. Они просили от имени Шах-Али и всех казанцев, чтобы: 1) если Горную сторону Москва не может отдать, то хотя бы частично разрешили бы собирать ясак; 2) русский царь принес бы присягу в соблюдении договора так же, как присягнули казанцы⁶⁸⁸. Оба главных пункта просьбы послов не были выполнены московским правительством.

Исходя из летописной информации создается впечатление, что правительство и не думало об установлении таких отношений, какие бывают между двумя государствами. И это закономерно, так как в это время вопрос о военном присоединении Казанского ханства, по всей вероятности, уже был решен.

В этой связи можно отметить следующее. В системе, к которой великое княжество Московское (Владимирское) принадлежало на протяжении трехсот лет, единственным обладателем харизмы правителя была династия Чингисхана. Московский правитель к ней не принадлежал и потому имел ранг, очевидно, более низкий, чем ханы Крыма, Казани или Астрахани. В то же время, как уже отмечалось выше, фактическое положение Великого княжества всея Руси (особенно его военный и экономический потенциал) в середине XVI в. резко контрастировало с его формальным статусом в рамках степной дипломатии. Отсюда вытекала еще одна задача восточной политики Руси в середине XVI в. — формальное, а не только фактическое повышение статуса своего правителя. Как отмечает О. Прицак, московские правители «нуждались в харизме государственного организма, которую каждый будет знать и уважать»⁶⁸⁹. Поскольку Москва была воспитана в монголо-татарских политических традициях, дать необходимые обоснования, ту самую харизму, о которой пишет Прицак, могло только обладание теми государствами, в которых на тронах сидели потомки Чингисхана. Иными словами, претензии русских правителей на титул царя (хана), требовали солидного обоснования их правомерности, которое могло дать только закрепление за московской династией престолов татарских государств. Это в какой-то мере объясняет завоевательный характер русской восточной политики в середине XVI в.

⁶⁸⁸ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.171–172.

⁶⁸⁹ Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from the Polycultural Point of View // Slavic Review. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.582.

В октябре 1551 г. в Казани уже в среде самого правительства возник раскол. Во главе оппозиции стали Мангыты — князь Бибарс Растов с братьями. Они вступили в сношения с Ногайской Ордой. Заговор был направлен против хана Шах-Али и московского посла, но был скоро раскрыт. При обысках была найдена переписка. Расправа с заговорщиками была жестокой: хан пригласил их на пир и во время его верные Шах-Али князья произвели резню; успевшие выскочить во двор были убиты московскими стрельцами, окружившими ханский дворец. Репрессии были произведены и в Казани — было казнено около 70 человек⁶⁹⁰.

Отправившийся в Казань «делать свое дело с Казанью» А.Адашев в результате бесплодных переговоров с Шах-Али в итоге потребовал, чтобы он впустил в город московские войска⁶⁹¹. Шах-Али на это отвечал, что в этой ситуации ему остается только один выход — бежать к царю и великому князю. А.Адашев и Д.Палецкий поехали в Москву и, проезжая через Свияжск, от служилых людей Чапкына и Бурнаша выяснили, что в Казани Шах-Али крайне непопулярен, и весной казанцы хотят ему изменить⁶⁹².

В январе 1552 года большие послы в Москве князья Нурали Ширин, Костров и Алимардан-азей выступили с новым заявлением, что они получили приказ от всей казанской земли. Они говорили, что не могут ехать в Казань, боясь хана Шах-Али, и просили великого князя, чтобы он «Шигаля свел с Казани, а дал бы им наместника боярина своего, а дрежал бы их также, как и во Свиязском городе»⁶⁹³. Летописи показывают нам в данном случае те вполне реальные в той обстановке чувства отчаяния и безысходности, которые переполняли казанских подданных в преддверии «казанского взятия».

По всей видимости, проживавшие в Москве казанские подданные, которых было 300 человек, связались с князьями Чапкыном и Бурнашем, которые служили в Свияжске и имели контакты с самой Казанью. Шах-Али они были недовольны и говорили, что он их, казанцев, убивает и грабит, насильственно забирает жен и дочерей. Им казалось, что русский правитель (наместник, воевода) будет более приемлем, чем этот ненавистный хан. Московскому правительству такой оборот дела подходил как нельзя лучше.

В Казань вновь поехал А.Адашев, который, прибыв в феврале 1552 года, потребовал от Шах-Али: 1) впустить в город русские войска; 2) покинуть Казань⁶⁹⁴. Шах-Али ответил, что в исламский город русские войска не впустит, однако сам он уедет в Свияжск. Таким образом, А.Адашев свое поручение выполнил лишь наполовину.

⁶⁹⁰ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.172.

⁶⁹¹ Там же. — С.173.

⁶⁹² Там же.

⁶⁹³ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.173–174.

⁶⁹⁴ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т.13 (1 пол.). — С.174; СПб., 1906. — Т.13 (2 пол.). — С.474.

6 марта 1552 года Шах-Али вывел московский гарнизон из Казани и вместе с ним уехал в Свияжск⁶⁹⁵. Под фальшивым предлогом ему удалось вывести с собой из Казани 84 человека князей и мурз; их он передал московским властям в качестве заложников. Так закончилось последнее, третье правление Шах-Али в качестве казанского хана. В дальнейшем Шах-Али участвует в завоевании Казани, находясь в войсках Ивана IV⁶⁹⁶. С ним находились его касимовские татары. После падения Казанского ханства Шах-Али поселился в Касимове.

Итак, Шах-Али правил в Казани с 16 августа 1551 года по 6 марта 1552 года. В данный период московское правительство, по всей видимости, уже решило перейти от политики поставления ханов «из рук великого князя» к более радикальным и действенным методам проведения своей политики в Казани, а именно: либо к наместничьему управлению, либо к полному подчинению Казанского ханства (что и произошло в дальнейшем). По всей вероятности, это понимали как казанская знать, так и сам Шах-Али. Вот только задачи у них были различные: у Шах-Али — подготовить город и его население к правлению московского наместника (по возможности наименее болезненно), а у казанского правительства — любой ценой сохранить хотя бы относительную автономию ханства в Русском государстве. Последнее правление Шах-Али было агонией, он оказался между молотом и наковальней — Москва требовала жестко следовать ее инструкциям (а это зачастую было невозможно без риска для жизни), казанцы требовали отстаивать их экономические требования. Поэтому вопрос низложения Шах-Али был лишь вопросом времени.

Хан Улуг-Мухаммад и его сын Махмуд успешно использовали благоприятно сложившуюся для них политическую конъюнктуру, образовав на Руси подвластное им государственное образование. Однако уже в первые годы правления Ивана III стало очевидно, что формирующееся на московской основе Русское государство — сильное в военном, политическом и экономическом смыслах государство, которое само претендует на правящую роль в регионе. Соответственно изменяется и роль Касимовского ханства, которое превращается в послушное московскому правительству, служащее политическим целям Москвы. Внешне ничего не меняя в отношении этого государства, московское руководство сделало его орудием в своих руках, превратив свои «минусы» 1445 года в «плюсы» первых лет правления Ивана III.

Первый владелец Мещерского Городка (будущий г. Касимов) султан Касим (1445–1469 — годы правления в Касимовском ханстве) после 1462 года всего один раз появляется в источниках, а

⁶⁹⁵ Там же.

⁶⁹⁶ Подробнее см.: Худяков М.Г. Очерки... — М., 1991. — С.143–173; Алишев С.Х. Казань и Москва... — Казань, 1995. — С.112–142.

именно в 1467 году. В этом году в Казани скончался хан Халиль и неразбериха с вопросами престолонаследия в Казанском ханстве привела к тому, что часть знати выдвинула претендентом на ханский престол царевича Касима, проживавшего в Мещере. Этим предложением решил воспользоваться Иван III, предоставивший Касиму мощную военную поддержку. Через верного ему касимовского царевича великий князь надеялся достигнуть благоприятного для себя влияния на дела соседнего государства. Касим преследовал свои цели — надеялся получить реванш за коварное убийство своего отца Улуг-Мухаммада братом Махмудом и оттеснить его ближайших родственников от власти. Однако поход окончился неудачно, и Касиму пришлось вернуться в Мещерский городок, где он и провел последние годы жизни.

Сын Касима султан Данияр (1469–1486 гг.) также активно используется Москвой, но уже в военных операциях: он находится вместе с великим князем в походе на Новгород в 1471 году и активно доказывает ему свою преданность, вместе с другими русскими войсками держит оборону границы по Оке от нападения хана Большой Орды Ахмада в 1472 году, в 1477 году участвует в окончательном падении Новгородской республики. Так как он не имел права предъявлять претензии на ханский престол какого-либо наследника Золотой Орды, Москва ограничила его помощь военной службой касимовских служилых татар.

Относительно внутреннего положения Касимовского ханства в структуре формирующегося Русского государства договорные грамоты великих и удельных князей (1473–1483 гг.) отмечают, что касимовские правители уже являлись полноценными вассалами великого князя — их держат «своего дела дела, и хрестьянского для дела». Политическая автономность касимовских владельцев в это время сильно сужается. Однако это не мешало им кроме традиционного «выхода», который они получали, еще и собирать подати — ясак как с местного языческого населения (мордва, мещера), так и с татарского (мусульманского).

Со смертью в 1486 году Данияра династия Улуг-Мухаммада на касимовском престоле прекращается.

Крымская династия, то есть потомки первого крымского хана Хаджи-Гирея, в Касимове была представлена ханом Нур-Даулетом (1486–1490 гг.) и его сыновьями султанами Сатылганом (1490–1506 гг. с перерывом) и Джанаем (1506–1512 гг.). Москва использовала их правление в двух направлениях: политическом и военном. Нур-Даулет, бывший сыном Хаджи-Гирея и родным братом правящего в то время в Крыму хана Менгли-Гирея, являлся грозным оружием московской внешней политики по отношению к Крымскому ханству. Он мог предъявлять на ханский престол династические претензии, и это позволяло оказывать давление на политику Крымского ханства, заставляя Менгли-Гирея корректировать свои

действия в связи с линией московского великого князя. Причем реально пытаются посадить Нур-Даулета на крымский престол было совершенно не обязательно.

Военное значение Касимовского ханства для Русского государства в период правления крымской династии также трудно недооценивать. Располагаясь на границе, прекрасная боевая конница касимовских татар являлась ударной силой в борьбе как против Большой Орды, так и против Казанского ханства. В интересующий нас отрезок времени (1486–1512 гг.) основные силы Касимовского ханства были брошены на помощь Менгли-Гирею в разгроме Большой Орды. В ее падении в 1502 году Касимовское ханство сыграло не последнюю роль. Зачастую касимовская знать с правителями юрта длительное время находилась не на территории подвластного им «удела», а на границе с ордой «Ахматовых детей» и с Казанским ханством.

В то же время некоторые данные говорят об элементах независимости крымских выходцев в Касимове, о неоднозначности статуса Мещеры в системе позднесолотоордынских государств.

Своего «апофеоза», наибольшего значения для Русского государства, Касимовское ханство достигло в 20–50-х гг. XVI века, когда основной целью московской внешней политики становится «восточный вопрос» — подчинение Казанского ханства. Одним из средств достижения контроля над политикой ханства было выдвигание своих ставленников на казанский престол. Представители большеордынской династии в Касимове братья Джан-Али и Шах-Али неоднократно сидели в Казани в качестве ханов. Джан-Али правил в Казани в 1532–1535 гг., Шах-Али трижды (в 1519–1521 гг., 1546 г., 1551–1552 гг.) сидел в Казани «государевым жалованием», как указывают русские летописи. Степень влияния Москвы на Казань в эти четыре правления была разной, поэтому колебалась и политика московских ставленников — в каких-то случаях они действовали довольно жестко, в других — приходилось балансировать между различными политическими силами. В целом оба хана являлись послушными марионетками Москвы, и ни в одно правление в Казани с их стороны не было «ослушания» великого князя.

Для самих ханов казанский престол был значительно престижнее, чем управление Касимовским ханством, и к его обладанию стремились, несмотря на то, что зачастую это было связано со смертельной опасностью. Однако привести Казань к той степени зависимости, к которой стремилась Москва, — «как Городок», с их помощью оказалось невозможным — Джан-Али был убит в Казани, а Шах-Али трижды изгонялся оттуда. Мирными средствами подчинить своему влиянию Казань московскому правительству не удалось. Казанский юрт был завоеван силой русского оружия, и свою лепту в его падение внесло и Касимовское ханство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После падения Казани Касимовское ханство просуществовало в трансформированном виде еще более 100 лет, до 1681 года. С завоеванием Русским государством татарских ханств — наследников Золотой Орды геополитическая ситуация на территории постзолотоордынского Дешт-и-Кипчака, да и в целом в Восточной Европе, кардинально меняется. В руках русских властей оказались бывшие ханские домены, включая «царево место» — руины Сарая. После завоевания Казани и Астрахани Иван IV стал титуловаться «царем Казанским» и «царем Астраханским» и использовать это обстоятельство для признания за собой титула царя при дипломатических переговорах. Московский правитель встал в один ряд с полновластными крымскими ханами — Гиреями. Отныне на тронных приемах при царе находились три короны — Московская, Казанская и Астраханская. Русский «царь» превратился в Царя — старшего государя по отношению к тюрко-татарским правителям Заволжья и Сибири.

В этой сложной международной ситуации козырем Москвы во внешней политике становится Касимовское ханство, существование которого используется в дипломатической игре с Крымом и особенно с Турцией. Касимовское ханство как бы заполняет вакуум всех покоренных Русью мусульманских государств. На все обвинения своих внешнеполитических оппонентов в притеснении мусульман, разрушении их устоев, обычаев, веры, Москва смело указывает на присутствие прямо в православной Руси мусульманского государства, жители которого свободно придерживаются своей веры и установленных временем порядков. К тому же после взятия Казани и Астрахани перед Москвой возникли новые проблемы — проблемы завоевания Урала, Сибири, далее — взаимоотношений с казахскими ханствами. Доказательство тому — «царствования» в Касимове в дальнейшем султанов и ханов из Сибири и казахских степей.

В XVII столетии Российское государство заметно усилило свои позиции во внешней политике. Функция Касимовского ханства как козыря в дипломатической борьбе с Турцией становится в связи с усилением Москвы не столь важной. Само существование ханства становится анахронизмом, и вопрос его окончательного упразднения становится лишь вопросом времени. Компетенция касимовского «царя» постепенно сужается, основной властной фигурой в Касимове становится назначаемый туда Москвой

воевода. Он полностью контролирует деятельность касимовского владельца, которому были запрещены любые контакты с иноземцами-мусульманами. В середине века касимовский «царь» был крещен, сохранив за собой звание владетельного правителя Касимова. Все это входило в планомерную политику Москвы по окончательному устранению последних признаков самостоятельности Касимовского ханства, которая логично привела к тому, что после 1681 года касимовские правители больше не назначаются, ханство полностью упраздняется⁶⁹⁷.

Очерки по истории Мещерского юрта, представленные в данной книге, ни в коей мере не претендуют на полноту. Это ясно хотя бы и из того, что исследование выполнено в основном по материалам русских источников. В то же время я полагаю, что объективная реконструкция событий прошлого в принципе невозможна. Поэтому и этот, несколько однобокий, взгляд имеет право на существование. В связи с этим я позволю себе сделать некоторые обобщения.

Касимовское ханство, безусловно, являлось одним из продуктов распада Золотой Орды. Образовавшись как ордынский улус на территории формирующейся Московской Руси, оно достаточно быстро превратилось в вассальное московскому великому князю образование, своего рода марионеточное государство для различных целей русской внешней политики (в понимании Москвы и ее правителей). Его владельцы, несомненно, являлись вассалами великого князя и царя и самостоятельной политической роли не играли.

Однако не стоит и преувеличивать степень зависимости этого ханства от Русского государства. Как известно, в XV — начале XVI вв. для государств-наследников Золотой Орды, русских княжеств, а также для сложившейся на их основе Московской Руси была характерна сложная система взаимосвязей, в которой доминирующей чертой их отношений была взаимозависимость. Именно поэтому Касимовское ханство, будучи частью «вотчины» московского великого князя, даже в 1517 году могло одновременно восприниматься крымским ханом Мухаммад-Гиреем как свой «юрт». Да и тюрко-татарское население Мещеры, в лице прежде всего представителей крупных мусульманских феодальных кланов со своими людьми, до ликвидации ближайших татарских ханств и упрочения границ Русского государства, обладало правом свободного отъезда.

---

⁶⁹⁷ Подробнее о втором этапе развития Касимовского ханства см.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — СПб., 1863–1866. — Ч.1–3; Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. — Рязань, 1891; Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство в Смутное время // Точка зрения: сборник научно-исследовательских статей. — Казань, 2000. — Вып.3. — С.89–97; Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство: эволюция социально-политического положения (XV–XVI вв.) // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. — Казань, 2000. — С.76–77.

Некоторые данные говорят нам о равнозначности статусов Касимовского и Казанского ханств (особенно в представлении правителей «Тахтамышева царева юрта» — Крымского ханства). При этом никем не ставится под сомнение важная роль Казани в системе позднесолотоордынских государств.

Не следует забывать и того факта, что в рамках тех правовых норм, которые доминировали на пространствах Восточно-Европейской равнины в XV — первой половине XVI вв., московский государь формально имел более низкий статус, нежели касимовский правитель, так как не являлся, в отличие от последнего, Чингисидом. В структуре русских служилых уделов, которые были широко представлены в Московии изучаемого периода (Кашира, Серпухов, Звенигород, Юрьев-Польский, Романов), Мещера имела наивысший ранг. В отличие от других городов подобного рода, Касимов предоставлялся только Джучидам — высшей категории золотоордынской знати.

В целом Мещерский юрт можно признать одним из государственных образований волго-уральских татар, в рамках которого сформировались такие существующие до сих пор этнические общности, как касимовские татары и мишари.

Русское завоевание Казанского и Астраханского ханств в середине XVI века, серьезно изменившее этническую и конфессиональную структуру населения России, ознаменовало собой начало ее превращения в многонациональное имперское государство. Но «предначало», некий «пролог» в этом отношении был положен еще в середине XV века, в связи с образованием на территории Руси Касимовского ханства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архивные материалы

1.1. РГАДА, ф.112 (Дела едиссанских, ембулуцких, едичкульских и буджацких татар), оп.1, ед. хр.1.

1.2. РГАДА, ф.131 (Татарские дела), оп.1, 1614—1621 гг., д.1; 1621 г., д.1, 4, 5, 12, 13; 1623 г., д.6, 8, 9, 11; 1624 г., д.1, 3, 6, 8, 9; 1627 г., д.1, 5, 7, 8; 1628 г., д.2, 9, 10, 11, 15; 1632 г., д.3; 1633 г., д.2, 16, 20, 21; 1637 г., д.1; 1641 г., д.4; 1643 г., д.1, 2; 1646 г., д.6; 1647 г., д.7; 1648 г., д.3, 52; 1651 г., д.2; 1652 г., д.8; 1653 г., д.1; 1659 г., д.1; 1662 г., д.1; 1667 г., д.1; 1668 г., д.2; 1669 г., д.1, 3.

1.3. РГАДА, ф.137 (Боярские и городовые книги), оп.1. Касимов, ед. хр.1, 2, 3, 4; оп.2, ед. хр.31.

2. Опубликованные источники

2.1. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). — М., 1914: (Тип. Г.Лиснера и Д.Сабко). — 421 с.

2.2. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. — Казань, 1859: (Тип. губерн. правления). — Т.1. — 231 с.

2.3. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1841. — Т.1–2; 1842. — Т.5.

2.4. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией Наук. — СПб., 1890–1901: (Тип. Импер. АН). — Т.1–3.

2.5. Акты писцового дела (1644–1661 гг.) / сб. под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина; сост. С.Б. Веселовский. — М.: Наука, 1977. — 277 с.

2.6. Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века / сост. С.Б. Веселовский; под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. — М.: Наука, 1990. — 474 с.

2.7. Акты писцового дела: материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве / сост. С.Б. Веселовский. — М: Б.и., 1913. — Т.1; М.: Б.и., 1917. — Вып.1. — Т.2.

2.8. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. // Смутное время Московского государства 1604–1613 гг.: материалы, изданные Императорским Обществом Истории и Древностей Российских при Московском Университете. — М., 1911: (Синодальная тип.). — Вып.5. — 228 с.

2.9. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1952—1964. — Т.1—3.

2.10. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. — СПб., 1838. — 463 с.

2.11. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / А. Федотов-Чеховский. — Киев, 1860: (Тип. И. и А. Давиденко). — Т.1. — 500 с.

2.12. Акты, относящиеся до юридического быта древней России / изданы Археографической комиссией под ред. Н. Калачова. — СПб., 1857—1884: (Тип. Импер. АН). — Т.1—3.

2.13. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. — СПб., 1836. — Т.1—4.

2.14. Алексеев В. Исторические путешествия: извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV — XVIII веках / Сост. В. Алексеев. — Сталинград: Краевое книгоизд-во, 1936. — 327 с.

2.15. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю.В. Готье. — Л., 1938. — 308 с.

2.16. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. — СПб., 1858—1863: (Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). — Кн.1—6.

2.17. Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей в XV в. / вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е.Ч.Скрябинской. — Л.: Наука, 1971. — 276 с.

2.18. Берх В. Древняя государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии. — СПб.: Тип. Н.Греча, 1821. — 125 с.

2.19. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.: указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа. — М.: Б.и., 1979. — Ч.1—2.

2.20. Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв. / сост. Е.Н. Ошанина; отв. ред. А.А. Преображенский. — М.: Б.и., 1982. — Вып.1—2.

2.21. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / отв. ред. Б.А.Рыбаков. — М.: Наука, 1987. — 439 с.

2.22. Восстание И. Болотникова: документы и материалы / сост. А.И.Копанев и А.Г. Маньков. — М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1959. — 455 с.

2.23. Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. — М.: Унив. тип., 1851. — Кн. 10. — Б.с.

2.24. Выходы государей царей и великих князей, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси

самодержцев (1632 по 1682 год). — М.: Тип. Августа Семена, 1844. — 702 с.

2.25. Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; под ред. В.Л.Янина. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 430 с.

2.26. Герберштейн С. Записки о московитских делах. — Павел Иовий Новокомский (Паоло Джовио). Книга о Московском посольстве / введ., пер. и примеч. А.И. Малеина. — СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1908. — 383 с.

2.27. Горсей Джером. Записки о России. XVI — начало XVII вв. / под ред. В.Л.Янина; пер. и сост. А.А.Севастьяновой. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 288 с.

2.28. Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции / подг. текста и коммент. А.А. Зимина; под ред. и предисл. Л.В. Черепнина. — М., 1978. — Т.1-3. — Т.1. — С.1-212; Т.2. С.213-438; Т.3. С. 439-631.

2.29. Готье Ю.В. Десятни по Владимиру и Мещере 1590-1615 гг. — М.: Изд-во имп. Об-ва ист. и древн. российских при Моск. ун-те, 1910. — 39 с.

2.30. Документы Печатного приказа (1613-1615 гг.) / сост. С.Б.Веселовский. — М.: Наука, 1994. — 479 с.

2.31. Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1862. — Т.8; СПб., 1865. — Т.9.

2.32. Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.Н. Пискаревым. — СПб.: Б. и., 1854. — 171 с.

2.33. Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, до российской истории, географии и генеалогии, касающихся, издававшаяся ежемесячно Николаем Новиковым, в Санкт-Петербурге в 1773-1775 гг. — СПб., 1773-1775. — Ч.1-10.

2.34. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. / подг. к печ. Л.В.Черепнин; отв. ред. С.В.Бахрушин. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 589 с.

2.35. Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных / под ред. С.В. Бахрушина. — М.: Тип. Вильде, 1909. — 152 с.

2.36. Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Алексан. Мухановым. — 2-е изд. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1871. — 305 с.

2.37. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI-XVII века. Тексты: Законодательные памятники Русского централизованного государства XV-XVII веков. — Л.: Наука, 1986. — 261 с.

2.38. Иероним (Алякринский). Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом с примечаниями И. Добролюбова. — Рязань: Б.и., 1889. — 129 с.

2.39. Казанская история. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 195 с.

2.40. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. — СПб.: Тип. II Отдел. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1853–1855. — Т.1–2.

2.41. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. — 4-е изд. — СПб.: Тип. главн. управл. уделов, 1906. — 215 с.

2.42. Лихачев Н.П. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / сообщение Н.П. Лихачева. — СПб.: Тип. Александрова, 1908. — 55 с.

2.43. Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки ООИД. — Одесса, 1863: Тип. Сод. Х.Алексомати. — Т.5. — С.178–419.

2.44. Маржерет Ж. Россия начала XVII в.: записки капитана Мержерета / сост. Ю.А.Лимонов; отв. ред. В.И.Буганов. — М.: Б.и., 1982. — 255 с.

2.45. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца / подг. к изд. Н.П.Загоскиным. — Казань: Тип. Ун-та, 1882. — Т.1. — 915 с.

2.46. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кольвуччи, кавалера и члена Правительственного Совета Нижней Австрии, послов августейшаго римскаго императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. — М.: Унив. тип., 1874. — 216 с.

2.47. Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — М.: Унив. тип., 1901. — 314 с.

2.48. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 642 с.

2.49. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. — М.: Унив. тип., 1893. — 70 с.

2.50. Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / пер. с нем. П. Барсова. — М.: Унив. тип., 1870. — 1174 с.

2.51. Опись архива Посольского Приказа 1673 года / подг. к печ. В.И.Гальцова; под ред. С.О. Шмидта. — М., 1990. — Ч.1–2.

2.52. Палицын А. Сказание / подг. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой; под ред. Л.В.Черепнина. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. — 347 с.

2.53. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — СПб., 1851–1871. — Т.1–10.

2.54. Памятники истории крестьян XIV–XIX вв. / под ред.

А.Э.Вормса, Ю.В.Готье, А.А.Кизеветтера, А.И. Яковлева. — М.: Тип. Вильде, 1910. — 260 с.

2.55. Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и Земского ополчения 1611–1612 гг. // Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии: сборник. — Б.м., б.г. — Т.11. — 570 с.

2.56. Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. / Сообщ. В.Холмогорова // Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии. — Рязань: Тип. губ. правления, 1891. — Т.6. — № 1. — С.5–10; № 2. — С. 19–24.

2.57. Петрей де Ерлезунда, Петр. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних Смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнаружил Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года / пер. с нем. А.Н. Шемякина. — М.: Унив. тип., 1867. — 578 с.

2.58. Писцовые книги Рязанского края. XVI век / Под ред. В.Н.Сторожева. — Рязань: Тип. М.С.Орловой, 1898. — Т.1. — Вып.1. — 416 с.

2.59. Писцовыя книги, издаваемые Императорским Русским Географическим Обществом. — СПб.: Тип. И.Н.Скорородова, 1895. — Ч.1. — 422 с.

2.60. Под стягом России: сборник архивных документов / сост., примеч. А.А.Сазонова, Г.Н.Герасимовой, О.А.Глушковой, С.Н.Кистерева. — М.: Русская книга, 1992. — 432 с.

2.61. Полевой Н.А. Русская виблиофика, или Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы, издаваемое Николаем Полевым. — М.: Тип. А. Семена, 1833. — Т.1. — 427 с.

2.62. Полное Собрание Русских Летописей. — Л., 1915–1929. — Ч.1. — Вып.1–3. Новгородская четвертая летопись. — Т.4. — 688 с.

2.63. Полное Собрание Русских Летописей. — Л., 1917. — Ч.2. — Вып.1. Новгородская пятая летопись. — Т.4. — 264 с.

2.64. Полное Собрание Русских Летописей. — Л.: Наука, 1982. — Т.37. Устюжские и Вологодские летописи XV–XVIII вв. — 228 с.

2.65. Полное Собрание Русских Летописей. — М.: Наука, 1965. — Т.30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивная) летопись. — 240 с.

2.66. Полное Собрание Русских Летописей. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — Т.25. Московский летописный свод конца XV века. — 404 с.

2.67. Полное Собрание Русских Летописей. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — Т.26. Вологодско-Пермская летопись. — 416 с.

2.68. Полное Собрание Русских Летописей. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — Т.27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. — 419 с.

2.69. Полное Собрание Русских Летописей. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — Т.28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). — 411 с.

2.70. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1841. — Т.3. Новгородские летописи. — 309 с.

2.71. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1848. — Т.4. Новгородские и псковские летописи. — 363 с.

2.72. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1851. — Т.5. Псковские и софийские летописи. — 275 с.

2.73. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1853. — Т.6. Софийские летописи. — 360 с.

2.74. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1856–1859. — Т.7–8. Летопись по Воскресенскому списку.

2.75. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1862–1904. — Т.9–13 (1 пол.). Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.

2.76. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1863. — Т.15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. — 504 стб.

2.77. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1889. — Т.16. Летописный сборник именуемый Летописью Авраамки. — 320 стб., 70 с.

2.78. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1903. — Т.19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). — 530 с.

2.79. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1910. — Т.14 (1 пол.) Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. Новый летописец. — 154 с.

2.80. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1910. — Ч.1. — Т.20 (1 пол.). Львовская летопись. — 418 с.

2.81. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1910. — Т.23. Ермолинская летопись. — 243 с.

2.82. Полное Собрание Русских Летописей. — СПб., 1906. — Т.13 (2 пол.). Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. — С.303–533.

2.83. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1508 гг. / подг. текста и вступ. ст. М.П.Лукичева, Н.М.Рогожина. — М.: Ин-т истории СССР, 1984. — 100 с.

2.84. Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / сост. С.Б. Веселовский; под ред. В.И.Буганова и Б.В.Левшина. — М.: Наука, 1983. — 479 с.

2.85. Продолжение древней российской вивлиофики. — СПб., 1791 — 1801. — Ч.7–11.

2.86. Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / отв. ред. и авт. вступ. ст. Н.М.Рогожин; сост. и авт. коммент. Г.И.Герасимова. — М.: Междунар. отношения, 1991. — 368 с.

2.87. Псковские летописи / подг. к печати А.Насонова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — Вып.1. — 148 с.

2.88. Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / отв. ред. Д.С.Лихачев. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 491 с.

2.89. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста и ред. В.И.-Буганова; отв. ред. М.Н.Тихомиров. — М.: Наука, 1966. — 615 с.

2.90. Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Н.Г.Савич; под ред. и с предисл. В.И.Буганова. — М., 1977–1989. — Т.1–3.

2.91. Разрядная книга 1550–1636 гг. / сост. Л.Ф.Кузьмина; отв. ред. В.И.Буганов. — М., 1975. — 431 с.

2.92. Разрядная книга 1637–1638 года / отв. ред. В.И.Буганов; сост. В.И.Буганов, Л.Ф.Кузьмина, А.П.Богданов. — М., 1983. — 187 с.

2.93. Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих ...изданная по самовернейшим спискам. — М.: Унив. тип. Н.Новикова, 1787. — Ч.1. — 352 с.

2.94. Роспись служилым людям по области Казанского Дворца на 7146 (1637) год / опубл. С. Порфирьев. — Казань: Типолитогр. ИУ, 1912. — 12 с.

2.95. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. — СПб., 1872–1876. — Т.1–3; 1884–1889. — Т.9–11; 1891. — Т.13; 1907. — Т.21; 1908. — Т.22; 1904. — Т.23; Л., 1926. — Т.38.

2.96. Сборник императорского Русского исторического общества. — СПб., 1882. — Т.35; 1884. — Т.41; 1887. — Т.59; 1895. — Т.95.

2.97. Сборник князя Оболенского. — М., 1838: (Тип. Лазаревых ин-та вост. языков). — № 1–10. — Т. 1.

2.98. Сборник Муханова. — 2-е изд., доп. — СПб.: Тип. Эд.Праца, 1866. — 780 с.

2.99. Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. — СПб.: Тип. К.Замысловскаго, 1874. — 362 с.

2.100. Сказания современников о Димитрии Самозванце. — СПб.: Тип. Импер. АН, 1831. — Ч.1. — 297 с.; Тип. Импер. Рос. Акад., 1834. — Ч.5. — 235 с.

2.101. Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников / сост. А.И.Плигузов, И.А.Тихонюк. — М.: Современник, 1989. — 462 с.

2.102. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. — М., 1813–1894. — Ч.1–5.

2.103. Стрейс Я.Я. Три путешествия / пер. Э.Бородиной; ред. А.Морозова. — М.: ОГИЗ — Соцэжгиз, 1935. — 415 с.

2.104. Титов А.А. Дневник Марины Мнишек (1607–1609 г.) / предисл. А.А.Титова. — М.: Печатня А.Снегиревой, 1908. — 59 с.

2.105. Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов

XVI в. / подг. к печ. А.А.Зими́на. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 456 с.

2.106. Феодальная деревня Московского государства XIV–XVI вв. / сб. док. подг. к печ. Б.Д.Грековым. — М.; Л.: ОГИЗ — Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. — 123 с.

2.107. Хилков Г. Сборник князя Хилкова. — СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1879. — 579 с.

2.108. Щербачев Ю.Н. Датский архив: материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. — М.: Унив. тип., 1893. — 344 с.

3. Литература

3.1. Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — М.: Мысль, 1992. — 268 с.

3.2. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1995. — 150 с.

3.3. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. — Л.: Наука, 1988. — 244 с.

3.4. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства: вторая половина XV в. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. — 544 с.

3.5. Базилевич К.В. Образование русского национального государства: Иван III. — М.: Воен. изд-во Мин-ва Вооруж. Сил СССР, 1946. — 52 с.

3.6. Базилевич К.В. Ярлык Ахмад-хана Ивану III / Вестник МГУ. — 1948. — № 1. — С. 29–46.

3.7. Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. — 612 с.

3.8. Бахрушин С.В. Научные труды. — М.: Изд-во АН СССР, 1952–1954. — Т.1–2.

3.9. Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. — 1936. — № 3. — С. 29–61.

3.10. Бахрушин С.В. Самодержавие Ивана IV. — М.: Воен. изд-во Мин-ва Вооруж. Сил СССР, 1946. — 80 с.

3.11. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. — СПб.: Тип. Импер. АН, 1864. — Ч.8. — С.387–494.

3.12. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. — СПб.: Тип. А.Траншеля, 1872–1885. — Т.1–2.

3.13. Бочкарев В.Н. Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. — СПб.: Тип. «Энергия», б.г. — 144 с.

3.14. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских

царях и царевичах. — СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863–1887. — Ч.1–4. — Ч.1. 558 с. — Ч.2. 498 с. — Ч.3. 502 с. — Ч.4. 178 с.

3.15. Вереин Л.Е. Присоединение Нижнего Поволжья к русскому государству. — Астрахань, 1958. — 46 с.

3.16. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. — Прага: Евразийское книгоизд-во, 1927. — Т.1. — 233 с.

3.17. Вернадский Г.В. Россия в средние века / пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губиана, О.В. Строгановой. — Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1997. — 352 с.

3.18. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — Ч.1–2. — Т.1. — 495 с.

3.19. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века: Численность, сословно-классовый состав, размещение. — М.: Наука, 1977. — 264 с.

3.20. Горский А.А. Москва и Орда. — М.: Наука, 2000. — 214 с.

3.21. Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. — Сергиев Посад: Тип. И.И. Иванова, 1915. — 208 с.

3.22. Градовский А.Д. История местного управления в России. — СПб., 1868. — Т.1. — 384 с.

3.23. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 474 с.

3.24. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). — М.: Наука, 1975. — 520 с.

3.25. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963. — 375 с.

3.26. Губайдуллин Г.С. История татар. — М.: Московский лицей, 1994. — 197 с.

3.27. Гурлянд И.Я. Роспись какие города в каком приказе ведомы: материалы для истории приказов XVII века. — Ярославль: Тип. Губерн. Правления, 1901. — 9 с.

3.28. Дубинская Л.Г. Города Мещерского края во второй половине XVII в. // Города феодальной России: сборник статей памяти Н.В. Устюгова. — М.: Наука, 1966. — С.264–271.

3.29. Дубинская Л.Г. Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (по материалам Мещерского края): автореф. ... канд. ист. наук. — М., 1967. — 22 с.

3.30. Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. — Казань: Тип. Унив., 1875. — 230 с.

3.31. Зайцев И.В. Астраханское ханство. — М.: «Восточная литература» РАН, 2004. — 301 с.

3.32. Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. — М.: Мысль, 1991. — 286 с.

3.33. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: очерки политической истории России первой трети XVI в. — М.: Мысль, 1972. — 454 с.

3.34. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. — М.: Мысль, 1982. — 333 с.

3.35. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. — М.: Наука, 1982. — 184 с.

3.36. Иловайский Д.И. История России. — М., 1884–1905. — Т.2–5.

3.37. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества // Соч. — М.: Тип. И.С. Дурново, 1884. — С.1–223.

3.38. Инальчик Х. Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб Гирея // Панорама-Форум. — 1995. — № 3. — С.73–94.

3.39. История СССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции / ред. кол. Б.А. Рыбаков и др. — М.: Наука, 1966–1967. — Т.2–3.

3.40. История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней) / ред. кол. З.И.Гильманов, М.К.Мухарямов, Ю.И.Смыков и др. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1968. — 719 с.

3.41. История Татарской АССР / ред. кол. Н.И. Воробьев и др.; отв. ред. Х.Г. Гимади. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1955. — Т.1. — 550 с.

3.42. История Татарской АССР / под ред. М.К. Мухарямова. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. — 256 с.

3.43. История Татарской АССР / ред. кол. Н.И. Воробьев и др. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1951. — Т.1. — 660 с.

3.44. Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV — сер. XVI вв.) // Панорама-Форум. — 1955. — № 3. — С.95–107.

3.45. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). — Казань: Мастер-Лайн, 1998. — 276 с.

3.46. Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. — Казань: Мастер-Лайн, 1997. — 248 с.

3.47. Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. — Казань: Иман, 1997. — 78 с.

3.48. Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). — Казань: Б.и., 1993. — 173 с.

3.49. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 4 кн. — Ростов н/Д: Феникс, 1994. — Кн.2–4 (Т.4–12).

3.50. Каргалов В.В. Конец ордынского ига. — М.: Наука, 1980. — 152 с.

3.51. Каргалов В.В. На степной границе: оборона «крымской ук-

раины» Русского государства в первой половине XVI столетия. — М.: Наука, 1974. — 183 с.

3.52. Кизиллов Ю.А. Земли и княжества Северо-Восточной Руси в период феодальной раздробленности (XII–XV вв.). — Ульяновск: Б.и., 1982. — 92 с.

3.53. Кизиллов Ю.А. Земли и народы России в XIII–XV вв. : учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Высш. шк., 1984. — 160 с.

3.54. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. — М.: Наука, 1980. — 312 с.

3.55. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: в 9 т. — М.: Мысль, 1987 — 1988. — Ч.2–3. — Т.2–3.

3.56. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. — М.: Мысль, 1985. — 278 с.

3.57. Копанев А.И., Маньков А.Г., Носов Н.Е. Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII вв. / под ред. И.И. Смирнова. — Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1957. — 255 с.

3.58. Коротков И.А. Иван Грозный: Военная деятельность. — М.: Воениздат, 1952. — 88 с.

3.59. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 4 т. — М.: Рипол Классик, 1998. — Т.1–3.

3.60. Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. — СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1890. — 560 с.

3.61. Лилеев Н.В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, Великий князь Всея Руси, впоследствии Великий князь Тверской. 1567–1616 гг. (Исторический очерк). — Тверь: Тип. Губерн. Правления, 1891. — 126 с.

3.62. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. — 238 с.

3.63. Любавский М.К. Образование основной государственной территории Великоорусской народности: Заселение и объединение центра. — Л.: Изд-во АН СССР, 1929. — 175 с.

3.64. Мавродин В.В. Образование единого русского государства. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1951. — 328 с.

3.65. Мавродин В.В. Образование русского национального государства. — 2-е изд. — Л.: ОГИЗ — Госполитиздат, 1941. — 208 с.

3.66. Материалы к теме «Создание русского национального государства» / под ред. А.В. Шестакова. — Смоленск: Б.и., 1938. — 17 с.

3.67. Мухамедьяров Ш.Ф. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. — Казань: Б.и., 1958. — 28 с.

3.68. Насонов А.Н. История русского летописания XI — нач. XVIII века: Очерки и исследования. — М.: Наука, 1969. — 556 с.

3.69. Наумов П. Об отношениях российских князей к монгольс-

ким и татарским ханам, от 1224 по 1480 год. — СПб.: Тип. Деп. Нар. Просвещ., 1823. — 83 с.

3.70. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 447 с.

3.71. Обозрение составных частей государства и отношений их между собою в продолжении удельного периода. — Б.м., б.г. — С.403–828.

3.72. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. — 112 с.

3.73. Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV в. — начало XVII в.): укрепление русского централизованного государства (конец XV–XVI вв.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. / под ред. А.Н.Насонова, Л.В.Черепнина, А.А.Зими́на. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 960 с.

3.74. Панков В. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение. — СПб.: Тип. Ред. Периодиз. изд. Мин. Фин., 1911. — 187 с.

3.75. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках: Очерки из истории края и его колонизации. — М.: Тип. Грачева и К^о, 1877. — 331 с.

3.76. Платонов С.Ф. Иван Грозный (1530–1584). — Пг.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1923. — 160 с.

3.77. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / вступ. ст. А.Н. Фукса. — М.: Высш. шк., 1993. — 736 с.

3.78. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о Русской истории. — М.: Унив. тип., 1855–1857. — Т.5–7.

3.79. Полевой Н.А. История русского народа: Историческая энциклопедия: в 3 т. — М.: Вече, 1997. — Т.3 (Кн.5–6). — 768 с.

3.80. Привалова Н.И. Торги гор. Касимова в середине XVII в. // Исторические записки / отв. ред. Б.Д.Греков. — М.: Изд-во АН СССР, 1947. — Т.21. — С.105–133.

3.81. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — 325 с.

3.82. Прокофьев Н. История Казани и покорения Казанского царства. — Казань: Тип. импер. ун-та, 1904. — 32 с.

3.83. Рахимзянов Б.Р. Административно-политическая и этносоциальная структура Мещерского юрта // История народов России в исследованиях и документах / отв. ред. В.В.Трепавлов. — М.: Ин-т российской истории РАН, 2007. — Вып. 2. — С.234–265.

3.84. Рахимзянов Б.Р. Золотоордынские элементы властных конструкций Московии // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная, Юго-Восточная Европа): материалы XXII Всероссийской научной конференции (Москва, 18–20 мая 2004 г.). — М.: Индрик, 2004. — С.74–79.

3.85. Рахимзянов Б.Р. Касимовские правители во внешнеполи-

тической переписке Ивана III // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. — Вып.1. — С.243–264.

3.86. Рахимзянов Б.Р. Касимовское царство в Смутное время // Точка зрения: сборник научно-исследовательских статей / сост. Б.Р. Рахимзянов; науч. ред. Н.А.Федорова. — Казань: Мастер-Лайн, 2000. — Вып.3. — С.89–97.

3.87. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство: эволюция социально-политического положения (XV–XVI вв.) // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: материалы научной конференции (Казань, 25 апреля 2000 года). — Казань: Матбугат йорты, 2000. — С.73–78.

3.88. Рахимзянов Б.Р. Концептуальные воззрения М.Г.Худякова в 1930-е гг. // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г.Худякова (Казань, 22–25 марта 2004 г.). — Казань: Школа, 2004. — С.62–70.

3.89. Рахимзянов Б.Р. Представители большеордынской династии в Казани и Мещере (1520–1550-е годы) // Казань в средние века и раннее Новое время: материалы Всероссийской научной конференции (Казань, 24–25 мая 2005 г.). — Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. — С.130–148.

3.90. Рахимзянов Б.Р. Русские княжества и наследники Золотой Орды в XV в.: начальная история Касимовского ханства // *Rossica antiqua*: Исследования и материалы. 2006. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. — С.360–386.

3.91. Рахимзянов Б.Р. Русские летописи о правлении касимовских ханов в Казани (первая половина XVI в.) // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей. — Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2004. — С.147–163.

3.92. Рахимзянов Б.Р. Этнорелигиозная толерантность средневековья: Мещера и Мещерский юрт // История и историки в Казанском университете: К 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Сборник научных статей и сообщений. — Казань: Изд-во КГУ, 2005. — С.248–254.

3.93. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. — СПб.: Тип. В.Демакова, 1897. — 404 с.

3.94. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. — 276 с.

3.95. Скрынников Р.Г. Иван Грозный и его время. — М.: Знание, 1991. — 64 с.

3.96. Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // Исторические записки / отв. ред. А.Л.Сидоров. — М.: Наука, 1965. — Т.76. — С.152–174.

3.97. Скрынников Р.Г. Царство террора: Об опричнине Ивана Грозного. — СПб.: Наука, СПб. отд-ние, 1992. — 576 с.

3.98. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века. — СПб.: Б.и., 1887. — 772 с.

3.99. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. — М.: Изд-во АН СССР, 1948. — Т.27. — С.18–66.

3.100. Смирнов М.И. О князьях Мещерских XIII–XV вв. // Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии. — Рязань: Тип. Губерн. Правления, 1904. — 1903. — Вып.2. — Т.18. — С.161–197.

3.101. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. — Т.1 // Ученые записки МГУ. — М.: Б.и., 1946. — Вып.94. — 160 с.

3.102. Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. — Киев, 1917–1919. — Вып.1–2. — Т.1.

3.103. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: в 18 кн. — М.: Мысль, 1988 — 1991. — Кн.2–7 (Т.3–14).

3.104. Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ КГУ: Право. История. Филология. — Казань: Изд-во КГУ, 1964. — С.52–70.

3.105. Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ: Общественные и гуманитарные науки: Вторая научная конференция молодых ученых г. Казани, 27–28 марта 1964 г. / под ред. М.З. Закиева и Б.К. Лебедева. — Казань: Изд-во КГУ, 1966. — С.94–110.

3.106. Сыроечковский В.Е. Мухаммад-Герай и его вассалы // Учен. зап. Моск. ун-та, — 1940. — Вып. 61. История. — Т.2. — С.3–71.

3.107. Татищев В.Н. История Российская. — М.; Л.: Наука, 1965–1966. — Т.5–6.

3.108. Тихомиров Е. Покорение Казани московским царем Иоанном Васильевичем Грозным. — М.: Тип. об-ва распростр. полезных книг, 1886. — 108 с.

3.109. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 584 с.

3.110. Тихомиров М.Н. Русское летописание. — М.: Наука, 1979. — 384 с.

3.111. Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях. — М.: Наука, 1966. — 175 с.

3.112. Трепавлов В.В. Бий мангытов, коронованный chief: вожества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии // Альтернативные пути к цивилизации: кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина и др. — М.: Логос, 2000. — С.356–367.

3.113. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 752 с.

3.114. Трепавлов В.В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. — 1994. — № 2. — С.49–62.

3.115. Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (ногаи на царс-

- кой службе) // Вестник Евразии. — 1998. — № 1/2 (4/5). — С.101–114.
- 3.116. Трофимов В. Поход под Казань, ее осада и взятие в 1552 году. — Казань, 1890: (Тип. Окружного Штаба). — 114 с.
- 3.117. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. — Казань: Изд-во КГУ, 1979. — 318 с.
- 3.118. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария», татарские шаджара. — Казань: Изд-во КГУ, 1972. — 223 с.
- 3.119. Фахрутдин Р. Ханы Золотой Орды / пер. с тат. Султана Шамси. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1996. — 127 с.
- 3.120. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. — 180 с.
- 3.121. Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии. — Казань: Изд-во академ. центра Татнаркомпроса, 1926. — 48 с.
- 3.122. Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. — 2-е изд. — Казань: Гос. изд-во, 1920. — 136 с.
- 3.123. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1978. — 160 с.
- 3.124. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. — 328 с.
- 3.125. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. — М.: Наука, 1980. — 296 с.
- 3.126. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV в. — начало XVI в. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 336 с.
- 3.127. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М.: ИНСАН, 1991. — 320 с.
- 3.128. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — М.: Соцэкгиз, 1960. — 899 с.
- 3.129. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. — М.; Л.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва АН СССР в Мск., 1948–1951. — Ч.1–2.
- 3.130. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). — М.: Воен. изд-во Мин. обор. СССР, 1954. — 224 с.
- 3.131. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. — СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. — 353 с.
- 3.132. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. — 127 с.
- 3.133. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. — 372 с.

3.134. Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). — М.: Б.и., 1996. — 286 с.

3.135. Шевяков В. Подвиг русского народа в борьбе против татаро-монгольских захватчиков в XIII–XV веках. — М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1961. — 112 с.

3.136. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. — Рязань: Тип. Н.Д. Малашкина, 1891. — 206 с.

3.137. Шмидт С.О. Становление российского самодержавства: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. — М.: Мысль, 1973. — 359 с.

3.138. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. — СПб., 1781–1791. — Т.4–7.

3.139. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.: биографические очерки. — СПб.: Тип. Импер. АН, 1891. — Т.2. — 696 с.

3.140. Akiner S. Islamic Peoples of the Soviet Union. — L., etc.: KPI, 1986. — XIII, 462 p.

3.141. Alef G. Rulers and nobles in fifteenth-century Muscovy. — London: Variorum Reprints, 1983. — 354 p.

3.142. Alef G. The origins of Muscovite autocracy: the age of Ivan III. — Berlin: Osteuropa-Institut; Wiesbaden: In Kommission bei O. Harrassowitz, 1986. — 362 p.

3.143. Backus O. Was Muscovite Russia Imperialistic? // American Slavic and East European Review. — 1954. — Vol.13. — № 4. — P.522–534.

3.144. Baczkowsky W. Russian Colonialism: The Tsarist and Soviet Empires // The Idea of Colonialism / Ed. by R. Strausz-Hupe and H. Hazard. — N.Y.: Praeger, 1958. — P.70–113.

3.145. Bassin M. Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier: Views of Siberia and the Far East in Pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography. — 1988. — Vol.14. — № 1. — P.3–21.

3.146. Bassin M. Turner, Solov'ev and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of Modern History. — 1993. — Vol.65. — № 3. — P.473–511.

3.147. Batunsky M. Muscovy and Islam: Irreconcilable Strategy, Pragmatic Tactics // Saeculum. — 1988. — Vol.39. — P.63–81.

3.148. Bobrick B. Fearful Majesty: The Life and Reign of Ivan the Terrible. — N.Y.: Putnam, 1987. — 398 p.

3.149. Cherniavsky M. Ivan the Terrible as Renaissance Prince // Slavic Review. — 1968. — Vol.27. — № 2. — P.195–211.

3.150. Cherniavsky M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory // Journal of the History of Ideas. — 1959. — Vol.20. — № 4. — P.459–476.

3.151. Chirovsky N. A History of the Russian Empire. — N. Y.: Philosophical Library, 1973. — Vol.1. — XXIV, 449 p.

- 3.152. Clarkson J. A History of Russia. — N.Y.: Random House, 1961. — XX, 857 p.
- 3.153. Collins D. Russia's Conquest of Siberia: Evolving Russian and Soviet Historical Interpretations // European Studies Review. — 1982. — Vol.12. — № 1. — P.17-44.
- 3.154. Collins L. On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502 // Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071-1571 / Ed. by A. Bryer and M. Ursinus. — Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1991. — P.361-399.
- 3.155. Croskey R. Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. — N.Y. — L.: Garland, 1987. — VIII, 332 p.
- 3.156. Croskey R. The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // Slavic Review. — 1984. — Vol.43. — № 2. — P.257-269.
- 3.157. Crummey R.O. The Formation of Muscovy, 1304-1613. — L., N.Y.: Longman, 1987. — XV, 275 p.
- 3.158. Devlet N. Empires in Eurasia: from Chingiz Khan to 20th century. — Istanbul: Yeditepe University, 2002. — 106 p.
- 3.159. Dmytryshyn B. To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion, 1558-1867. — Portland (Ore.): Western Imprints: The Press of the Oregon Historical Society, 1985-1989. — Vol.1-3.
- 3.160. Donnelly A. The Russian Conquest of Bashkiria, 1552-1740. A Case Study in Imperialism. — New Haven — L.: Yale University Press, 1968. — 214 p.
- 3.161. Dukes P. A History of Russia. Medieval, Modern, Contemporary. C.882-1996. — Durham: Duke University Press, 1998. — XII, 430 p.
- 3.162. Fennel J. Ivan the Great of Moscow. — L.: Macmillan; N.Y.: St. Martin's Press, 1963. — XIV, 386 p.
- 3.163. Florinsky M. Russia. A History and an Interpretation. — N.Y.: The Macmillan Company, 1953. — Vol.1. — 628 p.
- 3.164. Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia. Russia's North Asian Colony, 1581-1990. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — XX, 455 p.
- 3.165. Freeze G. Russia. A History. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — XVIII, 523 p.
- 3.166. Goldfrank D. Muscovy and the Mongols: What's What and What's Maybe // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. — 2000. — Vol.1. — № 2. — P.259-266.
- 3.167. Halecki O. Imperialism in Slavic and East European History // American Slavic and East European Review. — 1952. — Vol.11. — № 1. — P.1-26.
- 3.168. Halperin Ch. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review. — 1982. — Vol.41. — № 3. — P.477-493.

3.169. Halperin Ch. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. — Bloomington: Indiana University Press, 1985. — XII, 180 p.

3.170. Halperin Ch. Russia and the Steppe: G. Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. — 1985. — Vol.36. — P.55–193.

3.171. Halperin Ch. The Tatar Yoke. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1986, c1985. — 231 p.

3.172. Harrison J.A. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. — Coral Gables (Florida): University of Miami Press, 1971. — 156 p.

3.173. Hartog L. Russia and the Mongol yoke: the history of the Russian principalities and the Golden Horde, 1221–1502. London; New York: British Academic Press, 1996. — XI, 211 p.

3.174. Hosking G. Russia. People and Empire, 1552–1917. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1997. — XXVIII, 548 p.

3.175. Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, England; New York: Pearson/Longman, c2005. — XXXIV, 414 p.

3.176. Keenan E. Muscovite Political Folkways // Russian Review. — 1986. — Vol.45. — № 2. — P.115–181.

3.177. Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics / by Edward Louis Keenan, Jr. 1965. 7, XIII, 429 leaves.

3.178. Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.548–558.

3.179. Keep J. The Origins of Russian Militarism // Cahiers du monde russe et sovietique. — 1985. — Vol.26. — № 1. — P.5–19.

3.180. Kennedy C. Fathers, Sons, and Brothers: Ties of Metaphorical Kinship Between the Muscovite Grand Princes and the Tatar Elite // Harvard Ukrainian Studies. — 1995. — Vol.19. — P.292–301.

3.181. Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between emigre Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / by Craig Gayen Kennedy. — 1994. — 238 leaves.

3.182. Kerner R. The Urge to the Sea. The Course of Russian History. — Berkeley and L.A.: University of California Press, 1942. — XVII, 212 p.

3.183. Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // Kritika. — 2000. — Vol.1. — № 4. — P.691–699.

3.184. Khodarkovsky M. «Not by Word Alone»: Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. — 1996. — Vol.38. — № 2. — P.267–293.

3.185. Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, c2002. — XII, 290 p.

- 3.186. Khodarkovsky M. Taming the 'Wild Steppe': Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // *Russian History/Histoire Russe*. — 1999. — Vol.26. — № 3. — P.241–297.
- 3.187. Kolarz W. *Russia and Her Colonies*. — N.Y.: Praeger, 1952. — XIV, 335 p.
- 3.188. Lamb H. *The March of Muscovy. Ivan the Terrible and the Growth of the Russian Empire, 1400–1648*. — Garden City (N.Y.): Doubleday and Company, Inc., 1948. — 309 p.
- 3.189. Lantzeff G., Pierce R.A. *Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750*. — Montreal; L.: McGill — Queen's University Press, 1973. — X, 276 p.
- 3.190. Lieven D. *Empire. The Russian Empire and Its Rivals*. — New Haven; L.: Yale University Press, 2000. — XLII, 486 p.
- 3.191. Lincoln W. B. *The Conquest of a Continent. Siberia and the Russians*. — N.Y.: Random House, 1994. — XXII, 500 p.
- 3.192. Lobanov-Rostovsky A. *Russian Expansion in the Far East in the Light of the Turner Hypothesis* // *The Frontier in Perspective* / Ed. by W. Wyman and C. Kroeber. — Madison: The University of Wisconsin Press, 1965. — P.79–94.
- 3.193. *Major problems in the history of imperial Russia* / Ed. by J. Cracraft. Lexington, Mass.: D.C. Heath, c1994. — XIV, 661 p.
- 3.194. Martin J. *Medieval Russia, 980–1584*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — XXV, 450 p.
- 3.195. Martin J. *Multiethnicity in Muscovy: a Consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1550s–1580s*. // *Journal of Early Modern History*. — 2001. — Vol.5. — № 1. — P.1–23.
- 3.196. Martin J. *Muscovite Relations with the Khanates of Kazan' and the Crimea (1460s to 1521)* // *Canadian-American Slavic Studies*. — 1983. — Vol.17. — № 4. — P.435–453.
- 3.197. Martin J. *Muscovite Travelling Merchants: The Trade with the Muslim East (15th and 16th Centuries)* // *Central Asian Survey*. — 1985. — Vol.4. — № 3. — P.21–38.
- 3.198. Martin J. *Muscovy's Northeastern Expansion: The Context and a Cause* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. — 1983. — Vol.24. — № 4. — P.459–470.
- 3.199. McNeill W. *Europe's Steppe Frontier, 1500–1800*. — Chicago and L.: The University of Chicago Press, 1964. — 252 p.
- 3.200. *Of religion and empire: missions, conversion, and tolerance in Tsarist Russia* / Ed. by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky. — Ithaca: Cornell University Press, c2001. — VI, 356 p.
- 3.201. Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — XVI, 329 p.
- 3.202. Ostrowski D. *The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions* // *Slavic Review*. — 1990. — Vol.49. — № 4. — P.525–542.

- 3.203. Parker W. An Historical Geography of Russia. — L.: University of London Press, 1968. — 416 p.
- 3.204. Pelenski J. Muscovite Imperial Claims to the Kazan Khanate // *Slavic Review*. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.559–576.
- 3.205. Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). — The Hague; Paris: Mouton, 1974. — 368 p.
- 3.206. Pelenski J. State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic System in the 16th Century // *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. — 1980. — Vol.27. — P.156–167.
- 3.207. Pelenski J. The contest for the legacy of Kievan Rus'. Boulder, CO: East European Monographs; New York: Distributed by Columbia University Press, 1998. — XXIII, 325 p.
- 3.208. Pipes R. Russia Under the Old Regime. — N.Y.: Collier Books, 1992. — XXII, 361 p.
- 3.209. Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // *Slavic Review*. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.577–583.
- 3.210. Raefl M. Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities // Allworth E. Soviet Nationality Problems. — N.Y.; L.: Columbia University Press, 1971. — P.22–42.
- 3.211. Rahimzjanov B. Наследие Золотой Орды в формировании Российского государства // *Cahiers du Monde russe*. — № 46/1–2. — Janvier-juin. — 2005. — P.29–38.
- 3.212. Riasanovsky N. «Oriental Despotism» and Russia // *Slavic Review*. — 1963. — Vol.22. — № 4. — P.644–649.
- 3.213. Riasanovsky N. A History of Russia. — N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2005. — Vol.1. — XVIII, 711 p.
- 3.214. Riasanovsky N. Old Russia, the Soviet Union and Eastern Europe // *American Slavic and East European Review*. — 1952. — Vol.11. — № 3. — P.171–188.
- 3.215. Rieber A. Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Interpretive Essay // *Imperial Russian Foreign Policy* / Ed. by H. Ragsdale. — [Washington, D.C.]: Woodrow Wilson Center Press; Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. — P.315–359.
- 3.216. Rorlich A. The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. — Stanford: Hoover Institution Press, 1986. — XVI, 288 p.
- 3.217. Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples / Ed. by W. Vucinich. — Stanford: Hoover Institution Press, 1972. — 521 p.
- 3.218. Russian Colonial Expansion to 1917 / Ed. by M. Rywkin. — L.; N.Y.: Mansell, 1988. — XVI, 274 p.
- 3.219. Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective / Ed. by I. Lederer. New Haven; L.: Yale University Press, 1964. — XXIII, 620 p.
- 3.220. Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution /

Ed. by T. Hunczak. — New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1974. — XII, 396 p.

3.221. Russia's Eastward Expansion / Ed. by G. Lensen. — Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1964. — VIII, 184 p.

3.222. Rywkin M. Russian Colonial Expansion before Ivan the Dread: A Survey of Basic Trends // Russian Review. — 1973. — Vol.32. — № 3. — P.286–293.

3.223. Sevchenko I. Muscovy's Conquest of Kazan: Two Views Reconciled // Slavic Review. — 1967. — Vol.26. — № 4. — P.541–547.

3.224. Starr S. Frederick. Tsarist Government: The Imperial Dimension // Azrael J. Soviet Nationality Policies and Practices. — N.Y.: Praeger, 1978. — P.3–38.

3.225. Sumner B. Survey of Russian History. L.: Duckworth, 1947. — 506 p.

3.226. Tschebotarioff-Bill V. The Circular Frontier of Muscovy // Russian Review. — 1950. — Vol.9. — № 1. — P.45–52.

3.227. Weeks Th. R. 'Our Muslims': The Lithuanian Tatars and the Russian Imperial Government // Journal of Baltic Studies. — 1999. — Vol.30. — № 1. — P.5–17.

3.228. Wieczynski J. The Frontier in Early Russian History // Russian Review. — 1972. — Vol.31. — № 2. — P.110–116.

3.229. Wieczynski J. The Russian Frontier. The Impact of Borderlands upon the Course of Early Russian History. — Charlottesville: University Press of Virginia, 1976. — XII, 108 p.

3.230. Wieczynski J. Toward a Frontier Theory of Early Russian History // Russian Review. — 1974. — Vol.33. — № 3. — P.284–295.

3.231. Wittfogel K. Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review. — 1963. — Vol.22. — № 4. — P.627–643.

3.232. Wren M. The Course of Russian History. — N.Y.: Macmillan, 1979. — XIV, 598 p.

3.233. Yanov A. The Origins of Autocracy. Ivan the Terrible in Russian History. — Berkeley (Cal.): University of California Press, 1981. — XVI, 339 p.

3.234. Zenkovsky S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia. — Cambridge: Harvard University Press, 1960. — X, 345 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв.

ООИД — Одесское общество истории и древностей

ПДРВ — Продолжение древней российской вивлиофики

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией

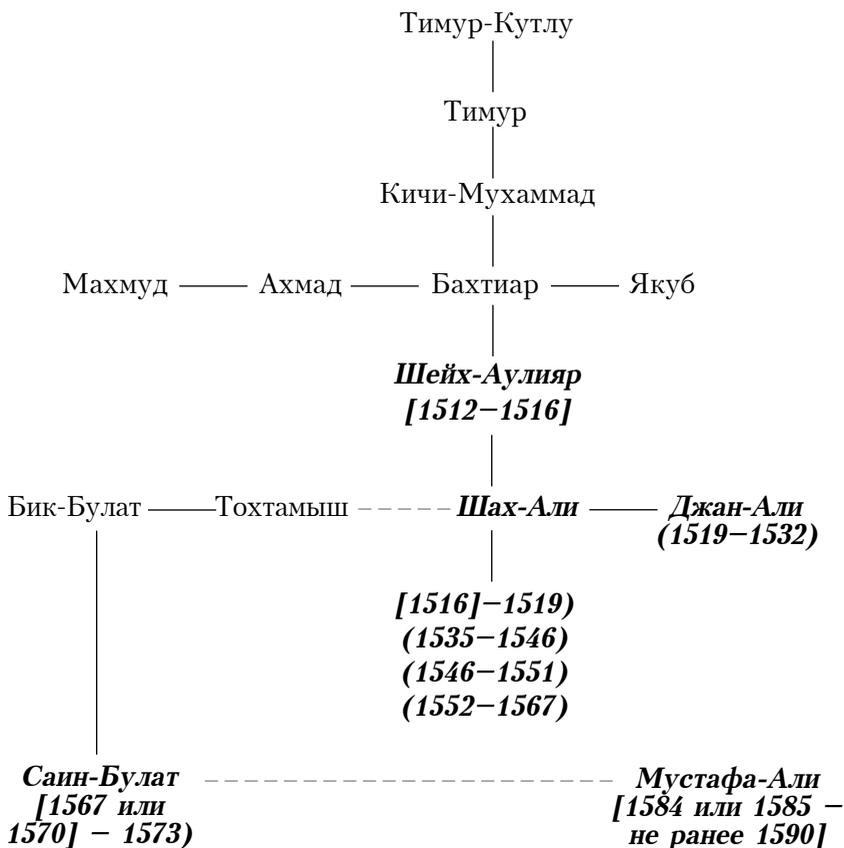
Сборник РИО — Сборник императорского Русского исторического общества

СГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел

В) Династия потомков Тимура-Кутлу
(БОЛЬШЕОРДЫНСКАЯ ДИНАСТИЯ):

№ 2. Хронология основных событий в Касимовском ханстве и постзолотоордынском пространстве Восточной Европы (XV—XVI вв.)⁶⁹⁸

1382 — Согласно данным договорных грамот «Мещерские места» являются собственностью Московского княжества.
первая половина XV в. — дезинтеграция Улуса Джучи (Золо-

⁶⁹⁹ В квадратных скобках даны предположительные даты.

той Орды); появление на территории формирующегося Русского государства специальных татарских государственных образований.

1437 — очередной переворот в Золотой Орде: сарайский хан Улуг-Мухаммад лишен престола Кучук-Мухаммадом.

[1437—1438] — образование Казанского ханства Улуг-Мухаммадом.

1439 — начало походов Улуг-Мухаммада на русские земли.

7 июля 1445 — Суздальская битва сыновей Улуг-Мухаммада Махмуда и Якуба (Касима?) с войсками Василия II. Разгром русских войск. Пленение великого московского князя Василия II и его князей.

7 июля — 1 октября 1445 — плен Василия II и его проживание у Улуг-Мухаммада.

октябрь 1445 — освобождение Василия II. Выкуп Улуг-Мухаммаду за «отпуск» великого князя.

[1445] — образование Касимовского ханства как один из пунктов договора об освобождении Василия II.

1445—1453 — участие султанов Касима и Якуба в феодальной войне на территории Московского княжества на стороне Василия II.

1481—1553 — данные русских договорных грамот о «выходе» (дани) в Касимов со стороны Московского и Рязанского великих княжеств.

[1445—1469] — правление султана Касима.

[1467] — постройка мечети в Хан-Кирмане (Мещерском Городке, Касимове).

1467 — смерть казанского хана Халиля. Претензии Касима на казанский престол.

[1466—1468] — правление хана Нур-Даулета в Крыму.

[1469] — смерть султана Касима.

[1469—1486] — правление султана Данияра, сына султана Касима.

1471 — участие султана Данияра в походе на Новгород в составе московских войск.

1472 — участие султана Данияра в военных действиях русских войск против хана Большой Орды Ахмада.

декабрь 1477 — январь 1478 — участие султана Данияра в московской аннексии Новгорода.

1479 — прибытие хана Нур-Даулета в Великое Московское княжество.

[1486] — смерть султана Данияра. Смена Москвой представителей династии Улуг Мухаммада на представителей крымской династии Гиреев.

[1486 — 1490] — правление хана Нур-Даулета.

1487—1490 — участие хана Нур-Даулета в походах против «Ахматовых детей» (Большой Орды).

[1503] — смерть хана Нур-Даулета.

[1490 — 1506, с перерывом] — правление султана Сатылгана, сына хана Нур-Даулета.

1490 — 1501 — участие султана Сатылгана в походах против Большой Орды.

[июль 1501 — сентябрь 1503] — нахождение султана Сатылгана под стражей в Москве.

[июль 1501 — сентябрь 1503] — Касимовское ханство без правителя.

1502 — «разгром Большой Орды» с помощью касимовских войск.

[1506] — смерть султана Сатылгана.

[1506 — 1512] — правление султана Джаная, сына хана Нур-Даулета и брата султана Сатылгана.

[1512] — смена Москвой представителей крымской династии Гиреев на представителей большеордынской (астраханской) династии потомков Ахмада.

[1512 — 1516] — правление султана Шейх-Аулияра.

1512 — 1516 — протесты Крыма против смены династии в Касимове.

лето 1517 — крымский клан Ширин вторгся на территорию Мещеры с целью реванша; аргументация вторжения — *«за то что нынеча на Мещере наш недруг»*.

1517 — крымский хан Мухаммад-Гирей в письме к Василию III заявляет, что Мещера является его собственностью — *«из старины тот юрт наш»*.

[1516] — март 1519 — первое правление султана Шах-Али в Касимове. Мальчику в 1516 г. было около 11 лет.

декабрь 1518 — в Казани умирает последний представитель династии потомков Улуг-Мухаммада хан Мухаммад-Амин. Казанское ханство до 1552 г. становится очагом интриг Москвы, Крыма и Ногайской Орды.

1 марта 1519 — 1521 — первое правление хана Шах-Али в Казани.

весна 1521 — военный переворот в Казани. Низвержение Шах-Али. Ханом становится крымский Гирей Сахиб. Шах-Али поселяется в Москве при дворе великого князя.

март 1519 — весна 1532 — правление султана Джан-Али в Касимове. Мальчику в 1519 г. было около 3 лет.

1530-е гг. — начало ввода московским правительством элементов «параллельной» (подчиняющейся Москве) администрации в Касимове.

весна 1532 — переворот в Казани. Хан Сафа-Гирей свергнут.

29 июня 1532 — 25 сентября 1535 — правление хана Джан-Али в Казани.

[июнь 1532 — 1535] — Касимовское ханство остается без правителя.

январь 1533 — арест Шах-Али за тайную переписку с Казанью и другими постзолотоордынскими юртами. Ссылка Шах-Али на Белоозеро. Заточение людей Шах-Али в тюрьму.

1533 — женитьба 17-летнего казанского хана Джан-Али на дочери бия Ногайской Орды Юсуфа Сююмбике.

25 сентября 1535 — переворот в Казани. Убийство хана Джан-Али. Казанским ханом вновь становится представитель крымской династии Сафа-Гирей.

декабрь 1535 — освобождение хана Шах-Али по постановлению Боярской Думы.

декабрь 1535 — март 1546 — второе правление хана Шах-Али в Касимове.

1546-1552 — участие Шах-Али с касимовскими войсками в походах русской армии на Казань.

январь 1546 — переворот в Казани. Хан Сафа-Гирей вторично низвержен с престола. Погром крымцев в Казани.

13 июня — июль 1546 — второе правление хана Шах-Али в Казани.

июль 1546 — переворот в Казани. Изгнание Шах-Али. Ханом в третий раз становится Сафа-Гирей.

июль 1546 — май 1551 — третье правление хана Шах-Али в Касимове.

конец 1547 — начало 1549, январь — февраль 1550 — участие Шах-Али в походах русской армии на Казань совместно с астраханским султаном Ядыгар-Мухаммадом, в дальнейшем последним казанским ханом.

май 1551 — большой поход русской армии против Казанского ханства.

24 мая 1551 — на территории Казанского ханства заложена русская крепость Свияжск как форпост продвижения на Казань.

май — июнь 1551 — очередной переворот в Казани. Низвержение Сафа-Гирея. На престол избран Шах-Али.

14 августа 1551 — разделение территории Казанского ханства на две части: Горную (московскую) и Луговую (собственно казанскую).

16 августа 1551 — 6 марта 1552 — третье правление хана Шах-Али в Казани.

6 марта 1552 — Шах-Али выводит московский гарнизон и казанских знатных заложников из Казани в Свияжск и покидает город сам.

1552 — участие хана Шах-Али и касимовского войска в захвате Казани.

2 октября 1552 — падение столицы Казанского ханства под ударами армии Ивана IV Грозного.

октябрь 1552 — 22 апреля 1567 — четвертое правление хана Шах-Али в Касимове.

[1555] — постройка текие (мавзолея) Шах-Али в Касимове.

22 апреля 1567 — смерть хана Шах-Али в Касимове.

№ 3. Список основных разночтений имен касимовских правителей в русских источниках

Касим: Кайсым, Трегуб.
Данияр: Алдаяр, Даниар, Даяр.
Нур-Даулет: Мердоулат, Мердулат, Нордоулат, Нурдовлат.
Сатылган: Салтаган, Салтыган.
Джанай: Дзенай, Зенай, Янай.
Шейх-Аулияр: Шавлеар, Шавлеяр, Шиговлеяр, Шигаванам, Шигавлиам, Шиговлеар, Шиговлиар, Шиг-Авлиар, Шигольяр, Шиховриар, Шиг-Авлеар.
Шах-Али: Шаалей, Шиг-Алей, Шиголей, Ших-Алей.
Джан-Али: Аналей, Еналей, Яналей.

№ 4. Словарь терминов

Абыз, афыз (араб. *хафиз*) — грамотный, ученый человек, знающий наизусть священный текст Корана. В татарских ханствах и Ногайской Орде употреблялся для обозначения широкообразованного человека, мусульманского служителя культа.

Бакши, бакшей (тюрк.-тат. *бахши*) — в тексте данной книги — чиновник, писец-делопроизводитель.

Бек (араб. *эмир*, в русских источниках — «князь») — в Золотой Орде и позднесолотоордынских государствах назначенный ханом военачальник, получивший за военную службу удел — улус. Он мог также являться и представителем служилого слоя аристократии при дворе хана.

Беклярибек (араб. *амир-ал-умара*, в русских источниках — «князь князей») — в Золотой Орде и некоторых позднесолотоордынских государствах первый из карачи-беков, ответственный за военную сферу. Фактически являлся вторым лицом после хана.

Белопашенные земли — частновладельческие земли, освобожденные от податей и повинностей.

Бий (в русских источниках — «князь») — верховный правитель в Ногайской Орде, происходивший из рода потомков Идигея Мангыт.

Бортничество — начальная форма пчеловодства, основанная на содержании пчел в дуплах (бортях) деревьев для получения меда.

Вакуф, вакф — имущество, переданное владельцем на религиозные или благотворительные нужды мусульманской общине, государству или частному лицу.

Вилайет, вилайят, вилайат, вилайя — основная административно-территориальная единица в некоторых странах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока; одна из административно-терри-

ториальных единиц в Золотой Орде и позднесолотоордынских государствах.

Волость — местная (чаще всего сельская) территориально-административная единица на Руси, часть уезда; население волости.

Выход — средневековый термин, значение которого синонимично современному «дань».

Габигус (от лат. *habere* — *иметь*). Совокупность черт, которые приобретает индивид; свойства, результирующие присвоение некоторых знаний, некоторого опыта. В некотором смысле схож с термином «ментальность», однако если последний имеет коллективное значение, то «габигус» — значение индивидуальное.

Данишменды — наставники в медресе, учителя.

Дань — денежные выплаты вассала сюзерену.

Дараги (тюрк.-монг. *даруги*) — в тексте данной книги — в Золотой Орде и позднесолотоордынских государствах сборщики податей для своих правителей.

Даточные люди — в XV — XVII вв. лица из тяглого населения, отанные на пожизненную военную службу.

Дервиш — любой, кто добровольно жил в бедности, довольствовался малым.

Дети боярские (ед. ч. *сын боярский*) — низший разряд служилого сословия, мелкие феодалы в XV — начале XVIII в., как правило, провинциальные, часто не имеющие собственных земельных владений и несущие службу при дворе, в приказах, в полках, при крупных феодалах.

Дефтерь — вероятно, податные (налоговые) списки по «тьмам» (административным единицам) в Золотой Орде.

Дешт, Дешт-и-Кипчак (перс. *Кипчакская степь*) — территория бывшей половецкой степи, завоеванная монголами в XIII в. В тексте данной книги употребляется для обозначения территории бывшей Золотой Орды в XV — XVI вв.

Диван — в Золотой Орде и некоторых позднесолотоордынских государствах совет карачи-беков.

Дискурс (от англ. *discourse*, фр. *discours*, лат. *discursus* — *речь*) — речь, процесс языковой деятельности; способ говорения; стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология.

Докончанье — средневековый термин, значение которого синонимично современному «договор».

Дьяк — служащий правительственной администрации XV — XVII вв.

Имам — глава мусульманской общины, руководитель общей молитвы в мечети, предстоятель.

Казаки — в Золотой Орде и позднесолотоордынских государствах низший из военнообязанных слоев, лишенный привилегий уланов, беков, муруз.

Карачи-беки, улусбеки (тюрк. *карачи*, тат. *караучы(е)*) — фео-

дальная знать в Золотой Орде и поздnezолотоордынских государствах, занимавшая наиболее видное политическое положение. Высший титул служилых беков («князей»).

Киличей — средневековый термин, значение которого синонимично современному «посол».

Кормление — вид пожалования русских великих и удельных князей своим должностным лицам, по которому княжеская администрация содержалась за счет местного населения в течение периода службы.

Мулла — учитель религиозной школы; мусульманский служитель культа; знаток мусульманского ритуала; иногда в значении «грамотный, ученый человек».

Мурза, мирза (восходит к араб.-перс. *амир-заде*) — в Золотой Орде и поздnezолотоордынских государствах сын эмира. Мурзы принадлежали к военной прослойке господствующего класса.

Набег — пограничные военные действия с целью грабежа, возглавляемые, как правило, незнатными представителями татарской аристократии. Не ставили своей целью решение каких-либо серьезных вопросов (возобновление даннических обязательств и т.д.). Часто не были согласованы с ханом или шли в разрез с общей стратегией своего государства.

Насад — плоскодонное судно с высокими набитыми бортами.

Насельник — житель какой-либо местности, населенного пункта, помещения в исторических описаниях.

Неопозитивизм — историческая парадигма, которую субъективный автор понимает как попытку восстановления событий наиболее приближенно к исторической реальности, при понимании того, что такая «объективная» реконструкция в принципе невозможна.

Окольный — придворный чин и должность в средневековой Руси, второй по значению после боярина.

Патронат — главенство, руководство.

Переводчик — сотрудник Посольского приказа. На них возлагался перевод на русский язык иноязычных документов.

Погост — административно-территориальная единица на Руси.

Поздnezолотоордынские государства — государства, образовавшиеся в результате распада Золотой Орды (Крымское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Касимовское ханства, Большая и Ногайская Орды).

Поминок — дары, подношения от одного государя к другому, а также членам его семьи и придворным, доставляемые с посольством.

Посад — часть города, находившаяся с внешней стороны крепостной стены. Обычно была заселена незнатными слоями населения города; на посаде находилось торжище и ремесленные слободы. Во время нападения врага посад, обычно, полностью уничтожался — если не врагом, то пожаром. Население посада или укрывалось в кремле, или погибало (если кремль был небольшим, либо враг под-

ходил неожиданно, так что ворота крепости приходилось закрывать в спешке).

Посошные люди — в Русском государстве XVI—XVII вв. временные служилые люди, набравшиеся в порядке повинности (посоха) от тяглого населения; использовались как пехота в армии, а также на строительных и ремонтных работах.

Постельничий — придворный чин, лицо, ведавшее спальней великого князя или царя, его личной казной, мастерской по изготовлению царской одежды и белья, а также хранившее личную печать великого князя или царя.

Поход — военное проникновение вглубь территории соседнего государства (часто — до столицы), ставившее целью решение каких-либо серьезных вопросов (возобновление даннических обязательств, наказание за неповиновение). Возглавлялись, как правило, знатными представителями татарской аристократии, приближенными или родственниками хана, часто — Чингисидами.

Пристав — человек, назначенный для встречи, размещения и охраны иноземного посольства.

Проторы — расходы, издержки.

Пуд — единица веса (массы), применявшаяся в России, Белоруссии и на Украине. Впервые упоминается в документах XII века. Равнялся около 16,38 кг.

Сажень — мера длины, в XVII в. равная трем аршинам, т.е. 216 см (позднее известны два вида сажений: маховая сажень = 176 см., косяя сажень = 248 см).

Сарай (араб.-тат. *Сарай-ал-Джадид*, рус. перевод *Новый Дворец*) — вторая столица Золотой Орды на Волге, разгромленная Тамерланом (Тимуром) в конце XIV в. После разгрома слово употреблялось в «виртуальном» смысле, обозначая формальный центр (место принятия решений) Улуса Джучи (Золотой Орды).

Сеид, сеит (араб. *сайид*) — потомок пророка Мухаммада по линии его дочери Фатимы, представитель обособленной привилегированной группы в мусульманском обществе, принимавшей активное участие в религиозной и политической жизни татарских ханств. Нередко возглавляли иерархическую лестницу мусульманского духовенства.

Слобода — часть города, обычно заселенная людьми одного рода занятий (слобода казачья, солдатская, стрелецкая и т.д.).

Служилые люди по «отечеству» — название людей (бояре, дворяне, дети боярские, жильцы), обязанных службой государству и получающих поместное или денежное жалованье.

Служилые люди по «прибору» — название людей (воротники, драгуны, пушкари, стрельцы и др.), обязанных службой государству и получающих поместное или денежное жалованье.

Служилые татары — под служилыми татарами в XIV — начале XVIII века обычно понимали военно-служилое сословие из нерус-

ского мусульманского населения, как правило, татар, выходцев из Улуса Джучи (Золотой Орды).

Стан — место стоянки; пристанище воров, притон.

Страта (от лат. *stratos*) — слой общества.

Султан (рус. *царевич*) — сын правителя в Золотой Орде и позднесолотоордынских ханствах, потомок Чингисхана.

Тарханы — в Золотой Орде и позднесолотоордынских государствах разряд привилегированных лиц, обладавших земельной собственностью и освобожденных от податей и повинностей.

Толмач — сотрудник Посольского приказа, переводчик. На них возлагался устный перевод в разговоре с иноземцами.

Удел — доля члена княжеского рода в родовом владении. В XII—XVI вв. составная часть крупного великого княжества, управлявшаяся членом великокняжеской семьи — удельное княжество. Формально, удельные княжества находились под властью великого князя, но имели свою монету, учреждения, власть, то есть являлись практически независимыми государствами.

Уезд — административный округ, существовавший на Руси. В древности уездом называлась совокупность всех волостей, тянувших к известному городу. С XVII в. территория России делилась на уезды, количество которых достигало 250. Уезды, в свою очередь делились на волости и станы.

Улан, оглан (от тюрк.-таг. *оглан, олан*) — член правящей династии в Золотой Орде и позднесолотоордынских юртах, Чингисид. Обычно командовал своим военным подразделением.

Улус — объединение родов, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хана. Улус — это народ, кочевники, данные во владение, кочевая община. Также имеет значение удела, данного в управление. В изучаемый период (XV—XVI вв.) термины «улус» и «юрт» все чаще стали употреблять в значении государства, державы.

Хаджи — любой человек, совершивший хадж — паломничество в Мекку.

Хан (рус. *царь*) — верховный правитель в Золотой Орде и позднесолотоордынских ханствах, потомок Чингисхана.

Ханство — в тексте данной книги — государство, образовавшееся в процессе распада Золотой Орды и управлявшееся Чингисидом.

Четверть, четь — 1) единица земельной меры, равная половине десятины (в XVII в. ее площадь составляла 1200 или 1600 квадратных сажень); 2) мера объема сыпучих тел; в XVI в. равнялась 4 пудам, или около 65,5 кг.

Шейх — знаток богословско-правового комплекса, богослов-законовед.

Шерть — договор между государями с определением взаимных обязательств. Термин заимствован из татарского, в который попал из арабского и персидского.

Шлях — тракт, дорога, путь.

Юрт — территория кочевков улуса. В древнетюркском языке «юрт» означал: дом, владение, местожительство, страна, земля. В XIII—XIV вв. преобладает значение «территория расселения, кочевков». В изучаемый период (XV—XVI вв.) термины «улус» и «юрт» все чаще стали употреблять в значении государства, державы.

Ярлык — документ, выдаваемый сюзереном — сарайским ханом, и устанавливающий управленческие и вассальные функции его вассала — великого князя (правителя Северо-Восточной Руси).

Ясак — подать, взимаемая с народов Поволжья и Сибири.

Сөзөмтө

Касыйм ханлыгы (урыс историографиясендә — «Касыйм патшалыгы», XV–XVII гасыр чыганакларында — «Мещера», «Мещерский юрт») — Русия территориясендә XV–XVII гасырларда яшәгән дәүләт.

Касыйм ханлыгы XV гасырның икенче чирегендә киләчәктә төзеләчәк Русия дәүләте территориясендә кабынган феодал сугышларның субъектив нәтижәсендә барлыкка килә. Ул урыс гаскәрләренең Суздаль янында жиңелүләрәннән соң мәскәүләрнең бөөк кенәзе Василий II тарафыннан Олуг Мөхәммәдкә вәгъдә ителгән алыш-биреш шартлары нәтижәсендә Рязань һәм Мәскәү кенәзлекләренең арадаш жирләрәндә 1445 елда төзелә. Бу ханлыкны Мәскәү кенәзлеге иреккә рәвештә түгел, бәлки чарасызлыктан төзөргә мәжбүр була.

Касыйм ханлыгының тарихи үсешендә ике чор ачык чагыла. Беренче — 1445 елда ханлык оешудан башлап 1552 елда Казан «йортының» тар-мар ителүенә кадәрге чор. Бу вакыт аралыгында Казан һәм Кырымга династиячел каршылык тудыру максатыннан Касыйм ханлыгына нык эһәмият бирелә. Бу этапта Касыйм ханлыгы эчке эшләрдә шактый автономияле хокук ала. Икенче чор, Казан яулап алынганнан соң 1681 елда Касыйм ханлыгын формаль бетерелүенә кадәрге вакыт, чынлыкта бу сәяси корылманың анахронизмга әверелүе белән характерлана, һәм Русиянең житәкче даирәләре Касыйм ханлыгын Русия эчендә «эретү» ниятеннән ныклы адымнар ясый башлайлар. Мәскәү дәүләтенең Казан һәм Хажитархан ханлыкларын яулап алуы сәбәпле Көнчыгыш Аурупада килеп туган геополитик вазгыятьнең үзгәрүе Касыйм ханлыгының хәленә кискен йогынты ясый. Аның хәле удел кенәзлек рәвешен ала башлай һәм жирләрән, калган кадәре мөстәкыйльлеген дә югалта. Болганыш чорыннан соң Касыйм шәһәре онытылган бер жир хәлендә кала һәм елъязмаларда, чыганакларда аның исеме инде бөтенләй телгә алынмый. Хокукый яктан ханлык саналса да, чынлыкта ул берничә өяздән торган урыс дәүләтенең гадәти административ берәмлеге дәрәжәсендә генә санала.

Беренче чорда (1445–1552 еллар) ханлыкта төрле тармак вәкилләре — Олуг Мөхәммәд династиясеннән (1445–1486 елларда — Касыйм һәм Данияр солтаннар), Кырым династиясеннән (1486–1512 елларда — Нурдәүләт хан һәм Сатылган, Жанай солтаннар), Олы Урда (Хажитархан) династиясеннән (1512–1567 елларда — Шәех Әүлияр солтан, Шаһгали һәм Жангали ханнар) хакимлек итәләр. Кырым вәкилләре идарә иткәндә, Кырым ханлыгы алып барган сәясәткә басым ясау мөмкинлеге туа. Казан ханлыгын ныклы конт-

рольдә тотуның бер чарасы — Казан тәхетенә үз кешеләрен утырту өчен көрәш алып барыла. Касыйм ханлыгының сугышчан, бик яхшы өйрәтелгән атлы гаскәре соңгы чор Алтын Урда дөүләтләрен тармар итүдә хәлиткеч көчкә әверелә.

Касыйм дөүләтенең статусын вассал ханлык дип атарга мөмкин. Димәк, ул үзенең ижтимагый-сәяси төзелеше ягыннан башка соңгы чор Алтын Урда дөүләтләренә (бигрәк тә Казан һәм Кырым ханлыкларына) охшаш була һәм 1445–1530 елларда эчкә идарәлегендә тулысынча үзенең сюзерены — Бөек Мәскәү кенәзлегенә, соңрак Русия дөүләтенә бәйлә хәлдә яши. Ханлыкка Касыйм хөкемдары (хан яки солтан) затлы нәселдән саналган иярченнәре (огланнар, бөкләр, морзалар һ.б.) белән идарә иткән. Әмма бу дөүләт корылмасының тышкы эшләр сәясәте тулысынча Мәскәү кулында була.

Касыйм ханлыгының хакимлек вазгыятенә аның специфик хәле (дөүләтчелекнең вассалчыл характерда булуы, географик урнашуда мөселман дөүләтенең һәм православияле Русиянең янәшәлегә, бер территориядә татар һәм урыс халыкларының көн итешә) аерым үзенчәлекләр тудырмый калмый. XVI гасырның утызынчы елларыннан башлап Мәскәү хакимияте, Касыйм ханлыгының эчкә эшләренә тыкшынып, Мәскәүгә буйсынучы «параллель» администрация структурасын барлыкка китерә. Әмма бу нечкәлекләр Касыйм ханлыгы яшәешенең икенче чорында бигрәк тә калку рәвештә күзгә ташлана.

Summary

Kasimov Khanate (or «Kasimov Kingdom» according to Russian historiography, or «Meschera», «Meschera iurt» according to 15th-16th century sources) was a state existed on Russian territory in 15th-17th century.

Kasimov Khanate appeared as a subjective result of civil war on the territory of future Russian State in the second quarter of 15th century. It was founded in 1445 on the adjoining territories of Ryazan and Moscow principalities as a redemption territory promised to Khan Ulug-Moukhammad by the Muscovite Grand Prince Vasily II after the defeat of Russians in the environs of Suzdal. Thus, Kasimov Khanate was a territory forced from Moscow Principality.

We can trace clearly two periods in historical development of Kasimov Khanate. The first period, since the Khanate was formed in 1445 and until the fall of Kazan «iurt» in 1552, is notable for the fact that Kasimov Khanate was highly appreciated as a dynastic counterpoise to Kazan and Crimea Khanates. During this period Kasimov Khanate was rather autonomous in its internal affairs. In the second period, since the fall of Kazan and until formal liquidation of Kasimov Khanate in 1681, this political entity gradually became an anachronism. So, Russian government took systematic steps to «dissolve» Kasimov Khanate within Russia.

The status of Kasimov Khanate changed quickly due to the change of geopolitical situation in Eastern Europe which took place after Muscovite State conquered Kazan and Astrakhan Khanates. The Khanate became almost an appanage principality, it lost its territories and the rest of its autonomy. And after the Smuta period (the Time of Troubles) Kasimov Khanate was only a remote province and was rarely mentioned in annals and chronicles. Legally still being a khanate, it practically became a simple administrative unit of Russia consisting of several uezds (districts).

In its first period of development (1445-1552), Kasimov Khanate was ruled by the dynasty of Ulug-Moukhammad descendants (sultans Kasim and Danyar (1445-1486), Crimean dynasty (khan Nur-Daulet, sultans Satylgan and Janay (1486-1512) and Big Horde (Astrakhan) dynasty (sultan Sheikh-Auliyar, khans Shah-Ali and Jan-Ali (1512-1567)). The rule of Crimeans made it possible to influence Crimean Khanate policy; and one of the ways to gain control over Kazan Khanate policy was promotion of Kasimov proteges to the Kazan throne. Excellent cavalry of Kasimov Tatars was the shock troops in fights against other post-Golden Horde states.

We can say Kasimov Khanate was a vassal khanate, which means it was practically similar in its sociopolitical structure to other post-Golden Horde states (especially Kazan and Crimean Khanates). In 1445-1530s it was completely independent from its suzerain – the Muscovite Grand Principality (and later, Russia) – in matters of home policy. The Khanate was ruled by Kasimov governor – khan or sultan – and his noblemen (ulans, beks, murzahs and other). However, foreign policy of the Khanate was totally controlled by Moscow.

The specific status of Kasimov Khanate (vassal state system, geographical position of an Islam state within the Orthodox Christian Russia, mixed Tatar and Russian population) brought the development of a certain peculiarities. Beginning from 1530s Moscow government started to interfere into Kasimov Khanate home policy, thus introducing the elements of «parallel» (controlled by Moscow) administration. However, these nuances became more vivid in the second period of Kasimov Khanate development.

Рахимзянов Булат Раимович

Булат Раимович Рахимзянов родился 22 марта 1976 года в Казани. В 1998 году окончил Казанский государственный университет по специальности «История». В 1998—2001 гг. обучался в аспирантуре Казанского государственного университета на кафедре отечественной истории до XX века, которую закончил в 2001 году с защитой кандидатской диссертации по теме «Касимовское царство: социально-политическое развитие (1445—1552 гг.)». Кандидат исторических наук (2001).

С 2003 по 2006 год работал ассистентом кафедры отечественной истории до XX века исторического факультета Казанского государственного университета. В 2006/2007 академическом году проводил научное исследование в Гарвардском Университете (США, г. Кембридж), а также в Санкт-Петербургском государственном университете. С 2008 года — старший научный сотрудник Центра этнологического мониторинга Института истории им. Ш.Марджани Академии Наук Республики Татарстан. Параллельно работает доцентом кафедры документоведения Казанского государственного энергетического университета.

Область научных интересов — имперская история России, в особенности национальные и религиозные аспекты, ислам в России, этническая история российских татар, татарская идентичность, сравнительная история империй, средневековая история России, в особенности восточная политика Московского государства, история и память.

Автор работ по средневековой истории России, в частности по истории Золотой Орды, Касимовского ханства и в целом восточной политике Московского государства XV—XVI вв.

Участник более чем 35 научных и образовательных мероприятий, в их числе — международные и всероссийские научные конференции, Летние школы, докторские семинары. Выступал с докладами в Гарвардском университете.

Лауреат премии Республики Татарстан для государственной поддержки молодых ученых по направлению «История, язык и литература» (2004). Финалист программы Фулбрайт по обмену учеными (Fulbright Senior Visiting Scholar Program) (2006). Стипендиат Фонда Карнеги в области социальных и гуманитарных наук (Carnegie Corporation Fellowship in Social Sciences and Humanities) (2007).

E-mail: bulatrain@mail.ru, bulatrain@yahoo.com.

Научно-популярное издание

Рахимзянов Булат Раимович

КАСИМОВСКОЕ ХАНСТВО (1445–1552 гг.).

Очерки истории

Редактор *М.С.Гатин*

Художественный редактор *Р.Х.Хасанишин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Н.Н.Мусина*

Корректоры *А.Г.Хамитова, Э.Р.Миннуллина*

Оригинал-макет подписан в печать 16.10.2009. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Печ. л. 13,0 + вкл.0,5. Тираж 2000 экз. Заказ В-61.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул.Декабристов, 2.